

СЕМЬ ПРОПОВѢДЕЙ

СУНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА

МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО

ІОСИФА

ГОВОРЕННЫЯ ПРИ ВАЖНѢЙШИХЪ СЛУЧАЯХЪ СЛУЖЕНІЯ

И

О ГРЕКО-УНИТСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ РОССІИ

ВОСПОМИНАНІЯ АРХІЕПИСКОПА АНТОНІЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Сунодальная Типографія

1889

СВЯТЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУНОДЪ

ОТЪ ДВУХЪ СТОЛБОВЪ

СВЯТЫХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИХЪ СУНОВЪ

А Ф И О

По опредѣленію

Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

1880

ПРЕДИСЛОВІЯ.

I.

Пятидесятилѣтіе возсоединенія западно - русскихъ уніатовъ съ Православною Церковію будить много воспоминаній объ этомъ важномъ русскомъ, православномъ событіи и вызываетъ многихъ русскихъ дѣлиться съ другими своими знаніями и трудами по разъясненію его. Приготавливаются къ изданію и отчасти уже изданы письменные памятники этого событія, изслѣдованія, статьи. Въ нихъ раскрывается та историческая правда, которая, вопреки всѣмъ расчетамъ и ожиданіямъ враговъ Православія и русской народности, завершила успѣхомъ и въ 1839 г. многолѣтнія страданія русскаго народа Западной Россіи, всегда стремившагося быть едино со всѣмъ русскимъ народомъ, въ единомъ русскомъ государствѣ. Повѣдали намъ эту правду въ своихъ запискахъ главнѣйшіе двигатели этого великаго дѣла: приснопамятный бывшій митрополитъ Литовскій и Виленскій Іосифъ Сѣмашко, бывшій архіепископъ Полоцкій и Витебскій Василій Лужинскій и бывшій архіепископъ Минскій и Бобруйскій Антоній Зубко.

Собственные рассказы этихъ лицъ о возсоединеніи, сопровождаемые, какъ, на примѣръ, записки митрополита Іосифа, многочисленными письменными памятниками, или могущіе быть провѣренными этими и другими памятниками, какъ записки Василя и воспоминанія Антонія, имѣютъ великое значеніе. Это—открытое, торжественное предъ лицомъ всего русскаго міра свидѣтельство ближайшихъ очевидцевъ и дѣятелей по возсоединенію уніатовъ.

Къ сожалѣнію, не всѣмъ доступны даже важнѣйшія изъ этихъ записокъ, — митрополита Іосифа,—по своей обширности и дорогой цѣнѣ. Онѣ, какъ и предпринимаемыя ученыя изданія памятниковъ, могутъ быть достояніемъ лишь немногихъ.

Чтобы доставить возможность большому числу читателей ознакомиться хотя съ главнѣйшими мыслями самыхъ выдающихся двигателей возсоединенія уніатовъ, въ настоящемъ изданіи переизда-

ются: „Семь проповѣдей или словъ митрополита Іосифа и „Воспоминанія архіепископа Антонія“, а также почти все письмо его къ одному знакомому римско-католическому священнику и краткое исповѣданіе истины Православія, данное митрополиту Іосифу передъ рукоположеніемъ автора въ санъ епископа въ 1834 году.

„Семь проповѣдей“ митрополита Іосифа заключаютъ въ себѣ въ краткомъ видѣ торжественное православное, русское и пастырское исповѣданіе своихъ убѣжденій и чувствъ. Здѣсь есть и всенародное въ храмѣ Божіемъ свидѣтельство Архипастыря, что имъ руководили въ дѣлѣ воссоединенія не мірскія побужденія, а сердечное убѣжденіе въ истинѣ Православія (стр. 20); здѣсь есть возвышенное понятіе о единомъ вселенскомъ Православіи, обязывающее всѣхъ объединяться, а не дѣлиться по губерніямъ (стр. 29—30); здѣсь есть наконецъ необыкновенно сильный призывъ воспитывающемуся духовному юношеству къ его великому служенію для блага родины (стр. 21—23). Пишущій эти строки былъ въ числѣ слушателей этой проповѣди митрополита Іосифа и можетъ засвидѣтельствовать, что она произвела на это юношество потрясающее впечатлѣніе, неизгладимое на всю жизнь во всѣхъ, въ комъ была дѣйствительно живая душа. Это оправдалось потомъ въ жизни. Изъ числа молодыхъ слушателей этой проповѣди вышли потомъ, во времена послѣдней польской смуты, многіе исповѣдники русской православной истины, а одинъ изъ нихъ, священникъ Романъ Рапацкій, засвидѣтельствовалъ эту истину и мученической кончиной.

Воспоминанія архіепископа Антонія весьма близки по своему духу къ „Семи проповѣдямъ“ митрополита Іосифа. Въ нихъ та же непоколебимая, беззавѣтная любовь къ Православію и Россіи; но особенности характера Антонія и уединенная, на покоѣ, жизнь придали его воспоминаніямъ новыя плѣнительныя черты. Онъ такъ же, какъ и митрополитъ Іосифъ, любилъ высшую гармонію, единство въ мірѣ природы и въ мірѣ нравственномъ; но больше его имѣлъ возможности наблюдать спокойно законы этого единства и восхищаться ими. Его воспріимчивая, любвеобильная душа широко обнимала міръ людей. Онъ въ своемъ живописномъ изображеніи жизни въ Жировицахъ восхищался единеніемъ всѣхъ тамъ собравшихся русскихъ, и бѣлоруссовъ, и малоруссовъ, и великоруссовъ, и простою, дружескою ихъ жизнію; но въ то же время онъ показываетъ намъ, какъ въ этомъ, дѣйствительно необыкновенномъ муравейникѣ всѣ поднимались на высоту знаній, погружались въ изученіе древнихъ церковныхъ памятниковъ, когда нужно было выяснитъ дѣло, доискаться правды. Онъ сильно,

твердо обличаетъ и крайнее латинство, и мятежный полонизмъ; но онъ не забываетъ, что и латинская церковь прежде была истинною и въ единеніи съ Восточною церковью, что въ ней и теперь рядомъ съ заблужденіями существуютъ и древнія общецерковныя истины; не забываетъ онъ также, что и поляки—славяне, близкіе намъ братья, и сожалѣтъ, что ихъ омрачило латинство. При этомъ мысль его обращается и къ другимъ славянамъ, и объ нихъ онъ тоже скорбитъ, что латинство уклонило ихъ съ истиннаго пути. Его любознательность и сердечность заставляютъ его скорбѣть и о ложномъ направленіи цивилизаціи вообще Западной Европы, которой онъ даже приписываетъ главнѣйшія изъ заблужденій латинства.

Соединеніе въ одномъ изданіи болѣе общедоступныхъ произведеній митрополита Іосифа и архіепископа Антонія имѣтъ особенное значеніе. Это были не только главнѣйшіе двигатели воссоединенія, но и связаны были самою тѣсною дружбой почти съ академической скамьи. Племенные особенности придавали прелесть и многознаменательность этой дружбѣ. Іосифъ былъ чистый малороссъ, Антоній—чистый бѣлорусъ. Оба любили западно-русскія племена, изъ которыхъ вышли, но не дѣлили ихъ никакою рознью и оба съ неодолимою силою стремились къ единенію съ восточною Русью. Они всѣмъ этимъ оставили потомкамъ плѣнительный образецъ объединенныхъ силъ и завѣтовъ единой, нераздѣльной православной Россіи.

Профессоръ М. Кояловичъ.

II.

Рожденный и воспитанный внѣ Православныя Церкви, внѣ круга русскаго слова, я не могъ ежевременно проповѣдывать слово Божіе, подобно другимъ архипастырямъ, благовременно приготовленнымъ на служеніе Русской Православной Церкви; да и тревожное мое поприще, съ усиленными занятіями, по особеннымъ обстоятельствамъ моего служенія, сего мнѣ не позволяли. Были однакожь случаи, при которыхъ я считалъ своимъ долгомъ сказать нѣчто, сколько позволяли мои силы и способности, дабы эти случаи не остались безплодными для назиданія и утвержденія въ Православіи вѣрнной мнѣ паствы. Къ подобнымъ случаямъ относятся „Семь Словъ“, предлагаемая здѣсь благочестивому вниманію православныхъ. Они печатаются не по литературному ихъ достоинству, но по связи съ замѣчательными происшествіями, радостными для Церкви нашей и утѣшительными для сердца православныхъ.

Іосифъ, Митрополитъ Литовскій и Виленскій.

С Л О В О,

ГОВОРЕННОЕ 8 СЕНТЯБРЯ 1840 ГОДА, ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ВЪ ГОРОДѢ ВильнѢ
ПРАВОСЛАВНАГО СОВОРА во имя Святителя и Чудотворца Николая *).

*Се нынѣ благословите Господа вси раби
Господни, стоящии въ храмъ Господни, во дво-
рѣхъ дому Бога нашего (Псал. 133, 1.)*

Новый храмъ славѣ Всевышняго, домъ молитвы, отверсть намъ нынѣ, православныя христіане. И сколько ощущеній горестныхъ, но и радостныхъ долженъ возбудить въ насъ взоръ на величественное сіе зданіе: оно влечетъ насъ необходимо къ прошедшему, и напоминаетъ намъ о жребіи любезнаго отечества и матери нашея, православныя Церкви.

Два вѣка Русь православная подавлена была неслыханнымъ наше- ствіемъ дикихъ варваровъ Востока, стеснала подъ ихъ игомъ; другіе два вѣка она боролась съ западными сосѣдями, основывавшими могущество свое на ея по- гибели, потрясена была до основанія внутренними раздорами, возбужденными коварствомъ тѣхъ же сосѣдей: и вотъ она, испытанная бѣдствіями, воскресла къ новому бытію; укрѣпилась спасительнымъ, Богомъ ей даннымъ, само- державіемъ; повергла въ прахъ враговъ своихъ; возрасла до необъятнаго величія; простерла мощныя рамена свои отъ востока солнца до запада; и жребій міра въ десницѣ ея.

Церковь Православная раздѣляла участь Россіи. Она боролась, съ одной стороны, противу язычества и магометанства, съ другой, противу гибельнаго въ церкви западной единовластительства, подрывавшаго чистоту древняго Православія. Она страдала вмѣстѣ съ чадами своими, хранила ихъ вѣру, ободряла въ бѣдствіяхъ, благословляла на праведную брань, молилась объ успѣхахъ добраго подвига,—и Всевышній услышалъ молитвы ея. Вотъ и она благоденствуетъ нынѣ, вмѣстѣ съ земнымъ своимъ отечествомъ; кра- суется благолѣпиемъ храмовъ Божіихъ, а еще болѣе, благочестіемъ и крѣпкою вѣрою священства и безчисленныхъ чадъ своихъ; внутреннимъ благоустрой- ствомъ напоминаетъ самыя цвѣтуція времена христіанства; собираетъ съ кро-

*) Соборъ этотъ построенъ иезуитами, и за уничтоженіемъ ихъ общества, еще при польскомъ правительствѣ, состоялъ во временномъ завѣдываніи другаго римско-католическаго духовенства; а наконецъ, послѣ польской смуты 1831 года, обращенъ въ соборъ, по Высочайшему соизволенію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

тостію и любовію подь свои крылья прочихъ чадъ своихъ, исторгнутыхъ изъ нѣдръ Православія происками и коварствомъ чуждаго владычества, торжествуетъ надъ врагами своими,—и мы празднуемъ нынѣ торжество ея во храмѣ, сооруженномъ на гибель Православія злѣйшими врагами онаго—іезуитами.

Какъ, послѣ сего, не воскликнуть изъ глубины сердець нашихъ: *Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ!*

Но торжество наше да не смущаетъ васъ, стоящіе во храмѣ семъ, о Христѣ братія наши, подчиненные западной церкви. Служитель истины, я обязанъ вѣщать ея во услышаніе всѣмъ, здѣсь особенно, гдѣ духъ страстей и древняго раздора, посягая заблужденія, разъединяетъ до-сихъ-поръ дѣтей одного племени, одной крови.

Всеблагій Господи! укрѣпи гласъ мой, да отзовется онъ въ сердцахъ правдивыхъ, не чуждыхъ евангельскія благодати, жаждущихъ истины.

Со святымъ крещеніемъ, Русь приняла вѣру и ученіе отъ Церкви Восточныя, въ то еще время, когда Церковь Христіанская находилась въ нераздѣльномъ всеобщемъ составѣ и первоначальной чистотѣ. Вѣру сію и ученіе Церковь Русская сохранила неприкосновенно, какъ драгоценное сокровище, ввѣренное ея попеченію. Напрасно первосвященники Запада, пользуясь гибельнымъ положеніемъ нашего отечества, льстивыми обѣщаніями старались совратить ея съ пути истины: она пребыла непоколебимой и отвергла нововведенія Запада, стремившіяся измѣнить древнее ученіе и постановленія Каѳолическія Церкви.

За чтожь порицають Православную Церковь западные учителя?

За то-ли, что она сохранила Символь вѣры и ученіе, оставленные ей семью вселенскими соборами, и не дерзнула прибавлять къ сему достоянію всеобщія Церкви отъ собственнаго семуудрія; что частнымъ своимъ соборамъ не присвоивала власти Вселенскія Церкви? За то-ли, что, соблюдая единство церкви, осталась въ общеніи съ четырьмя патріархами, а не послѣдовала честолюбивымъ видамъ одного римскаго патріарха? За то-ли, что внемля гласу Спасителя: *Царство Мое нѣсть отъ міра сего* (Іоан. гл. 18, ст. 36), она не позволяла своимъ пастырямъ кичиться мірскимъ могуществомъ и поирать святотатственною ногою власть и права помазанниковъ Божіихъ? За то-ли, что не способствовала растлѣнію нравовъ всеобщимъ воспрещеніемъ священству сподобляться честному браку; что не отвергла чадъ своихъ отъ приобщенія крови Господней, помня заповѣдь Іисуса Христа: *аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пїете крове Ею, живота не имате въ себѣ* (Іоан. гл. 6, ст. 53)? О! если таковы намъ упреки—мы гордимся ими и благословляемъ Церковь, которая соблюла насъ для подобныхъ порицаній.

Итакъ, Церковь Русская Православная чиста предъ Богомъ и людьми въ сохраненіи истиннаго христіанскаго ученія. Но, можетъ быть, она вторгалась въ достояніе западныхъ церкви, и тѣмъ самымъ дала поводъ къ справедливымъ пререканіямъ?! Посмотримъ.

Взгляните, куда еще нынѣ простирается наша Русь. Горы Карпатскія, рѣка Санъ и даже Висла, города Люблинъ, Холмъ, Сѣдлецъ, Дрогичинъ, Бѣлостокъ, Гродно и Вильна лежатъ на предѣлахъ ея. Къ востоку отъ сей черты, весь народъ исповѣдывалъ искони вѣру Православную, водворенную здѣсь Святымъ Равноапостольнымъ Княземъ Владиміромъ; славилъ Бога на единомъ и томъ же славянскомъ языкѣ; составлялъ одну и ту же Русскую Церковь; соединенъ былъ одними чувствами единокровія и народности. Настала година испытанія. Русь, какъ жертва спасенія западныхъ государствъ, подверглась разгрому татарскому, и, обезсиленная до крайности, занята была въ лучшихъ областяхъ своихъ Литвою, едва до того времени извѣстною, скрывавшеюся въ лѣсахъ сѣверной половины нынѣшней Виленской губерніи *). Но господство Литвы не оказалось вреднымъ ни для Руси, ни для Церкви Православныя. Церковь осталась въ прежнемъ ея составѣ, неприкосновенною въ правахъ своихъ; князья литовскіе сдѣлались по большей части ея чадами; слѣдую ихъ примѣру, прочіе литовцы крестились постепенно въ нѣдрахъ сей церкви; Вильна была мѣстопребываніемъ русскихъ митрополитовъ; русское населеніе вступило во все права прочихъ подданныхъ Литовскаго государства, и самый языкъ русскій сдѣлался въ семь государствъ языкомъ правительственнымъ.

Литва сдѣлалась уже почти русскою державою. Но держава сія подпала владычеству поляковъ, посредствомъ брака одного изъ князей ея съ польскою царевною Ядвигаю и избранія его королемъ польскимъ. Господствующее здѣсь римское духовенство, дѣйствуя за одно съ правительственными видами Польши, овладѣвъ умомъ новаго своего совращенца Ягайлы и многихъ изъ его преемниковъ, устремило свои усилія на порабощеніе и Церкви Русскія, сиротствовавшія нѣкоторымъ образомъ, по несчастному тогдашнему положенію остальныхъ Восточныя Церкви. Напрасно русскіе защищались именемъ христіанъ: ихъ крестили въ латинство наравнѣ съ литовскими язычниками, такъ что одинъ изъ римскихъ первосвященниковъ вынужденнымъ нашелся воспретить польскимъ епископамъ сіе святотатство. Напрасно высшія званія русскаго народа вопіяли противу нарушенія свободы совѣсти и правъ гражданскихъ: ихъ лишали всякихъ привилегій, отвергали отъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ, предавали поруганію, и даже лишали иногда самаго погребенія. Напрасно русскіе, доведенные до крайности, болѣе вѣка боролись съ могущественною своею владычицею Польшею; кровь лилась рѣками, но изувѣрство продолжало свое дѣло силою или коварствомъ. Наконецъ дѣло тьмы уже было восторжествовало. Высшія званія общества, увлеченныя силою обстоятельствъ и происками іезуитовъ, приняли римскую вѣру; на мѣстѣ русскихъ церквей и обителей возстали церкви и монастыри римскіе; русское духовенство порабощено, лишено даже средствъ воспитанія; русскій народъ разъединенъ въ значительной части съ общео

*) Когда говорено было это Слово, тогда нынѣшней Ковенской губерніи еще не было, а большая часть ея уѣздовъ, населенныхъ литовскимъ племенемъ, входила въ составъ Виленской губерніи.

своею матерью Русскою Церковью, посредствомъ, такъ называвшейся, уни.

Но дѣло неправды не могло имѣть продолжительнаго успѣха. Гонимая за вѣру Русь Литовская обратила взоръ и упованіе свое къ Руси Восточной, гдѣ Церковь Православная благоденствовала подъ скипетромъ русскихъ самодержцевъ. Многія области русскія, Литвою захваченныя, давно уже возвратились къ Россіи, съ вѣрою еще чистою: остальные же возвращены ей въ наши времена, хотя измѣненными по наружности, но все же русскими по языку и сердечнымъ чувствамъ здѣшнихъ жителей. Едва сіе дѣло Промысла совершилось—три милліона униатовъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, возвратились на лоно матери своей Православныя Церкви; возвращеніе же прочихъ униатовъ въ нѣдра той же церкви—возвращеніе мирное, Богомъ благословенное—мы сподобились видѣть собственными глазами въ истекшемъ году.

Простите, христіане, если я, можетъ быть, слишкомъ занялся дѣянїями человѣковъ. Но дѣянїя сіи въ высшей степени поучительны. Они представляютъ намъ Промыслъ Божій въ судьбѣ государствъ и Церкви. Россія была раздавлена ея врагами, — и она нынѣ торжествуетъ, возвращаетъ древнее свое достояніе! Церковь Православная была поругана, гонима, растерзана, — а теперь она возстала въ большемъ блескѣ и велелѣпїи! Неисповѣдимы, но и праведны суды Твои, Господи! Ты возвеличилъ слабыхъ, угнетенныхъ; чрезъ Тебя восторжествовала истина.

Не скорбите о торжествѣ нашемъ, ревнители западныхъ церкви. Взгляните безпристрастно на здѣшній край—это достояніе Православныя Церкви. Много-ли здѣсь кореннаго народа римской вѣры? Онъ ограничивается предѣлами сѣверной части Виленской губерніи *); остальной совращенъ изъ Православїя. Много-ли здѣсь дворянскихъ родовъ, не бывшихъ прежде православными? Это одни только почти переселенцы въ Литву изъ Польши. Князья Сангушки, Масальскіе, Вишневецкіе, Острожскіе, Рожинскіе, Четвертинскіе, Любедкїе, Пузины и многіе другіе; знаменитые роды Огинскихъ, Поцѣвевъ, Сапѣговъ, Ходкевичей, Пацовъ, Хребтовичей, Воловичей, Тышкевичей, Корсаковъ и прочихъ безъ числа—все это были дѣти Русскія Православныя Церкви. Взгляните на самую Вильну: двѣсти лѣтъ тому назадъ здѣсь еще было тридцать шесть православныхъ церквей. За что-жъ порицать Церковь Православную, если она простираетъ матернія свои объятїя къ дѣтямъ своимъ, хотя и забывшимъ ее, но все для нея не чуждымъ? За что порицать и обитателей здѣшнихъ странъ, если они прибѣгаютъ въ нѣдра древнїя матери своей—Православныя Церкви, чтобы наконецъ успокоиться на лонѣ ея, послѣ вѣковыхъ тревоженїй? Признайтесь, что дѣло Православныя Церкви справедливо, и обратите лучше вниманіе на тѣхъ, кои святотатственными внушенїями и происками сѣютъ вражду между дѣтьми одного и того-же семейства, разъединяютъ сердца едино-

*) Когда въ составъ ея входила большая часть нынѣшней Ковенской губерніи. Прим. М. К.

кровныя! . . . Не виды ли гордости и самолюбія, не закоренѣлая ли не-христіанская ненависть и злоба, не своекорыстіе ли и соумышленіе съ врагами отечества руководствуютъ ими? . . . Берегите же сердца и помышленія ваши отъ навѣтовъ злобы, отъ наущенія духа тьмы, дѣйствующаго чрезъ усердныхъ клеветовъ своихъ: и очи ваши отверзутся видѣть истину, а сердца ваши откроются для любви православныхъ собратій вашихъ.

Мы же, православные, да не возгордимся торжествомъ нашея Церкви! Благодаримъ Бога, давшаго торжество истинѣ. Благословимъ Помазанника Его, Благочестивѣйшаго Государя Императора, покровительствующаго Православной Церкви. Но и да не оскорбимъ отеческаго Его сердца непріязненными чувствами къ иновѣрнымъ, но не чуждымъ для насъ здѣшнимъ обитателямъ. Простремъ къ нимъ объятія любви Христовой. Будемъ молиться, да Всевышній устранилъ причины разъединенія умовъ; да падеть средостѣніе вражды, и церковь Западная да соединится попрежнему съ Восточною и *да будетъ едино стадо* (Іоан. гл. 10, ст. 16.), какъ единый есть Пастыреначальникъ и Глава Церкви, Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ!

Благословите же Господа вси раби Господни, во дворяхъ дому Бога нашего. Аминь.

С Л О В О,

ГОВОРЕННОЕ 22 СЕНТЯБРЯ 1840 ГОДА, ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ВО ИМЯ
УСПЕНІЯ БОЖІЯ МАТЕРИ ВЪ ПОЖАЙСКОМЪ МОНАСТЫРѢ *).

*Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи сии!
Желаетъ и скончается душа моя во дворы
Господни. (Псал. 83, ст. 1 и 2).*

Если священныи псалмопѣвецъ, изрекая восторженныя слова сіи, имѣлъ въ виду обители земныя, посвященныя славѣ Господней; то мы, не обинуясь, можемъ воскликнуть оныя въ обители, которую сподобились обновить нынѣ посвященіемъ, во славу Всевышняго и къ преуспѣянію нашея Православныя Церкви. Храмъ величественъ зодчествомъ, драгоцененъ изяществомъ; обитель мирная; окрестности природою украшенныя, но пустынныя, — столь приличныя

*) Монастырь зтотъ стоитъ въ 9 верстахъ отъ губернскаго города Ковна, въ живописномъ мѣстоположеніи надъ рѣкою Нѣманомъ; а по величественной и изящной архитектурѣ могъ-бы быть украшеніемъ столицы. Онъ принадлежалъ римско-католическимъ монахамъ камальдуламъ, и былъ закрытъ за участіе сихъ монаховъ въ польскомъ мятежѣ; а наконецъ, по Высочайшему соизволенію Государя Императора, обращенъ въ православный монастырь.

иноческому уединенію. Одинъ ли изъ богомольцевъ, посѣщая мѣста сіи, одушевлялся священнымъ восторгомъ, желалъ сокрыться здѣсь на всю жизнь отъ мірскихъ тревоженій, и отъ полноты сердца восклицалъ: *Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи! желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни.*

И коль неизреченны судьбы Всевышняго въ обреченіи обители сей на служеніе Церкви Православной! Она недавно еще принадлежала церкви, коей владыки, забывая часто священнѣйшія свои обязанности, предавались мірскому честолюбію и властолюбію, колебали спокойствіе народовъ и государствъ. Подчиненное имъ духовенство не могло поступать иначе. И вотъ вспикѣлъ безумный мятежъ, возбужденный врагами отечества, на гибель самихъ зачинщиковъ. Иноки беззаконные, посвятившіе себя молитвѣ, поставившіе себя во образъ кротости, смиренія, любви къ ближнему, повиновенія властямъ, забывъ долгъ свой, сдѣлались орудіемъ крамолы, возбуждаютъ паству свою возстать на Помазанника Господня, пролить кровь собратій своихъ. Мятежъ палъ! И вотъ, по мановенію Царя и слову Церкви Православныя, благочестивые иноки изъ среды Россіи текутъ населить обитель сію, на прагъ государства, на предѣлахъ Православія.

Чувствуете ли важность своего призванія, о иноки православныя! Вы здѣсь между населеніемъ иновѣрнымъ, которое, быть можетъ, смотритъ на васъ глазами непріязненными; которое будетъ слѣдить за всѣми вашими поступками, будетъ осуждать оныя со всею строгостію: и ваши слабости, ваши недостатки приишутся всей Православной Церкви, которой вы здѣсь представители, — и на васъ падетъ отвѣтственность предъ Богомъ и людьми, если вы, вмѣсто украшенія нашея Церкви, сдѣлаетесь для нея предметомъ стыда и поношенія.

Усугубите же усилія, чтобы сдѣлаться достойными вашего призванія. Кротость и смиреніе противопоставляйте буйству и наглости; трудолюбіемъ покоряйте лѣность и тунеядство; послушаніемъ обуздывайте непокорство; воздержаніемъ укрѣпляйте немощную плоть; цѣломудріемъ и непорочностью покажите себя достойными ангельскаго чина, который пріяли съ торжественными обѣтами предъ лицомъ Всевышняго и Святыя Церкви; вѣрою будьте подобны камню твердому, а молитвою огню неугасаемому.

А Ты, Господи Боже нашъ, услыши молитву нашу! *Да будутъ очи Твои отверсты на храмъ сей день и ночь; и имя Твое тамо на услышаніе молитвы* (3 Цар. 8, 29). Благослови обитель сію. Да будетъ она твердыней Церкви Православныя, подобно другимъ святымъ обителямъ російскимъ. Да твердостію вѣры, добрыми дѣлами, горячностію въ молитвѣ и вѣрностію отечеству будетъ она благовоннымъ еиміамомъ предъ Святымъ Твоимъ Престоломъ, и да послужитъ живымъ примѣромъ сихъ добродѣтелей предъ жителями здѣшнихъ странъ. Аминь.

С Л О В О,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ 30 ДЕНЬ АВГУСТА 1842 ГОДА, ПРИ ОТКРЫТІИ БРЕСТСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Премудрость созда себѣ домъ: закла своя жертвенная, раствори въ чаши своей вино, уготова свою трапезу; и посла своя раба, созывающа и глаголюща: иже есть безумецъ да придетъ ко мнѣ; и требующимъ ума рече: придите, ядите мой хлѣбъ и пейте вино, еже растворихъ вамъ; оставите безуміе, и живи будете, взмъщите разума, и исправите разумъ въ видѣннѣи. (Притч. Солом. гл. 9, ст. 1—6).

Затвердите, о юноши! въ сердцахъ вашихъ сію притчу царя Соломона, столь прекрасно изображающую настоящее положеніе ваше. Домъ, въ которомъ мы нынѣ собрались, созданъ для васъ премудростію общаго нашего Отца Государя. Онъ обезпечилъ здѣсь все нужное для вашего существованія, для образованія вашего ума и сердца—*уготова трапезу*. И къ трапезѣ сей созываетъ васъ не чрезъ слугъ своихъ, но чрезъ надежду всея Россіи, первороднаго своего Сына и Наслѣдника Государя Цесаревича, котораго удостоились вы имѣть своимъ Начальникомъ и Попечителемъ. Онъ, съ кроткою любовію, приглашаетъ васъ къ сей трапезѣ премудрости: да оставите дѣтское ваше невѣжество, раскроете умственные ваши способности, просвѣтите сердце ваше высокими правилами нравственности и долга и воскреснете отъ жизни плотской къ жизни разумной—*живи будете*; и сверхъ того *исправите разумъ въ видѣннѣи*, т. е. умъ вашъ обогатите, украсите свѣдѣніями и науками, приличными всякому образованному челоуку, а въ особенности необходимыми вамъ, готовящимся быть полезными слугами и защитниками любезнаго нашего Отечества.

А завидно великое наше Отечество! Изъ зерна, брошеннаго на берегахъ Москвы, теплотворными лучами самодержавія возрасло оно въ исполинское древо, покрывающее нынѣ вѣтвями своими какъ бы цѣлый особый міръ. И міръ сей исполненъ изобильно благъ природы, раскрывающихся на всякомъ шагѣ. И на семъ неизмѣримомъ пространствѣ разсыпанъ безчисленный единоплеменный народъ славянскій. И народъ сей, съ сыновнею любовію, слѣдуетъ мановенію благотворной воли единаго Помазанника Божія, Отца своего и Государя. И воля сія, столь же свободная отъ безумнаго свое-

вольства черни, сколько отъ мечтаній близорукихъ умозрителей, даетъ всюду полезное направленіе разумному труду, ограждаетъ общій порядокъ мудрыми законами, сѣетъ всюду благодѣтельное просвѣщеніе, извлекаетъ изъ нѣдръ варварства многочисленныя племена, мощною десницею соединяетъ ихъ въ одно благообразное цѣлое, возводитъ насъ въ націю столько же сильную, сколько просвѣщенную, и готовитъ ей завидный жребій быть просвѣтительницею и образовательницею цѣлаго полуміра,—жребій, котораго удостоились немногія историческія націи.

Пожалѣемъ о тѣхъ изъ родичей нашихъ *), кои, вмѣсто участія съ нами въ столь великомъ предназначеніи, предали себя въ орудія тайныхъ иноземныхъ скопищъ. Мы не позавидуемъ никому—и носить имя сыновъ исполинской Россіи, быть участниками въ великомъ ея предназначеніи, не ниже, такъ! не ниже, о благородные юноши, жребія кого бы то ни было изъ гражданъ на земномъ шарѣ!

Но чтобы носить съ честію имя сыновъ великаго нашего Отечества, необходимо быть оному полезнымъ. Коль ни скромно, или возвышенно будетъ мѣсто, которое Промыслъ предназначаетъ вамъ на поприщѣ вашего служенія, на каждомъ ожидаетъ васъ долгъ, которому слѣдуетъ повиноваться, обязанности, которыя необходимо исполнять. Что повелѣваетъ первый, какъ исполнять послѣднія,—научать васъ, о юноши, ваши начальники и наставники. Они предъ Богомъ и Государемъ обязаны отвѣтомъ за ваше умственное образованіе, за чистоту нравовъ вашихъ—и горе имъ, если забудутъ долгъ свой! Предайте жъ себя ихъ руководству съ полною довѣренностію; откройте невинныя сердца ваши ихъ спасительнымъ наставленіямъ, повинуйтесь приказаніямъ ихъ, какъ собственныхъ родителей вашихъ, какъ постановленнымъ надъ вами общимъ Отцемъ нашимъ Государемъ. Обратите особенно всю любовь, все упованіе ваше къ сему общему нашему Отцу, къ ближайшему вашему Попечителю, Наслѣднику Его Государю Цесаревичу, и къ главному вашему Начальнику Его Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу. Они не иначе смотрятъ на васъ, какъ на дѣтей своихъ,—заставьте жъ ихъ радоваться вашимъ поведеніемъ, вашими успѣхами. Паче же всего, не забывайте, о христоролюбивые юноши, Отца Небеснаго, Творца и Зиждителя всѣхъ насъ! Безъ Его Промысла, не можетъ совершиться ни одно изъ вашихъ начинаній; безъ Его благодати, ни одно изъ вашихъ дѣйствій не можетъ быть освящено, къ вѣчному вашему блаженству! Храните жъ въ сердцахъ вашихъ страхъ Божій, обращайтесь ко Всевышнему въ усердныхъ молитвахъ вашихъ, исполняйте священный завѣтъ Его. Тогда и на бранномъ поприщѣ вашемъ не оставитъ Онъ васъ, вѣщавшій нѣкогда избранному народу Своему: *Аще въ повелѣніяхъ Моихъ ходите и заповѣди Мои сохраните, и сотворите я: поженете враги ваши и падутъ враги ваши предъ вами; и пожнутъ пять отъ васъ сто, и сто васъ пожнетъ тьма* (Лев. 26,3.8).

*) Здѣсь, какъ и при концѣ Слова, по обстоятельствамъ времени и мѣстности, указывается на тѣхъ несчастныхъ изъ поляковъ, которые сдѣлались орудіями чуждаго вліянія противу Россіи.

Позвольте обратиться и къ вамъ, достойные представители благороднаго дворянства, положившаго основаніе сему заведенію, усердіемъ и пожертвованіями своими. Вы знаете и знаете съ прискорбіемъ, что въ странахъ нашихъ есть еще къ несчастію люди, которые видятъ отечество свое не здѣсь, гдѣ ихъ питаетъ родная земля, гдѣ лежитъ прахъ ихъ отцевъ славянъ, гдѣ на поприщѣ жизни общественной собратія требуютъ ихъ содѣйствія, гдѣ связываетъ ихъ священная вѣрноподданическая клятва; но мечтаютъ видѣть его тамъ, гдѣ думаютъ найти свободу буйной, дикой волѣ и необузданнымъ страстямъ своимъ. Они къ несчастію сѣютъ еще иногда втайнѣ вредныя правила и внушенія въ слабыя неопытныя сердца. Отъ сихъ то плевелъ, отъ сей язвы общественной, защищайте, вмѣстѣ со всѣми благомыслящими, предстоящее вамъ юношество, если долгъ или снисхожденіе начальства дозволятъ оному быть внѣ стѣнъ сего заведенія. Да юный разсудникъ сей доставитъ усердныхъ и просвѣщенныхъ слугъ Отечеству и Государю, да гордится ими Россія и да будутъ они елеемъ, исцѣляющимъ прежнія язвы несчастныхъ раздоровъ и звономъ, связующимъ на вѣчныя времена единодушіемъ и любовію родныя племена Великаго Русскаго Царства.

Помолимся съ Церковію къ Богу Создателю, Вседержителю и Содѣтелю всѣхъ; да призритъ на домъ сей, утвердитъ его на твердомъ камени Божественнаго Евангельскаго гласа, благословитъ его, и хотящихъ въ немъ жити свободитъ отъ всякаго навѣта сопротивнаго. Аминь.

С Л О В О ,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ 8 Мая 1845 года предъ всенощнымъ вѣдніемъ на канунъ праздника Святителя и Чудотворца Николая, по случаю перемѣщенія въ Вильну Литовскаго Епархіальнаго Управления и открытія Каѳедральнаго Николаевскаго Собора.

Господи, во свѣтъ лица Твоего пойдемъ, и о имени Твоемъ возрадуемся во вѣки.

Сими словами, въ день Преображенія Господня, Церковь приглашаетъ вѣрныхъ къ таинству Причащенія. По Промыслу Всевышняго, по гласу Церкви Всероссійскія, по волѣ Благочестивѣйшаго Государя, Церковь Литовская Православная вступаетъ нынѣ на новый путь, и какъ-бы таинственно преобразуется къ новой жизни, къ новому поприщу. Приступая, такъ сказать, къ сему таинству преображенія, мы, члены сея послѣднія Церкви, пастыри и овцы, больше нежели когда-либо, имѣемъ нужду воззвать ко преобра-

жившемуся нѣкогда Спасителю нашему: *Господи, во свѣтъ лица Твоего пойдемъ, и о имени Твоемъ возрадуемся во вѣки.*

Забудемъ прошедшее. Забудемъ тѣ горестныя времена, когда Православные, насадившіе, утвердившіе и распространившіе, въ семь, нѣкогда престольномъ градѣ, свѣтъ вѣры Христовой, считались чуждыми въ собственномъ своемъ достояніи; когда они подвергались здѣсь нестерпимому гоненію, уничтоженію, поработенію; когда они, едва терпимые, остались маленькимъ только стадомъ, какъ-бы памятникомъ и указателемъ прошедшаго. Забудемъ, говорю, все это—и горести и страданія. Не станемъ приписывать челоуѣкамъ того, что было несомнѣнно въ предвѣчныхъ судьбахъ Всевышняго. Но забывая о прошедшемъ, позвольте, Православные Христіане, указать только здѣсь на оное, и въ назиданіе и утѣшеніе ваше представить въ нѣсколькихъ словахъ настоящее: дабы мы могли убѣдиться, что Провидѣніе, подвергая Церковь Святую тягостнымъ испытаніямъ, не оставляетъ ея своимъ покровомъ; дабы мы, зная настоящее наше положеніе, могли съ вѣрностію опредѣлить поступки наши въ будущемъ, и съ полнымъ упованіемъ довѣриться тому жъ мудрому Провидѣнію, во вся дни взывая: *Господи, во свѣтъ лица Твоего пойдемъ.*

Недовольно, что Церковь Литовская Русская, искони Православная, вытѣснена изъ градовъ въ скромныя села. Она было измѣнилась въ пастьяхъ и овцахъ, вѣрою, церковными правилами и богослуженіемъ. Она почти забыла свое происхожденіе и отступилась было отъ своей матери Восточныя Каѳолическія Церкви. Но припѣло время искупленія. Премудрый Зажидитель, избравшій смиренный вертепъ Виолеемскій для рожденія отъ Пречистыя Дѣвы Единороднаго Своего Сына, избралъ и для обновленія Церкви Литовской не блестящій градъ, а смиренный уединенный уголокъ, находящійся подъ особеннымъ покровомъ Пречистыя Дѣвы, прославленной въ чудотворной иконѣ Жировицкой*). Здѣсь, Православные Христіане, благостію Божіею, за предстательствомъ Небесныя Владычицы, преобразились мы вѣрою, возвратясь къ чистымъ догматамъ древнія Православныя Церкви; преобразились духомъ, возвратясь къ постановленіямъ и сообществу съ родною нашею матерью Всеросійскою Церковію; преобразились сердцемъ, обновя чувства родственной любви къ великому общему нашему Русскому племени и Русскому Отечеству. Здѣсь старцы съ радостнымъ умиленіемъ видѣли возвращеніе къ прежнему церковному порядку, которому они слѣдовали по большей части въ начаткахъ своей жизни. Здѣсь зрѣлые мужи взвѣшивали прошедшее съ настоящимъ, хитросплетенія лжи со свѣтлыми указаніями здраваго смысла; и преклонили умы и сердца свои предъ непреложною истиною. Здѣсь юноши, приобрѣтая отличное умственное образованіе въ истин-

*) Управленіе Литовской Епархіи, равно Семинарія и Духовныя Училища, до 1845 года, находились въ мѣстечкѣ Жировицахъ, въ 9 верстахъ отъ города Слонима и въ 200 отъ города Вильны, и тамъ совершились всѣ дѣйствія, приготовившія по Литовской Епархіи воссоединеніе униатовъ. Монастырь Жировицкій славится чудотворною иконою Божіей Матери.

номъ духъ Христіанскія Православныя Церкви, учились любить, вмѣстѣ съ сею духовною своею матерью, и земное свое отечество, Русь Православную. Здѣсь даже слабыя жены, столько подверженныя предрасудкамъ и одностороннему увлеченію, прозрѣли предъ очевидностію.

И все это было дѣломъ не болѣе десяти лѣтъ! Если съ симъ краткимъ временемъ сравнимъ необозримое пространство пути преобразованій, по которому прошли мы, столь тихо, столь вѣрно, столь благополучно: то не неизвѣнительно для насъ нѣкоторое чувство самодовольствія. Но нѣтъ, Всемогущій, не намъ, не намъ, а имени Твоему подобаеъ подвигъ великаго сего дѣла. Напутствуемые духомъ Твоея мудрости, направляемые святою Твоею волею, подвигаемые всеильною Твоею десницею, мы прошли тяжкое, но вмѣстѣ утѣшительное поприще, ко славѣ имени Твоего; и повергаясь нынѣ въ прахъ предъ неисповѣдимыми судьбами Твоими, молимъ Тя, *Господи*, дай намъ только взывать и уповать, что и мы *ходили во свѣтъ лица Твоего*.

Теперь Церковь Литовская, благодареніе Всевышнему, утвердилась уже въ воспринятой вновь прародительской вѣрѣ и въ неизмѣнномъ единеніи съ Православною Церковью; и мы, вѣрныя чада ея, укрѣпились духомъ и сердцемъ въ горнилѣ пятнадцатилѣтнихъ не безтягостныхъ испытаній. И вотъ, изъ уединеннаго уголка, предназначеннаго Провидѣніемъ для нашего перерожденія, грядемъ мы цѣлымъ священнымъ сонмомъ къ древнему нашему достоянію*), въ мѣста, украшенныя священными для насъ воспоминаніями; гдѣ отцы наши подвизались къ водворенію и распространенію евангельскаго свѣта; гдѣ они боролись прежде съ язычествомъ, а послѣ съ преобладаніемъ чуждаго церковнаго владычества; гдѣ они страдали и молились,—и страданіями и молитвами своими сохранили и приготовили для насъ сладкую, радостную минуту нынѣшняго торжества!

И какое торжество! Взгляните на этотъ соборъ, который мы, четыре года тому назадъ, посвятили на служеніе Церкви Православной: онъ нынѣ имѣетъ многочисленныхъ достойныхъ служителей слова Божія; обезпеченъ обильными средствами содержанія и предназначенъ великолѣбною каедрою іерарха, предстоящаго Литовской Православной Церкви.

Тутъ, недалеко, древняя Николаевская церковь, возстановленная въ настоящемъ видѣ знаменитымъ ревнителемъ Православія Константиномъ Острогскимъ, закрытая**) отъ взоровъ стороннихъ, какъ закрывалось здѣсь все русское православное, нынѣ обращается въ истинный храмъ молитвы, для многочисленныхъ православныхъ прихожанъ; обезпечена средствами содержанія и достойнымъ причтомъ.

Нѣсколько далѣе есть еще болѣе замѣчательный памятникъ церковной древности, первая христіанская въ Вильнѣ Пятницкая церковь, столько разъ въ смутныя времена истребленная и возобновленная, потомъ остав-

*) Въ городъ Вильну.

**) Пристроенными къ ней со всѣхъ сторонъ домами. Примѣч. автора. Теперь очищена отъ нихъ и открыта. Прим. М. К.

ленная запустѣнію, и теперь существующая только въ разрушающихся стѣнахъ, едва кому извѣстныхъ. *)

Тамъ, по другую сторону, видѣется древняя Святотроицкая обитель. Здѣсь находится священная икона Божія Матери, писанная, какъ гласитъ преданіе, Лукою Евангелистомъ, привезенная въ Вильну Еленою, дочерью обновителя Россіи Іоанна Ш, а женою литовскаго князя Александра. Изъ обители сей любомудрое Православное братство разсѣвало нѣкогда свѣтъ просвѣщенія на цѣлую литовскую Церковь, и потому она подверглась въ самомъ началѣ насильственной власти враговъ Православія. Здѣсь-то, при столь священныхъ воспоминаніяхъ, учреждается нынѣ новый свѣтильнигъ **) высшаго образованія, для духовнаго православнаго юношества Литовскія Церкви, въ такомъ размѣрѣ и съ такими способами, какихъ не видѣли еще западныя области нашего отечества.

Тутъ, насупротивъ, высится Святодуховъ монастырь. Угнетенные со всѣхъ сторонъ, вытѣсненные изъ монастыря Троицкаго, православные здѣсь основали благочестивое пристанище: въ немъ защищали вѣру отцевъ своихъ и, при всѣхъ превратностяхъ времени, сохранили обитель сію непричастною отступничеству. Она одна устояла въ Православіи, какъ бы для сохраненія драгоценнѣйшаго памятника Православія въ городѣ Вильнѣ,—священныхъ мощей первыхъ мучениковъ Литовскаго края, чтимыхъ Православною Церковью: Антонія, Іоанна и Евстафія. Она, обезпеченная нынѣ обильно средствами содержанія, предназначается быть путеводительницею къ иноческой жизни для Литовскаго края; и существованіе ея связано съ мѣстожителествомъ главнаго іерарха въ семь краѣ ***).

Тутъ же ****), подъ сѣнію обители сей и трехъ святыхъ мучениковъ, мощами въ ней почивающихъ, открываются многолюдныя духовныя училища для маловозрастнаго юношества, долженствующаго быть первоначальнымъ разсадникомъ пастырей и учителей Церкви Литовскія *****).

Вотъ утѣшительныя явленія для всѣхъ насъ, православные христіане! И какъ не возблагодарить намъ Всевышняго, какъ не воззвать къ Нему изъ глубины сердецъ нашихъ: *Господи, во свѣтъ лица Твоего поидемъ, и о имени Твоемъ возрадуемъ во вѣки!* Но воздавая Промыслителю всяческихъ дань благодарности за милости, на насъ изліянныя, не забудемъ, что послѣ Бога, всѣмъ этимъ обязаны мы Помазаннику Его, Благочестивѣйшему нашему Государю. Безъ Его мудрыхъ указаній, безъ Его отеческаго попеченія, безъ Его Царскихъ щедротъ, мы до-сихъ-поръ, можетъ быть, коснѣли бы еще въ прежнемъ горестномъ положеніи, несли тягостное иго

*) Теперь возстановлена. Прим. М. К.

**) Литовская Епархіальная семинарія.

***) Литовскому преосвященному положено навсегда быть священно-архимандритомъ сей обители.

****) Въ сосѣднемъ монастырѣ Кармелитскомъ, прежде еще закрытомъ.

*****) Теперь женское духовное училище. Прихѣч. М. К.

прежняго чуждаго преобладанія. О! да не истребится же никогда благодарность изъ сердець нашихъ и потомковъ нашихъ; да останется навѣки въ скрижаляхъ Церкви Православныя память неисчислимыхъ благодѣяній земнаго ея Блюстителя и Покровителя, Государа Императора Николая Павловича.

Но благодарность наша да не будетъ однимъ только пустымъ звукомъ. Исполненіе нашего долга есть лучшимъ ея доказательствомъ и пріятнѣйшимъ даромъ, я въ томъ увѣренъ, для великаго сердца Благочестивѣйшаго нашего Благодѣтеля. Чѣмъ обязаны мы собственной нашей Православной Церкви, а чѣмъ иновѣрнымъ нашимъ собратіямъ, съ которыми повсемѣстно соприкосновенны,—не будетъ излишнимъ напомнить вамъ здѣсь, благочестивые слушатели.

Стремиться къ совершенству—есть предназначеніе всего человѣчества,—главнѣйшая заповѣдь Небснаго нашего Искушителя,—священнѣйшая цѣль всей жизни каждаго изъ насъ, христіане. Остановить это стремленіе въ природѣ значитъ произвести разрушеніе смерти; остановить его въ мірѣ нравственномъ значитъ уничтожить всѣ благородныя движенія души и сердца; остановить его въ смыслѣ евангельскомъ значитъ подвергнуться участи нерадиваго раба, зарывшаго въ землю вѣреннй ему талантъ. Намъ особенно, чада Литовскія Церкви, необходимо имѣть въ виду безпрестанно сей непремѣнный завѣтъ всего бытія; намъ, для которыхъ, сверхъ стремленія къ совершенству человѣческому и христіанскому, предстоить еще восполнить многое въ смыслѣ іерархическаго и церковнаго устройства, столь необходимаго для окончательнаго скрѣпленія нашего, видимыми узами, съ общеою Православною Церковью, которой мы нынѣ уже сыны вѣрнѣйшіе и усерднѣйшіе. Эта мысль да не оставляетъ насъ денно и пощно; приложимъ всѣ силы для укрѣпленія, что въ насъ немощно, для возбужденія, что дремлетъ, для довершенія, что начато, для поддержанія, что уже крѣпко; и да будемъ мы нѣбогда украшеніемъ Православныя Церкви, принявшей и лелѣющей насъ съ толикою любовію.

Чѣмъ же мы обязаны иновѣрнымъ нашимъ братіямъ? — Любовію, любовію, любовію!—повторяю и всегда повторять буду, съ возлюбленнымъ ученикомъ Иисуса Христа, столь глубоко проникнутымъ сею священною Его заповѣдію. Но, скажете вы, можетъ быть: насъ не любятъ, насъ поносятъ, намъ недоброжелательствуютъ. Нѣтъ, они только насъ не знаютъ, насъ не понимаютъ. Но если бы насъ и не любили: неужели мы напрасно ученики Бого-Человѣка, завѣщавшаго намъ любить и ненавидящихъ насъ? Если бы насъ и поносили: то неужели мы лучше и достойнѣе Спасителя, всю свою земную жизнь подвергавшагося поношенію и клеветѣ? Если бы намъ и недоброжелательствовали: то неужели мы имѣемъ право жаловаться малодушно, послѣ страдальческой жизни, а еще болѣе страдальческой смерти, которою искушилъ грѣхи наши Рожденный по плоти отъ Пречистыя Дѣвы Маріи? Тагъ, православные! одна только любовь можетъ усладить все, что есть тягостнаго въ непреклонности нашего долга, при нынѣшнемъ несчастномъ раздѣленіи Церкви Христовой. Любовь извинитъ заблужденіе, стараясь оное разсѣять. Любовь

отклонить прекословіе, жертвуя своимъ самолюбіемъ минутной слабости ближняго. Любовь умирить страсти кротостію ангельскаго смиренія. Любовь перенесетъ скорби и напасти, ради спасенія заблуждшихъ собратій. Любовь побѣдитъ ненависть, творя добро и ненавидящимъ насъ. Любовь устранить недоумѣнія, производящія раздоръ непримиримый, и можетъ быть соединить во едино, что мы съ горестію сердца видимъ раздѣленнымъ вѣковыми заблужденіями и страстями.

Вотъ, православные христіане, общее начертаніе обязанностей нашихъ къ Церкви нашей и къ нашимъ иновѣрнымъ собратіямъ!—Ихъ-то исполнять значить: *ходити во свѣтъ лица Господня*. Буди-же мнѣ свидѣтель, Сердцевѣдче Господи, и Воздаятель обѣта моего! Ты знаешь, что глубокое убѣжденіе было началомъ и неизмѣннымъ сопутникомъ тяжкаго, но и не незавиднаго, поприща, которое я пройти удостоился; что долгъ служенія Церкви и Отечеству былъ всегда моимъ неизмѣннымъ руководителемъ; что сему долгу подчинилъ я вполне челоуѣческія побужденія; что благо вѣренной мнѣ паствы было и будетъ всегда искреннѣйшимъ желаніемъ моего сердца; что вся моя жизнь будетъ посвящена трудамъ и усиліямъ, дабы поставить сіе словесное стадо на ту степень духовнаго совершенства и церковнаго устройства, чтобы оно могло быть свѣтильникомъ въ истинной Церкви Христовой. Ты знаешь также, что исполненіе лежащаго на мнѣ долга никогда не сопровождалось во мнѣ непріязненными чувствами къ отдѣленнымъ отъ насъ по вѣрѣ брагіямъ; что всѣ мои съ ними сношенія растворялись внутреннимъ чувствомъ любви и долготерпѣніемъ, часто, можетъ быть, даже излишнимъ; что это чувство любви къ нимъ есть обѣтомъ всяя моей жизни, и малодушная ненависть не коснется моего сердца даже тогда, если бы мнѣ пришлось запечатлѣть кровію это душевное расположеніе.

Къ вамъ теперь обращаюсь, добліи пастыри во вѣренномъ попеченіи моему стадѣ Христовомъ. Шестнадцать уже истекло лѣтъ, какъ я предстою благочестивому вашему служенію. Съ сердечнымъ умиленіемъ всегда я воспоминаю ту просвѣщенную ревность, съ которою поборали вы благому дѣлу; то усердіе, которое столь облагораживаетъ и украшаетъ самыя неблагодарныя труды; ту любовь и полную довѣренность, съ которою вы слѣдовали моему руководству. Благодарю, благодарю васъ за все это! и молю: да будете мнѣ и напредъ стольже бодрыми и усердными сослужителями въ воздѣлываніи вертограда Христова, и да украситъ Спаситель нѣкогда васъ вмѣстѣ со мною нетлѣннымъ вѣнцемъ добраго подвига.

Но добрыя пожеланія наши и исполненіе ихъ — въ рущѣ Твоей, Подателю всѣхъ благъ, Господи! Къ Тебѣ припадаемъ здѣсь цѣлымъ православнымъ стадомъ и смиренно молимъ: настави насъ на пути истины, руководи сердца наши, уврѣпи немощныя силы наши; да исполнимъ святую волю Твою, и *пойдемъ во свѣтъ лица Твоего, и о имени Твоемъ возрадуемся во вѣки*. Аминь.

С Л О В О,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ 8 ДЕНЬ СЕНТЯБРЯ 1845 ГОДА, ВЪ ЦЕРКВИ ВИЛЕНСКАГО СВЯТО-ТРОИЦКАГО МОНАСТЫРЯ, ПРИ ОТКРЫТІИ ЛИТОВСКОЙ СЕМИНАРИИ И ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Образъ буди вѣрнымъ, словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою. I. Тим. гл. 4, ст. 12.

Едва семь минуло седмиць, когда я васъ, возлюбленныя о Христѣ чада, благословляя въ послѣдній разъ въ Жировицахъ на временное отдохновеніе. Теперь собрались вы вновь, если не для новыхъ трудовъ, то на новомъ поприщѣ. вмѣсто прежняго уединенія, находитесь вы среди многолюднѣйшаго града. Прежнія скромныя жилища замѣнились для васъ зданіями болѣе обширными и удобными, которыя, Богу споспѣшествующу, приготовлены такъ благовременно при всѣхъ препятствіяхъ, и ожидаютъ еще устройства, болѣе благолѣпнаго, болѣе цѣли соответствующаго. Будемъ уповать, что десница Всевышняго отвратитъ и напредь умысленныя и неумысленныя преграды благому дѣлу, и поможетъ намъ оправдать ожиданія Церкви Православныя и Августѣйшаго ея Покровителя.

Чего же отъ васъ ожидаютъ, возлюбленныя дѣти, мать святая Церковь и добрый Отецъ Благочестивѣйшій Государь?—Того, чтобы вы сдѣлались достойными пастырями словеснаго Стада Христова,—и долгъ мой наставить васъ въ этомъ, или лучше, указать вамъ нынѣ образъ истиннаго пастыря.

Буди образъ вѣрнымъ, словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою: сказалъ Апостоль одному изъ учениковъ своихъ; и можно-ли опредѣлить съ большею ясностію, большею полнотою, совершенство христіанскаго пастыря!

Буди образъ словомъ,—потому, что слово есть первѣйшее орудіе назиданія и соблазна,—и горе пастырю, если слово его, вмѣсто перваго, поведетъ къ послѣднему. Но слово останется пустымъ звукомъ, если поступки наши будутъ противурѣчить нашему ученію,—вотъ почему Апостоль продолжаетъ: *буди образъ житіемъ.* Но развѣ нѣтъ людей, у которыхъ въ устахъ медь, а въ сердцахъ ядъ? развѣ нѣтъ и такихъ, которые подъ благовидными поступками скрываютъ богопротивныя пожеланія, и даже добрыя дѣла употребляютъ для тайныхъ преступныхъ цѣлей?—Зналъ это Апостоль, и потому присоветовалъ: *буди образъ вѣрнымъ любовію, духомъ, вѣрою, чистотою.* Любовію,—отвергая всякіе собственные виды въ дѣйствіяхъ на пользу ближняго. Духомъ,—предпочитая пользы духовныя тѣлеснымъ и спасеніе души всякимъ

мірскимъ выгодамъ. Вѣрою,—руководствуясь не собственнымъ суетумдріемъ, но основываясь на ученіи Христовомъ. Наконецъ чистою—симъ главнѣйшимъ знакомъ отрѣшенія нашего отъ узъ тѣлесныхъ и вѣрнѣйшею порукою чистоты нашихъ дѣйствій и намѣреній.

Приблизить васъ къ сему образцу, сколько позволяютъ силы человѣческія, есть цѣль заведенія, въ которое вы поступили, есть непремѣнный долгъ вашъ, юноши, дабы вы могли удостоиться высокаго званія пастыря въ Церкви Христовой, требующаго столько познаній, столько усердія, столько безкорыстія! *Пасите еже въ васъ стадо Божіе—говоритъ апостоль Петръ,—посылающе не нуждею, но волю и по Бозъ; ниже неправедными прибытки, но усердно. Ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду.* (I. Петр. гл. 5. ст. 2, 3.) Не забывайте и того, что, по словамъ апостола Павла, пастырю подобаешь быти: *держашемуся вѣрнаго словесе по ученію, да силенъ будетъ и утѣшати во здравьмъ ученіи, и противлящіяся обличати.* (Тит. гл. I. ст. 9.)

Сія послѣдняя обязанность едва-ли на комъ будетъ лежать болѣе, въ мирствующей, благоденствующей Всероссійской Церкви, какъ на васъ со временемъ, духовное юношество Литовской епархіи! Куда вы ни обратитесь, всюду найдете въ соприкосновеніи съ разномыслящими по вѣрѣ. На всякомъ шагу встрѣтите необходимость: или защищать собственную Церковь отъ неправыхъ толковъ, или разсѣивать заблужденія иновѣрцевъ, укorenившіяся вѣковыми предразсудками. И горе вамъ, если не приобрѣтете столько познаній, чтобы святая истина восторжествовала въ устахъ вашихъ! Паче-же горе вамъ, если жизнью порочною, неблагочестивою, будете уничтожать плоды вашего ученія!

Не срамляя васъ сія глаголю (да позволено мнѣ будетъ сязать словами Апостола): *не срамляя васъ сія глаголю, но якоже чада моя возлюбленная вразумляю. Аще бо и мнози пѣстуны имате о Христѣ, но не мнози отцы. О Христѣ бо Иисусъ благовѣствованіемъ азъ вы родиашъ.* (I. Кор. гл. 4, ст. 14.)

Многіе изъ васъ помнятъ, а другіе слышали, въ коль безпомощномъ и безпріютномъ положеніи находилось духовное юношество здѣшняго края пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Если оно теперь исторгнуто изъ прежняго уничтоженія, обезпечено средствами отличнаго духовнаго воспитанія: то вы симъ обязаны по Богѣ, милости и щедротамъ общаго нашего Отца, Благочестивѣйшаго Государя Императора. Но не какъ-ли отецъ вашъ, заботился и я объ устройствѣ для васъ многочисленныхъ пріютовъ духовнаго просвѣщенія? Не какъ-ли отецъ, призрѣвалъ въ нихъ особенно сиротъ и неимущихъ? Не какъ-ли отецъ, радѣлъ я о возможномъ для васъ удобствѣ, при всей ограниченности прежнихъ средствъ содержанія? Не какъ-ли отецъ, старался я доставить вамъ достойнѣйшихъ наставниковъ? Не какъ-ли отецъ, руководилъ я васъ при всякомъ случаѣ спасительными наставленіями? Не какъ-ли отецъ, заботился я обезпечивать участь оканчивавшихъ ученіе, соотвѣтственно достоинству каждаго безъ всякаго лицепріятія? И послѣ

всего этого, не слышали-ль вы неоднократно, что отъ васъ я не требую другой благодарности, кромѣ того только, чтобы вы были достойными пастырями въ Церкви Православной?

Такъ, возлюбленные дѣти, и любовію, и заботами, и трудами, и *благовѣствованіемъ*, приобрѣлъ я, кажется, названіе вашего отца. О, не отказывайте-же мнѣ никогда въ семь сладостномъ имени! а еще болѣе, не посрамите его поступками, чуждыми благодати. По моему недостоинству, не смѣю безъ трепета продолжать словъ апостола, не смѣю сказать съ его дерзновеніемъ: *Молю васъ, подобни мнѣ бывайте*. Но не найдете-ли и во мнѣ нѣчто къ подражанію? По крайней мѣрѣ, я могу сказать: будьте мнѣ подобни въ стремленіи къ строгому исполненію долга; будьте мнѣ подобни въ ревностномъ усердіи къ преуспѣванію святаго нашея Православныя Церкви; будьте мнѣ подобни въ твердости на трудномъ поприщѣ служенія; остальное, надѣюсь, благодать Божія восполнитъ изобильно: и когда достигнете нѣкогда пастырскаго званія, васъ уже не удивять, ни опечалять слова апостола Павла: *укоряемы, благословляемъ: гоними, терпимъ: хулими, утѣшаемся*. (1. Кор. гл. 4, ст. 12. 13.)

О Пресвятая Дѣво Богородице, сохранившая намъ драгоценный залогъ своея благодати въ священной Твоей иконѣ, уже столько вѣковъ присущей сей обители! Буди и навсегда присуща обновляемому нынѣ здѣсь подъ Твоимъ покровомъ духовному вертограду! Соблуди его дѣла, невредима, отъ всякаго навѣта злаго свободна. Призрирай, яко Матерь, юношей сихъ! Озаряй ихъ разумъ свѣтомъ истины; храни сердца ихъ въ неизмѣнной чистотѣ и содѣлай ихъ добрыми пастырями и непоколебимыми столпами Православной Церкви въ здѣшнемъ краѣ. Аминь.

С Л О В О,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ 6 ДЕКАБРЯ 1845 ГОДА, ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ПРИХОДСКОЙ
НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ *), ВЪ ГОРОДѢ ВІЛЬНѢ.

*Повѣсть имя Твое братиі моеі: посреди церкви
воспою Тя! Псал. 21, 23.*

Въ сихъ хвалебныхъ словахъ ко Господу Богу священный Псалмопѣвецъ слилъ и скорбь о прежнихъ бѣдствіяхъ, и благодарность о избавленіи отъ нихъ, и надежду на лучшую будущность. Подобныя чувства должны необходимо исполнять нынѣ и наши сердца, православные христіане!

Если вспомнимъ, какимъ превратностямъ подвергался храмъ сей въ теченіи трехъ вѣковъ; въ какомъ онъ находился стѣсненіи, запустѣніи: тяжкая скорбь невольно стѣснить сердца наши. Но если подумаемъ, что при всѣхъ тягостныхъ обстоятельствахъ, храмъ этотъ сохранился цѣль и невредимъ; что мы обновили его нынѣ посвященіемъ въ домъ молитвы, собравшемуся вновь въ Вильнѣ немалочисленному православному стаду: то пламенная благодарность ко Всевышнему возноситъ души наши. Если жъ сравнимъ обстоятельства прежнія съ настоящими; если обновимъ въ мысли только то, чего мы были сами свидѣтелями въ здѣшней странѣ: то сладостная надежда не можетъ не коснуться сердецъ нашихъ.

Неужели напрасно храмъ сей Святителя Чудотворца Николая воздвигнуть ревнителемъ Православія Константиномъ Острогскимъ въ то время, когда Церкви Православной предстояли здѣсь со всѣхъ сторонъ опасность и тягостное испытаніе? Неужели напрасно устоялъ онъ донныѣ вѣрнымъ памятникомъ прошедшаго? Неужели напрасно соединяетъ онъ видимымъ звеномъ двѣ толь разнородныя эпохи Церкви Православныя: прошлаго уничтоженія и нынѣшняго возрожденія?—И почему же намъ не питать сладкой надежды,—надежды, самимъ Спасителемъ завѣщанной всѣмъ христіанамъ: что можетъ быть недалеко обновленіе всеобщія Церкви, всеобщимъ ея соединеніемъ въ одно тѣло?

*) Церковь эта каменная, небольшая, но изящной архитектуры, построена княземъ Константиномъ Острогскимъ для православныхъ, послѣ перешла къ униатамъ, и такому подверглась запустѣнію, что со всѣхъ сторонъ обстроена прильпленными къ ней домиками и вовсе незамѣтна для проходящихъ возлѣ нея. Только издали можно видѣть одну изящную ея колокольню. Прим. автора. Теперь она очищена отъ заслонявшихъ ее домовъ и благолѣпно возобновлена. Прим. М. К.

Легкомысленные евреи вопрошали Моисея, зачѣмъ онъ вывелъ ихъ изъ Египта въ пустыню (Числ. гл. 20, ст. 4). Не будемъ столь дерзновенны, столь неблагодарны. Не станемъ вопрошать судьбъ Всевышняго, зачѣмъ Церковь Православная подвергалась въ здѣшной странѣ толь продолжительному испытанію, запустѣнію. Лучше, восчувствовавъ видимую нынѣ надъ нею благодать Божию, бывъ свидѣтелями ея преуспѣянія, воскликнемъ ко Господу съ Царемъ Давидомъ: *Повѣмы има Твое братіи нашей: посреда церкви воспоемъ Тя.*

И какъ намъ не радоваться, не славить Господа! Три мѣсяца тому назадъ, храмъ сей былъ еще въ запустѣніи и служилъ намъ какъ бы укоромъ. Нынѣ онъ уже обновленъ и украшенъ, хотя скромно, не великолѣпно, но прилично; и то по большей части стараніемъ и пожертвованіями однихъ лицъ, составляющихъ новую паству сей Церкви. Они вамъ извѣстны, православные христіане, сіи благотворители, возлюбившіе благолѣпіе дома Господня, отдѣлившіе отъ ограниченнаго достоянія своего посильную часть во славу Всевышняго. Да обрящутъ они благодать предъ Нимъ за благочестивый ихъ подвигъ, а Церковь, по словамъ Премудрости (44, 14), *исповѣсть похвалу ихъ.*

Примѣръ сихъ благотворителей храма Божія да будетъ спасительнымъ побужденіемъ для всѣхъ насъ, благочестивые христіане. Больно сказать, что часто бѣдныя, отъ крупицъ скуднаго своего состоянія, болѣе жертвуютъ во славу Господа, нежели тѣ, которые надѣлены отъ Него изобильно благами міра. Иной расточаетъ достояніе свое на пустые предметы роскоши, а пожалѣетъ златицу въ помощь несчастнымъ страдальцамъ. Иной посвятитъ тысячи, чтобы для минутнаго развлеченія приготовить увеселеніе, часто въ навечеріе праздниговъ, когда Церковь молится, а иногда плачетъ, и откажется пожертвовать малую лепту на украшеніе храма Господня. Простите мнѣ, православные, эту истину, столь простительную въ обители Истины. Вы знаете общую скудость храмовъ Божіихъ въ нашей странѣ. Сколь ни важны пожертвованія для нихъ Царя Благочестивѣйшаго, они однако жъ не могутъ восполнить скудости усердія въ самомъ православномъ стадѣ. Стадо это составляютъ еще нынѣ въ здѣшной странѣ люди бѣднѣйшихъ классовъ; и тѣмъ болѣе необходимъ спасительный примѣръ тѣхъ, которымъ Богъ далъ болѣе средствъ благотворить дому Его. Не забывайте, что Церковь молится ежедневно о своихъ благодѣтеляхъ, а Всевышній не оставляетъ награждать доброе дѣло, и каждое самоналѣйшее изъ нихъ записывается въ книгѣ Судебъ.

Эта скудость, этотъ легкій упрекъ нашему небреженію, да не смущаетъ однакожъ сердце нашихъ при нынѣшнемъ торжествѣ. Оно наполняетъ насъ радостію и поселяетъ въ насъ многое, многое упованіе о будущемъ. Станемъ молить Всевышняго, да надежда наша не оскудѣетъ, и узримъ вся благая Іерусалима на Церкви Святѣй Его! Возрадуемся и о томъ, что освященіе древняго храма сего совмѣстилось съ празднествомъ драгоцѣннымъ для каждаго православнаго—съ Тезоименитствомъ Благочестивѣйшаго Государя,

первѣйшаго благотворителя храмовъ Божіихъ, бодрого во всякое время поборника на благочестивый подвигъ. Восхищенные и мѣстнымъ церковнымъ торжествомъ, и торжествомъ царственнымъ, возблагодаримъ Господа, и поетмы имя Его братіи нашей: и посредь церкви воспоемъ Его! Аминь.

С Л О В О,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ 29 ДЕНЬ ФЕВРАЛЯ 1848 ГОДА, ВЪ НЕДЕЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ, ПО СЛУЧАЮ СОВЕРШИВШАГОСЯ, ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВЪ ГОРОДЪ ВИЛЬНѢ, СВЯЩЕННАГО ПОСЛѢДОВАНІЯ, НА ЭТОТЪ ДЕНЬ ПОЛОЖЕННАГО.

Аще же и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь. Матѣ. гл. 18. ст. 17.

Многіе, особенно изъ простолюдиновъ, думаютъ, что Церковь Православная, въ священномъ послѣдованіи, только что нами совершенномъ, проклинаетъ иновѣрцевъ, и слово это понимаютъ въ самомъ ненавистномъ значеніи. Да не будетъ! Церковь Святая, по завѣту Спасителя, учитъ насъ молиться о соединеніи всѣхъ, молиться и о ненавидящихъ насъ; учитъ благословлять, а не проклинать.

Обратимся къ Евангелію, которое Церковь указала читать нынѣ: въ немъ, какъ въ зеркалѣ, видны ея мысль и намѣреніе. Здѣсь Спаситель завѣщаетъ ученикамъ своимъ *не презиратъ ни единого отъ малыхъ... прииде бо Сынъ человеческій възыскати и спасти погибшаго.* Здѣсь указываетъ Онъ на заботливость пастыря, *оставляющаго девяносто и девять овецъ, и ищущаго едину изъ нихъ заблуждшую.* Здѣсь учитъ, какъ исправлять согрѣшающаго брата: *обличи его предъ тѣмъ единьмъ; если не послушаетъ, обличи предъ двумя или тремя; если и тогда не послушаетъ, повѣжды Церкви; аще же и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь.* Здѣсь, наконецъ, обѣщаетъ апостоламъ, *что связанное ими на земли будетъ связано на небеси, а разрѣшенное на земли, будетъ разрѣшено на небесахъ.*

Слѣдуя симъ божественнымъ указаніямъ, пользуясь этою величайшею властію, Церковь Православная, въ нынѣшнемъ торжествѣ, старалась выразить попеченіе свое о вѣренномъ ей стадѣ; утвердить его въ единеніи вѣры; *собности,* по слышанному вами завѣту Апостола, *отъ творящихъ распри и раздоры... и отъ прельщающихъ сердца незлобивыхъ.* (Рим. гл. 16, ст. 17—18.).

Вы знаете, православные, что Церковь Христова не разъ подвергалась тягостнымъ испытаніямъ, обуреваема была распрями и раздорами, отъ чуждыхъ Евангельскому слову лжеученій; что лжеучители давно уже осуждены Вселенскою Церковію и что истинное ученіе утверждено ею на неизблемыхъ основаніяхъ. Чтобы соблюсти это ученіе, чтобы предостеречь отъ противныхъ оному лжеученій и умствованій, Церковь Православная, со времени послѣдняго вселенскаго собора, учредила провозглашать торжественно, въ первую недѣлю Четырдесятницы, истинное ученіе вѣры, и тутъ-же обличать противныя оному заблужденія.

Вотъ истинное значеніе настоящаго торжества! И вы слышали, благочестивые, съ какимъ благоразсмотрѣніемъ и любовію поступаетъ въ немъ Православная Церковь. Она не указала ни на одну иновѣрческую церковь, ни на одно лице, даже изъ ересеначальниковъ; но молится съ горячію: „что-бы Господь соблюлъ свою святую Церковь невредиму и непребориму „отъ ересей и суетвѣрій, утишилъ раздираніе ея, обратилъ всѣхъ отступль- „шихъ къ познанію истины и сопричислилъ ихъ къ избранному своему „стаду, укрѣпилъ вѣрныхъ своихъ въ Правовѣрїи и сотворилъ, да всюду „прекратятся ненависти, вражды, обиды и прочія беззаконія, и да цар- „ствуетъ въ сердцахъ нашихъ истинная любовь“.

А слово *Анаѳема*, которое мы слышали гремящимъ на противящихся истинному ученію Церкви?—спросите меня, православные. Да, это ужасное слово! Оно знаменуетъ отлученіе, отсѣченіе отъ тѣла истинной Церкви Христовой—отъ несомнѣннаго источника спасенія душъ нашихъ и вѣчнаго блаженства. Но думаете ли, что это слово поражало однихъ иновѣрцевъ?—Трепещите православные, чтобы оно не относилось и къ намъ самимъ!... Развѣ между чадами Православной Церкви нѣтъ невѣрующихъ, нѣтъ вольнодумцевъ? Развѣ можетъ быть кто изъ насъ вполне увѣренъ, что вѣру, преподанную намъ Церковію, исповѣдуетъ онъ во всей чистотѣ, безъ кривыхъ толковъ и легкомысленныхъ сомнѣній? Развѣ не слышали вы евангельскихъ словъ Спасителя: *кто преслушаетъ Церковь, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь*, то есть, какъ непринявшая Церкви, или недостойный принадлежать къ ней? Развѣ сіи слова не та же *анаѳема*? А кто изъ насъ можетъ похвалиться не лицемерно, что онъ истинно покорный сынъ Церкви, что вполне исполняетъ ея велѣнія? Развѣ напрасно Церковь Православная, предавая нынѣ анаѳемѣ всѣ лжеученія, указываетъ поименно только на два лица,—и эти лица, преступныя дѣти собственной нашей Церкви—Гришка Отрешевъ и Иванъ Мазепа?*)

И такъ, вмѣсто торжества надъ иновѣрцами, обратимъ, Православные, со смиреніемъ взоры на собственныя наши язвы, чтобы уврачевать ихъ благовременно. Посмотримъ безпристрастно, каковыя мы дѣти матери

*) Теперь и на этихъ лицъ не указываетъ. Прим. М. К.

нашей Церкви Православныя, и не подвергаемся ли сами отверженію, которое гремяло здѣсь во всеуслышаніе?

Пастыри Церкви Христовой! Были ли вы вѣрными блюстителями словеснаго стада, попеченію вашему ввѣреннаго? Назидали-ль оное душеспасительнымъ ученіемъ, берегли-ль его отъ расхищенія и пожранія волковъ несытыхъ? Довольно-ли горѣли священною ревностію къ преуспѣянію Церкви Православныя? Предпочитали-ль вы всегда долгъ пользамъ вашимъ? Всегда-ли защищали истину и не осверняли-ли ее низкимъ челоуѣкоугодничествомъ? Словомъ, увѣрены-ли вы, что достойно носили священное иго, возложенное на васъ Церковію, и можете-ли въ томъ дать отчетъ предъ страшнымъ судомъ Божиимъ?—О, трепещите!

Отъ пастырей обратимся къ паствѣ.

Церковь Православная устраиваетъ храмы Божіи съ подобающимъ благолѣпіемъ, совершаетъ умиленные богослуженія, предлагаетъ чадамъ своимъ душеспасительную трапезу; а есть православные, которые пренебрегаютъ этою пищею духовною, предаются вмѣсто того пустымъ забавамъ, предъ важнѣйшими праздниками учреждаютъ, какъ бы нарочно, свѣтскія увеселенія, и похваляются иногда, что послѣ ночнаго утомленія не были на богослуженіи. Что они скажутъ нынѣ предъ Церковію Святою?

Церковь Православная, съ матернею заботливостію старается доставить своему стаду просвѣщенныхъ и достойныхъ пастырей; а есть православные, которые ищутъ духовныхъ, скудныхъ ученіемъ, скудныхъ поведеніемъ, и руководствуются слѣпыя слѣпыми. Чѣмъ извинятся они нынѣ предъ Церковію Святою?

Церковь Православная старается водворять между чадами своими миръ и согласіе, соединить всѣхъ узами любви Христовой; а есть православные, которые, для низкихъ своихъ цѣлей, сѣютъ ненависть и раздоръ между паствою и пастырями, и въ томъ полагаютъ какъ бы житейскую мудрость свою. Посмѣютъ-ли они сознаться нынѣ въ этой дьявольской мудрости предъ Церковію Святою?

Церковь Православная стремится къ преуспѣянію своему, къ просвѣщенію заблуждшихъ, къ возвращенію отщепенныхъ отъ нея въ нѣдра свои—въ нѣдра истины; а есть православные, которые не только равнодушны къ священному ея рвенію, но даже готовы, подобно Іудѣ нечестивому, предать ревностныхъ пастырей. Посмѣютъ ли они поднять нынѣ глаза предъ Церковію Святою?

Церковь Православная старается блюсти свое достоинство, врачуетъ по возможности въ своихъ чадахъ немощи, свойственныя къ несчастію природѣ челоуѣческой; прикрываетъ покровомъ любви легкія, иногда невольныя прегрѣшенія; а есть православные, которые съ какимъ-то сатанинскимъ удовольствіемъ собираютъ самыя безсмысленныя толки, вѣсти, клевету, выдуманныя врагами Церкви и отечества, и, какъ нечистые сосуды, разносятъ нечистое отребіе; какъ новые Хамы, насмѣхаются надъ матерью своею; какъ нече-

стивые Копронимы, оскверняютъ священную купель, возродившую ихъ отъ смерти къ жизни. Посмѣютъ ли они предстать нынѣ предъ Церковію Святою? А если посмѣютъ, то не отзовется ли въ глубинѣ сердце ихъ ужасное слово, недавно нами слышанное: *Анаема, Анаема!*

Если человѣкъ падаетъ по слабости природы, вы это понимаете, Православные. Если имъ руководствуетъ легкомысліе, это не необыкновенно. Если онъ увлеченъ корыстію, и это васъ не удивить. Но что скажете вы о тѣхъ, которые въ пренебреженіи религиозныхъ обязанностей, въ поношеніи своей Церкви и своего отечества, ищутъ похвалы отъ иностранцевъ, отъ иновѣрцевъ? Несчастные слѣпцы! получая отъ нихъ двусмысленную улыбку, думаютъ, что это улыбка одобренія: нѣтъ, это улыбка презрѣнія, презрѣнія!

Простите мнѣ, Православные, горькія эти истины, жесткія, можетъ быть, слова. Но неужели мнѣ забыть долгъ архинастыря? Оставить заблуждающихся грѣшниковъ безъ спасительнаго, хотя, можетъ быть, и болѣзненнаго врачевства, безъ побужденія къ раскаянію и возвращенію на путь истины? Неужели мнѣ ожидать, пока послѣдній трубный гласъ призоветъ насъ къ послѣдному суду, и Судія строгій скажетъ нерадивому настырю и преступнымъ овцамъ евангельскими словами: *не въѣмъ васъ* (Мате. гл. 25, ст. 12), или поставитъ насъ *съ сущими ошуюю* и возгласитъ: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный!* (Мате. гл. 25, ст. 41). Да и теперь ли щадитъ мнѣ явные, или прикрытые лицемѣріемъ пороки, когда въ наказаніе грѣховъ нашихъ, подвигается къ намъ страшная язва, могущая внезапно призвать всякаго къ строгому отчету въ своихъ дѣяніяхъ предъ всевѣдущимъ, нелицепріятнымъ Судіею!*)

Исполнивъ скорбный, тягостный долгъ обличенія, позвольте, Православные, облегчить сердца наши надеждою, что въ здѣшней частвѣ немного найдется людей, которые вполне заслуживаютъ слышанные вами упреки; что и сіи люди, Божіею благодатію, обратятся на путь долга и истины; что вскорѣ не станетъ у насъ, кого могли бы мы уподобить язычнику и мытарю, какъ непокорнаго или недостойнаго сына Церкви и что будемъ наконецъ всеѣ, вѣрныя добрыя дѣти, радоваться преуспѣянію и благоденствію добрыя нашей матери Православныя Церкви.

А развѣ намъ и теперь нечѣмъ радоваться? Вспомните, Православные, что мы нынѣ въ первый разъ торжественно исповѣдуемъ Православную Вѣру въ томъ градѣ, въ той странѣ, гдѣ она, чрезъ нѣсколько вѣковъ, не смѣла поднять скорбной, удрученной главы своей! — Развѣ это не радость? Вспомните, что девять лѣтъ тому назадъ, въ нынѣшній день — въ недѣлю Православія, совершилося благословенное дѣло воссоединенія къ Православной Церкви болѣе полутора милліона русскихъ, исторженныхъ нѣкогда изъ нѣдръ ея. — А развѣ это не радость?

*) Тогда приближалась къ намъ холера. Прим. М. К.

Но вотъ еще легкая скорбь коснулась моего сердца:—позвольте, Православные, раскрыть ее предъ вами. Не тайно, и, къ сожалѣнiю, слишкомъ не тайно, нѣкоторое предубѣжденiе въ здѣшной паствѣ, между древлеправославными и воссоединенными. Знаю, что есть несчастные, которые возбуждаютъ это нерасположенiе по себялюбивымъ или корыстнымъ видамъ; но во многихъ оно происходитъ отъ невѣдѣнiя. Одинъ не находитъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, что видѣлъ въ Костромѣ; другой—что видѣлъ въ Орлѣ; а иной знаетъ только Литву; и изъ пустыхъ недоразумѣнiй осуждаютъ единовѣрныхъ своихъ собратiй. Позвольте замѣтить вамъ, благочестивые, что Церковь Православная не знаетъ ни Костромскаго, ни Орловскаго, ни Литовскаго православiя; а знаетъ только вселенское православiе и его желаетъ. Потому она требуетъ общаго единенiя въ вѣрѣ, надеждѣ и любви и не обращаетъ вниманiя на обыкновенiя и разности, порожденныя мѣстными потребностями или вѣбовыми привычками, но не противныя сущности православiя.

Подражайте же, молю васъ, Православные, этому примѣру, или лучше сказать, повинуйтесь этой волѣ Церкви. Не терзайте священнаго тѣла Христова, не раздирайте нешвенной ризы Его. Помните, что первый законъ вѣры, есть законъ любви. Она истребитъ между нами поводы прекословiя, сольетъ насъ во едино и утвердитъ это единенiе лучше всѣхъ нашихъ близорукихъ соображенiй и попрековъ.

Вы слышали, Православные, съ какою признательностию Церковь поминула нынѣ „всѣхъ о православiи подвизавшихся словесы, писанiи, ученiи, страданiи, и богоугоднымъ житiемъ.“ Вы слышали, съ какимъ доброжелательствомъ привѣтствовала она нынѣ „всѣхъ православныхъ христiанъ, право содержащихъ спасительную вѣру и повинующихся Христовой Церкви.“ Постарайтесь же быть достойными этой признательности, любви и попеченiя о насъ Церкви Православной, и предъ святыми иконами, предлагаемыми ею нынѣ къ поклоненiю, дадимъ священный обѣтъ: быть вѣрными и покорными дѣтьми ея, исполнять святыя велѣнiя ея, не нарушать въ ней мира и тишины, стараться о достоинствѣ и преуслѣянiи ея, — и вмѣстѣ съ нею прославимъ Всевышняго, толико благодѣющаго ей и намъ — дѣтямъ ея!

Слава Тебѣ Богу, благодателю нашему во вѣки вѣбовъ! Аминь.

О ГРЕКО-УНИТСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ РОССИИ.

Воспоминанія Архіепископа Антонія ¹⁾.

I.

Жизнь моя тѣсно связана съ судьбой греко-унитской церкви въ западныхъ русскихъ губерніяхъ, возсоединенной съ православною греко-россійскою церковію въ 1839 году.

Предварительно описанія моей дѣятельности прежде и послѣ этого возсоединенія, я укажу вкратцѣ на начало русской церкви и начало греко-унитской церкви, отношеніе ея къ Польшѣ и Руси, къ римско-католической и греко-россійской церкви, и вникну въ существенныя причины, побудившія греко-унитовъ возвратиться къ русскому православію. Причины эти, по моему мнѣнію, очень поучительны для желающихъ уразумѣть ходъ жизни народа; онѣ не вполнѣ извѣстны даже русскимъ, видѣвшимъ только наружное проявленіе этого факта, не говоря о западѣ Европы, который получилъ о семъ свѣдѣнія въ искаженномъ видѣ отъ враговъ православія и русскаго народа.

Русь, подъ рюриковскою династіей, начавъ слагаться ²⁾ изъ племенъ славянскихъ и отчасти финскихъ въ девятомъ столѣтіи, на столько возросла въ десятомъ, что занимала огромное пространство отъ Вислы и Днѣстра до племенъ, кочевавшихъ по берегамъ Чернаго моря, Волги и Сѣверной Двины. Отъ Балтійскаго моря отдѣлялась она литовскими племенами. Съ теченіемъ времени восточная Русь все далѣе и далѣе расширялась по землямъ кочевыхъ народовъ,

¹⁾ Архіепископъ Антоній (Зубко) родился въ 1797 г.; съ конца 1827 г. по 1834 г. былъ ректоромъ Жировицкой (Виленской епархіи) семинарии; рукоположенъ во епископа въ 1834 г. и до 1840 г. былъ викарнымъ Литовской епархіи; съ 1840 г. былъ Минскимъ епископомъ до 1848 г.; въ этомъ году уже въ санѣ архіепископа удалился на покой и сначала жилъ въ своемъ небольшомъ имѣніи въ Минской же губерніи, а съ 1865 г. въ Пожайскомъ монастырѣ (близъ г. Ковны), гдѣ и скончался въ 1884 г. Въ примѣчаніяхъ къ тексту „Воспоминаній“ приведены нѣкоторыя поясненія. Для отличія отъ примѣчаній самого автора они обозначаются такъ: примѣч. М. К.

²⁾ Авторъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ сказать, что Русь въ девятомъ вѣкѣ начала слагаться въ одно государство. Какъ славяно-русскія области и даже группы областей съ торговыми городами, какъ Ладога, Смоленскъ, Кіевъ, и областными князьями, Русь слагалась за много вѣковъ до призванія князя Рюрика въ 862 г. Примѣч. М. К.

подчинявшихся ей власти. На всемъ этомъ огромномъ протяженіи было распространено христіанство, введенное первоначально Св. Владиміромъ, великимъ княземъ кievскимъ, повелителемъ всей Руси въ X столѣтіи. По всей Руси устроилась правильная іерархія, подъ начальствомъ кievскаго митрополита, назначавшагося константинопольскимъ патріархомъ; по всей Руси совершалось богослуженіе на славянскомъ языкѣ по греческимъ обрядамъ; языкъ народный вездѣ былъ болѣе или менѣе одинаковый, и развивался при помощи языка церковнаго, такъ что и теперь русскія нарѣчія не представляютъ большого между собой различія, хотя многія внѣшнія причины и не остались безъ вліянія на измененіе ихъ.

Святой Владиміръ раздѣлил эту Русь между своими сыновьями, съ тѣмъ, чтобъ удѣльные князья повиновались великому князю кievскому. Съ того времени начался длинный періодъ удѣльныхъ княжествъ, то дробившихся по числу членовъ рюриковской династіи, то соединявшихся, и перемѣнявшихъ себя князей. Скрѣплялось единство Руси единствомъ іерархіи, единствомъ рода русскихъ князей и единствомъ языка. Несогласіе и вражда между русскими князьями, добывавшимися то великаго княжества, то лучшихъ удѣловъ, ослабили Русь. Съ XIII столѣтія она была безнаказанно опустошаема монголами, а для избѣжанія опустошеній платила имъ дань черезъ посредство великаго князя московскаго, который назначался монголами изъ князей рюриковской же династіи. Поддерживаемая монголами власть князей московскихъ возвысила ихъ значеніе на Руси и дала имъ силу по сверженіи монгольскаго ига соединить все удѣлы русскіе, удѣлѣвшіе отъ захвата литовцами съ другой стороны, западной. Монголы, какъ кочевники, не жили между русскими, и не вмѣшивались въ ихъ внутреннее управленіе, ни въ государственное, ни въ церковное.

Съ западной стороны часть литовскаго, тогда еще языческаго, племени, отстоявшая свою независимость отъ ливонскихъ и прусскихъ рыцарей, постепенно завладѣвала русскими удѣлами. Литовскіе князья, по русскимъ лѣтописямъ, были русскаго происхожденія ⁴⁾. Указанное польскими лѣтописцами происхожденіе литовскихъ князей отъ Палемона явно носитъ характеръ баснословія. Въ Литвѣ также существовала система дробленія земель на удѣлы между членами княжеской фамиліи. Литовскіе князья обыкновенно женились на русскихъ княжнахъ, и чрезъ то вводилось христіанство православное въ княжеской литовской фамиліи; каждый князь, получавшій русскій удѣлъ, принималъ православіе. Въ городѣ Вильнѣ, построенномъ на рубежѣ между литовскимъ и русскимъ населеніемъ, было болѣе двадцати церквей русскихъ. Великіе князья литовскіе усвоили себѣ языкъ русскій, который былъ во всѣхъ земляхъ литовскихъ языкомъ официальнымъ.

⁴⁾ Такъ разсказывается въ Воскресенской лѣтописи, именно, говорится, что „Литовскіе городы... обладаны (были) князьями Кіевскими, иные Черниговскими, иные Смоленскими, иные Полоцкими“... Затѣмъ разсказывается, что „Вильняне взяли собѣ изъ Царяграда князя Полотцкаго Ростислава Рогволодовича дѣтей (Полотцкіе князья высланы были въ Царьградъ Кіевскимъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ въ 1129 г.), Давила князя, да брата его Мокволода князя, и той на Вильнѣ првѣый князь Давиль, братъ Мокволодовъ большой, а дѣти его: Видь, его же люди волкомъ звали, да Ерденъ князь. А Ерденъ сынъ крестился, былъ владыкой во Твери... Звали его Андреемъ... А у Мокволода князя сынъ Миндовъ, а у Миндовга князя дѣти Вышлегъ (Войшелкъ) да Домантъ (Довмонтъ)“... Полн. Собран. лѣтописей, т. 7, стр. 253. Примѣч. М. К.

Я видѣлъ грамоты, писанныя по-русски и данныя великими князьями литовскими даже для чисто-литовскаго населенія, занимавшаго теперешнюю Ковенскую губернію и часть Виленской: ¹⁾ грамотность литовская не существовала. Итакъ, Русь западная, состоя подъ владычествомъ князей литовскихъ, не испытывала никакихъ насилій ни относительно религіи, ни языка, ни быта.

По случаю раздѣленія Руси на восточную и западную, и русская іерархія раздѣлилась, но не враждебно; и кievскіе, и московскіе митрополиты назначались константинопольскимъ патриархомъ; въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, при неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, мѣстные іерархи съ князьями избирали митрополитовъ, не требуя согласія константинопольскихъ патриарховъ, но никогда не подчинялись папамъ римскимъ.

Такъ жила Русь литовская или западная, пока не былъ избранъ въ короли польскіе великій князь литовскій Ягелло (Ягайло) и не обращенъ изъ православія, въ которомъ онъ назывался Яковомъ, въ латинство, подъ именемъ Владислава ²⁾. Фанатизмъ и неразвитость польскаго духовенства того времени не признавали для людей спасенія внѣ исповѣданія римской церкви, и всѣхъ не принадлежавшихъ къ ней ставили наравнѣ съ язычниками. Польскіе историки, говоря, что Ягелло (Ягайло) ввелъ, въ концѣ XIV столѣтія, христіанство въ Литву, вводятъ въ заблужденіе многихъ, понимающихъ подъ именемъ Литвы всѣ западныя губерніи, бывшія тогда во владѣніи Литвы: все языческое населеніе этой страны состояло въ то время исключительно изъ литовскаго и самогитскаго (жемойтскаго, жмудскаго) племенъ, заселяющихъ теперешнюю Ковенскую и часть Виленской губерніи. Народонаселеніе же прочихъ областей, то-есть нынѣшнихъ губерній: Подольской, Киевской, Волынской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской, исповѣдывало исключительно вѣру православную. Языкъ въ этихъ областяхъ былъ русскій, и не было въ нихъ слѣдовъ римскаго католицизма; только со временъ Ягелла (Ягайлы) началъ онъ втискиваться между православными.

Хотя поляки и послѣ Ягелла (Ягайлы) продолжали избирать въ короли себѣ великихъ князей литовскихъ, но Литва еще не переставала быть самостоятельной; спорили даже о границахъ между Польшей и Литвой. Русское населеніе Литвы противилось усиліямъ поляковъ соединить эту страну съ Польшей, опасаясь уже осязательныхъ въ то время стремленій Польши къ подавленію въ Литвѣ православія и русской народности. При всемъ томъ, нѣкоторые изъ русскихъ и обрусѣлыхъ литвиновъ, побуждаемые желаніемъ высшихъ должностей въ государствахъ и приобрѣтенія государственныхъ земель, начали переходить въ латинство, такъ что въ XVI столѣтіи число этихъ вельможъ-ренегатовъ достигло уже значительной цифры. Они-то, во второй половинѣ XVI столѣтія ³⁾, и подписали

¹⁾ Теперь извѣстно уже и издано много памятниковъ этого рода. Ими наполненъ XIV т. Актовъ Виленской Археографической Коммиссіи, и замѣчательно, что не только литовское правительство издавало для литвиновъ грамоты на русскомъ языкѣ, но и литовскіе помѣщики въ чисто литовскихъ мѣстностяхъ писали свои хозяйственные инвентари на русскомъ языкѣ, и это удерживалось во многихъ мѣстахъ Литвы цѣлыхъ два столѣтія даже послѣ соединенія Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ. Прим. М. К.

²⁾ Это было въ 1386 г. Прим. М. К.

³⁾ Это было въ 1569 г. въ Люблинѣ. Въ 1869 г. Петербургская Археографическая Коммиссія издала съ переводомъ на русскій языкъ дневникъ Люблинскаго сейма, который (дневникъ) веденъ былъ на самомъ сеймѣ, и въ немъ разсказывается подробно, какъ поляки безъ всякаго уваженія

на Люблинскомъ сеймѣ актъ соединенія Литвы съ Польшею. Прочимъ, протестовавшимъ противъ этого соединенія, король объявилъ, что если они не перемѣнятъ своего рѣшенія, то имѣнія ихъ будутъ конфискованы. Само собою разумѣется, что многочисленное русское духовенство и народъ русскій не были о томъ спрошены. Вотъ какъ состоялось прославляемое поляками люблинское соединеніе Литвы съ Польшей,—соединеніе, на основаніи котораго нынѣшніе поляки и мечтаютъ о вторичномъ порабоженіи себя западныхъ русскихъ губерній ¹⁾. Сбылось затѣмъ предчувствіе русскаго народа: вслѣдъ за Люблинскою уніей приняты были враждебныя мѣры къ изнасилованію совѣсти народной, къ подчиненію русской церкви папѣ римскому. Встрѣчая сильное сопротивленіе въ стараніяхъ привлечь русскихъ въ латинство, придумали менѣе тягостное, предуготовительное къ тому средство—церковную унію, то-есть подчиненіе русской церкви папѣ римскому съ оставленіемъ въ богослуженіи языка славянскаго, греческихъ обрядовъ и законовъ церковныхъ, свойственныхъ греческой церкви. Душою этого проекта были іезуиты, а орудіями ихъ — король польскій Сигизмундъ III, паны польскіе, ополяченные русскіе и настроенные ими два православные епископа Поцѣй и Терлецкій, посланные королемъ Сигизмундомъ въ Римъ въ 1595 году для изъявленія послушанія папѣ римскому. Говорятъ, что Поцѣй и Терлецкій употребили для этой цѣли бланки съ подписями митрополита и нѣкоторыхъ другихъ епископовъ, данные имъ затѣмъ, чтобъ они могли писать польскому правительству жалобы на притѣсненія и преслѣдованія православныхъ. Хотя митрополитъ Рагоза и протестовалъ, что онъ не причастенъ дѣлу уніи и останется вѣрнымъ православію; однакожь по возвращеніи делегатовъ изъ Рима съ грамотою объ уніи, онъ на Брестскомъ соборѣ ²⁾ согласился быть унитомъ, равно какъ и другіе архіереи, кромѣ двухъ, львовскаго и перемышльскаго. Необлатиненное дворянство, прочее духовенство и мѣщанство протестовали противъ измѣны православію; не желая быть въ общеніи съ архіереями-измѣнниками, они избирали себя православныхъ пастырей, рукоположенныхъ въ архіерейство іерусалимскимъ патриархомъ ³⁾. Итакъ, въ Руси литовской возникли, вмѣсто одной, греко-русской, три іерархіи: греко-русская, греко-унитская и римско-католическая. Поляки, одушевляемые іезуитами, стремились къ уничтоженію греко-русской церкви посредствомъ перевода ея въ унію. Операнія эта продолжалась въ теченіе цѣлаго XVII и большей половины XVIII столѣтія; цѣль оправдывала въ этомъ случаѣ всевозможныя средства: обманъ, насмѣшка, поруганіе и разнаго рода насилія, по увѣренію іезуитовъ, не могли считаться преступленіемъ, а служили лишь вѣрнѣйшимъ средствомъ къ возвеличенію славы

къ представителямъ Литовскаго княжества обрѣзывали имъ, по словамъ литвиновъ, крылья; сперва оторвали отъ Литвы насильно, съ угрозой лишенія чиновъ и имѣній, Подлѣсіе (часть нынѣшней Холмской области), затѣмъ Волынь, наконецъ Кіевскую область. Тогда представители остальныхъ литовскихъ областей заявили, что имъ нельзя быть безъ оторванныхъ у нихъ земель, и покорились, но заявили, что покоряются не полякамъ, а своему государю, которымъ тогда былъ Сигизмундъ Августъ, послѣдній изъ рода литовскихъ князей. Примѣч. М. К.

¹⁾ Воспоминанія архіепископа Антонія писаны во время послѣдняго (1863 г.) польскаго мятежа. Это постоянно нужно помнить при чтеніи ихъ. Прим. М. К.

²⁾ Въ 1596 г. Примѣч. М. К.

³⁾ Это было въ 1620 г. Патриархъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ Феофанъ, тотъ самый, который рукополагалъ и московскаго патриарха Филарета. Примѣч. М. К.

Божіей, *ad majorem Dei gloriam*. Насильно забирались въ вѣдніе греко-унитовъ монастыри и церкви, изгонялись изъ храмовъ Божіихъ священники православные; гдѣ крѣпче держалось православіе, не поддаваясь пропагандѣ уніатской, тамъ запрещали строить новыя церкви православныя и починять старыя; иногда усердные къ славѣ Божіей паны, не признававшіе надъ собою никакой власти (общей государственной власти въ Польшѣ почти не было), отдавали православныя церкви вмѣстѣ съ корчмами въ аренду жидамъ; у арендаторовъ хранились и ключи отъ церквей, выдававшіеся священникамъ только для совершения богослуженія, по внесеніи положенной платы. Жалобы православныхъ безсильному правительству противъ самоуправства и насилія ксендзовъ и пановъ ни къ чему не вели, такъ что король польскій Владиславъ IV слѣдующими словами принужденъ былъ отвѣчать на жалобы казаковъ: «имѣте сабли, защищайтесь сами». И потому православные давали отпоръ насилію тѣмъ же насиліемъ: такъ палъ его жертвою ¹⁾ Іоасафъ (Іосафатъ Кунцевичъ), архіепископъ Полоцкій, притѣснявшій православныхъ разными жестокостями, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ къ нему письмѣ католикъ, канцлеръ литовскій, Левъ Сапѣга. Въ письмѣ этомъ Сапѣга предсказывалъ ему, что онъ погибнетъ отъ того оружія, которымъ самъ воюетъ. Юго-западная Русь оборонялась отъ пановъ и ксендзовъ при помощи казаковъ, опустошительные набѣги которыхъ настолько ослабили Польшу, что дали имъ возможность отложиться отъ нея и войти въ составъ восточной Руси ²⁾.

Настойчивость распространителей уніи, не пренебрегавшихъ никакими средствами, была столь велика, что къ концу XVIII столѣтія уже не много оставалось православныхъ въ Литвѣ.

Юго-западные русскіе, какъ долѣе боровшіеся при помощи казаковъ противъ уніи, тотчасъ же послѣ возвращенія западныхъ русскихъ губерній къ восточной Россіи оставили унію и воссоединились съ православною греко-россійскою церковью; то были населенія губерній: Подольской, Кіевской, Волынской и отчасти Минской ³⁾. Бѣлорусское же населеніе, а именно въ губерніяхъ: Гродненской, Виленской, Минской, Могилевской и Витебской, крѣпче держалось уніи, такъ

¹⁾ Это было въ 1623 г. Письмо Льва Сапѣги къ Кунцевичу напечатано въ „Историческомъ извѣстіи о возникшей въ Польшѣ уніи,“ соч. Бантыша-Каменскаго, переизданномъ въ Вильнѣ по распоряженію графа М. Н. Муравьева.

²⁾ Авторъ разумѣетъ здѣсь присоединеніе къ Русскому государству Малороссіи, при гетманѣ Богданѣ Хмѣльницкомъ, по рѣшенію Переяславской рады въ 1654 г., когда весь народъ воскликнулъ: „волимъ (идти) подъ (власть) царя православнаго!“ Примѣч. М. К.

³⁾ Нужно прибавить здѣсь и Могилевскую губернію, гдѣ послѣ перваго раздѣла Польши (1772 г.) многія тысячи уніатовъ устремились въ православіе и отдѣльно, и цѣлыми приходами. Къ сожалѣнію, изданный тогда же Екатериной извѣстный законъ о вѣротерпимости понять былъ такъ, что должны оставаться въ уніи и тѣ, которыхъ законъ засталъ въ этомъ исповѣданіи; поэтому желавшіе переходить въ православіе цѣлыми приходами были задержаны въ уніи, и знаменитый бѣлорусскій святитель Георгій Конисскій цѣлыхъ восемь лѣтъ, до самаго 1780 г., умолялъ снять узъ совѣсти съ этихъ мнимыхъ уніатовъ, насильно обращенныхъ въ унію во времена Польши и насильно въ ней удерживаемыхъ при русскомъ правительствѣ. Освобожденіе отъ узъ совѣсти этихъ несчастныхъ уніатовъ послѣдовало въ 1780 г., а полная свобода уніатамъ переходить въ православіе дана была послѣ втораго раздѣла Польши (1793 г.). Тогда и въ Бѣлоруссіи и особенно въ Малороссіи было такое громадное стремленіе въ православіе, что насилу успѣвали принимать ихъ. Присоединилось тогда около четырехъ милліоновъ. Примѣч. М. К.

какъ здѣсь болѣе гнѣздилося іезуитовъ, главныхъ дѣятелей униі. Были коллегіи іезуитовъ въ Вильнѣ, Гроднѣ, Лидѣ, Новогрудкѣ, Несвижѣ, Минскѣ, Пинскѣ, Оршѣ, Мстиславѣ, Могилевѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, не считая іезуитскихъ миссій перемѣнявшихъ мѣстопробываніе по обстоятельствамъ. Для большей же прочности униі, іезуиты озаботились реформою унитскихъ монастырей. Наставниками унитскихъ послушниковъ были іезуиты въ званіи магистровъ (*magistri novitiorum*).

Обогащенные унитскіе монастыри наполнялись католиками, принимавшими униатство, при поступленіи въ монашество, а изъ такихъ монаховъ псевдо-унитовъ поступали іезуиты въ греко-унитскіе архіереи, и унитскіе монахи, занимаясь воспитаніемъ юношества, внушали ему ненависть къ православнымъ и упражняли его въ преслѣдованіи ихъ. Вотъ образецъ такого упражненія учениковъ минскихъ унитскихъ монаховъ, который беру изъ числа многихъ подобныхъ древнихъ документовъ. Это официальный осмотръ *вознаго* о православныхъ, пораненныхъ означенными учениками 1617 года.

Возный видѣлъ: «на Федору Ѳомичу рану на рупѣ и у головѣ надъ вискомъ; «на Янку Александровичу на твари (лицѣ) подбито, пошарпано (исцарапано), «покровавлено; на Ивану Петровичу хребетъ весь сбитый, спухлый, и рука «лѣвая шkodливѣ перебита, что и пальцами двѣма не вѣдати если будетъ владѣть; «на Яску Василевичу также раны синевыя; а хлопца (слугу) пана Ивана «Павловскаго, Юрка Ивановича, видѣлисьмо у постели лежачаго, округне (жестокото) сбитаго, у головѣ камнемъ пробитая рана шkodливая, и хребетъ весь «синій, кійми збитъ, съ котораго збитья не вѣдати если будетъ живъ; иныхъ «хлопчатъ (возный называетъ 7 человекъ) видѣлъ збитыхъ и по твари пошарпанныхъ и покровавленныхъ».

Изъ этого документа видно, что эти побои нанесены по приказанію унитскихъ монаховъ Козмо-Демьяновскаго монастыря «Габріелемъ Велькѣвичемъ, Кузьмою Ивановичемъ Поваромъ и нѣсколькими десятками учениковъ» тогоже монастыря.

Будучи еще ребенкомъ, я видѣлъ подобную травлю евреевъ, производившуюся учениками полоцкихъ іезуитовъ, и это уже при русскомъ правительствѣ, не позволявшемъ своевольничать: такова сила традиціонной нетерпимости! Православныхъ при русскомъ правительствѣ уже не били, однако ученики іезуитскіе изъ-за угла называли православнаго священника *козломъ* и блеяли ему по козлиному, осмѣивая тѣмъ его бороду. Подобный духъ нетерпимости и до самыхъ послѣднихъ поръ еще держался между католиками, преимущественно же между женщинами, какъ наиболѣе находящимися подъ вліяніемъ ксендзовъ, но онъ таился подъ страхомъ отвѣтственности передъ закономъ. Во время же нынѣшняго ⁴⁾ польскаго мятежа, когда здѣшніе поляки увѣрили себя, что Наполеонъ, при помощи прочихъ державъ, отброситъ Россію въ Азію, начали между ними распространяться письма, призывавшія католиковъ вырѣзать схизму (такъ называютъ они православныхъ), а между тѣмъ гимназисты и женщины, встрѣчаясь съ православными, плевали на нихъ и сопровождали ихъ взглядами полными злобы, наиболѣе же при выходѣ изъ костеловъ, когда была въ разгарѣ религіозная восторженность, возбужденная пѣніемъ революціонныхъ гимновъ.

⁴⁾ Т. е. бывшаго въ 1863—4 гг. Примѣч. М. К.

Хотя главное революціонное правительство и проповѣдуетъ *) вѣротерпимость, дабы выказать предъ Европой свою высокую цивилизацію и привлечь инновѣрцевъ къ мятежу; но можно утвердительно сказать, что вѣротерпимость не въ натурѣ польско-ультрамонтанскаго католицизма; такую терпимостію щеголяютъ развѣ тѣ изъ поляковъ, которые не вѣруютъ не только въ папу, но и въ Бога, да и тѣ не прочь вторить фанатикамъ—*pro publico bono*.

Какая жь была доля греко-унитской церкви, существовавшей въ здѣшнемъ краѣ болѣе двухъ столѣтій?

Греко-унитами, не совращенными въ римскій обрядъ, оставалось все сельское населеніе, бывшее прежде православнымъ, по крѣпостному праву подчиненное помѣщикамъ-полякамъ, или ополоченнымъ русскимъ, а также часть мѣщанъ и еще меньшая часть небогатыхъ дворянъ. Названіе *греко-униты* было внижное и официальное, незнакомое народу, безъ согласія котораго возникала унія, а какъ богослуженіе оставлено было греко-русское, то народъ, подчиненный греко-унитскимъ духовнымъ, не переставалъ называть свою вѣру русскою, въ противоположность вѣрѣ римско-католической, которую называлъ польскою или католическою.

Многочисленное греко-унитское духовенство, за исключеніемъ монаховъ и архіереевъ, было женатое, и эта-то привилегія унитовъ была причиною, что униты не все совратились въ латинство, которое по своимъ кореннымъ законамъ и интересамъ не могло въ нѣдрахъ своихъ терпѣть женатаго духовенства. Уніатство считалось несовершенствомъ въ церкви католической, даже зломъ, которое нужно было одною терпѣть для устраненія большаго зла—неподчиненія папѣ римскому. Предоставлялось времени постепенное искорененіе уніи, которая уже потому не нравилась полякамъ, что допускала моленіе по-русски, какъ молятся схизматики.

Подъ влияніемъ іезуитовъ, которые самовластно настраивали общее мнѣніе поляковъ, греко-унитское бѣлое духовенство было обречено на крайнюю бѣдность и невѣжество; все школы для духовнаго образованія, о которыхъ пеклись братства православныя, учрежденныя при разныхъ монастыряхъ, были упразднены, какъ только эти монастыри перешли въ руки уніатовъ; богатыми же фундами школъ пользовались только монахи. Даже бѣлое духовенство подвергалось позору и униженію, чтобы принудить тѣмъ его дѣтей къ переходу въ римскій обрядъ. Іезуиты учили, что священническія дѣти суть незаконнорожденные, такъ какъ по каноническому праву священники должны быть безбрачны. Потому священническія дѣти, во избѣжаніе насмѣшекъ, скрывали свое происхожденіе и переходили въ латинство; въ числѣ таковыхъ былъ и родной мой братъ. Одинъ дальній мой родственникъ, сынъ священника Муроговской церкви, Иванъ Барцевскій, воспитанникъ іезуитскій, сдѣлавшись послѣ польскимъ литераторомъ и описывая свою жизнь и отношенія свои къ отцу, ни однимъ словомъ не намекнулъ, что отецъ его былъ священникомъ унитскимъ, а назвалъ его шляхтичемъ изъ околицы Муроговской. Греко-унитское монашество, какъ я уже сказалъ, дѣйствовало заодно съ латинствомъ. Впрочемъ, латинское духовенство даже архіереевъ унитскихъ ставило ниже себя, и никогда не допускало ихъ засѣдать съ собою

*) Т. е. проповѣдывало. Ир. М. К.

въ польскомъ сенатѣ, хотя то было обѣщано при введеніи униі. Кандидаты въ монашество (послушники) учились въ монастыряхъ наукамъ богословскимъ въ духѣ ультрамонтанскомъ, бѣлое же духовенство не имѣло ни одной семинаріи для духовнаго образованія, которое считалось ненужнымъ: *думали*, что паства греко-унитскихъ священниковъ необразованная, холопская. Такой взглядъ на бѣлое унитское духовенство такъ глубоко врѣзался въ сознаніе поляковъ, что даже при русскомъ правительствѣ, когда члены коллегіи изъ бѣлаго духовенства ходатайствовали объ основаніи для унитовъ семинарій и завѣдывавшій церковными дѣлами, графъ Блудовъ, вель по этому дѣлу переговоры съ митрополитомъ греко-унитскимъ Булгакомъ (онъ изъ римско-католиковъ), этотъ добрый старикъ доказывалъ (я самъ слышалъ), что для священниковъ унитскихъ не нужны науки; достаточно, если они будутъ умѣть исполнять обряды.

Въ бѣлое греко-унитское духовенство поступали обыкновенно священническія дѣти, механически обученныя родителями церковной, а впоследствии и польской грамотѣ, или не кончившія курса наукъ въ свѣтскихъ низшихъ училищахъ либо по неспособности, либо по недостатку средствъ. Обыкновенно они предварительно служили у пановъ, чтобы заслужить рекомендацію (презенту) къ архіерею, безъ которой архіереи на основаніи права ктиторства (*jus patronatus*) не могли рукополагать въ священники ¹⁾. Предъ рукоположеніемъ женились на дѣвицахъ, имѣвшихъ приданое,—достаточное на издержки рукоположенія, которыя были довольно значительны по сравненію съ бѣдностію унитскаго духовенства. Нужно было платить экзаминатору за свидѣтельство о способности, и епархіальному начальству за разнаго рода грамоты прежде и послѣ рукоположенія. Предъ рукоположеніемъ платилось за *консенсъ*, то-есть грамоту, дозволяющую ходатайствовать о *презентѣ*, а послѣ рукоположенія—за грамоту о рукоположеніи, за грамоту *инсталляціонную*, самую дорогую, дававшую право управлять приходомъ пожизненно; тѣ, которые не были въ состояніи купить такую грамоту, покупали грамоту подешевле, такъ называемую *администраціонную*, дававшую право совершать таинства въ продолженіи трехъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ нужно было платить за возобновленіе грамоты, до тѣхъ поръ, пока священникъ не собиралъ достаточно денегъ на покупку грамоты *инсталляціонной*. По причинѣ этой тягости, также скудости церковныхъ фондушей (лучшіе фондуши были обращены въ фондуши монастырскіе) и бѣдности прихожанъ, угнетенныхъ крѣпостнымъ правомъ, поступали въ священники по большей части только тѣ, кто не могъ пріискать себѣ другого способа къ жизни. Тѣ же изъ священническихъ сыновей, которымъ удавалось болѣе просвѣтиться, разумѣется, въ духѣ ультрамонтанскомъ, поступали или въ латинскіе ксендзы, или служили у помѣщиковъ писарями, экономами или комиссарами, или принимались въ аппликанты при палестрѣ (ученики при адвокатурѣ), а переходя въ латинство, утаивали, по возможности, что они поповичи, и даже дѣлались врагами не только православія, но и униатства.

До времени Замойскаго греко-унитскаго собора (1720 г.), греко-униты отличались отъ православныхъ только тѣмъ, что ихъ митрополиты были утвер-

¹⁾ Это право было отмѣнено по ходатайству правленія литовской семинаріи, которой тогда я былъ ректоромъ, по той причинѣ, что помѣщики отказывались давать *презенты* учившимся въ семинаріи. Примѣч. автора. Ктиторство уничтожено въ 1833 г. Зап. Иосифа т. 1, стр. 76 и 808. Примѣч. М. К.

ждаемы не константинопольскимъ патриархомъ, а папою римскимъ; епископы же какъ тѣхъ, такъ и другихъ не требовали утвержденія иностранной власти; устройство церквей, обряды и молитвословіе, церковное и домашнее одѣяніе, даже символъ вѣры были одинаковы какъ у православныхъ, такъ и у униатовъ. Первоначально не прибавляли въ символъ вѣры исповѣданія о происхожденіи Св. Духа: «и отъ Сына». Даже не дѣлали этого прибавленія епископы и архимандриты, посвящаемые митрополитомъ Антоніемъ Селявою, который, впрочемъ, первый (1642 г.), при поставленіи его въ санъ митрополита, произнесъ при чтеніи символа вѣры *Filioque* (и отъ Сына) — быть-можетъ, въ угоду папскому нунцію, въ присутствіи котораго онъ читалъ его по-латыни.

Въ первую половину XVIII столѣтія, бѣлое духовенство и народъ униатскій казались уже достаточно отупѣлыми, униженными и обезсиленными, чтобы рѣшиться на Замоискомъ соборѣ (1720 г.) сдѣлать шагъ къ уничтоженію сходства униатовъ съ православными и къ сближенію ихъ съ римско-католиками. По распоряженію Замоискаго собора изданы были новые служебники, въ которыхъ хотя и не измѣнено молитвословіе, но нѣкоторыя обрядныя дѣйствія преобразованы на римскій ладъ, такъ что они даже не согласовались со смысломъ молитвъ; въ символъ же вѣры прибавлено «и отъ Сына», а въ молитвахъ поминаеніе папы римскаго. Съ этого времени начали постепенно измѣнять устройство въ церквахъ, а именно: устранять иконостасы, также выводить изъ употребленія домашнее одѣяніе священниковъ и принуждать ихъ брить бороды. Старожилы рассказывали мнѣ траги-комическіе анекдоты по случаю этого принужденія, въ которомъ отличался какой-то базилианинъ Лисанскій, командированный начальствомъ для уничтоженія бородъ. Псевдо-униатскіе монахи, названные базилианами, приняли костюмъ іезуитовъ, а бѣлое духовенство — костюмъ свѣтскихъ римско-католическихъ ксендзовъ. Во вторую половину XVIII столѣтія бѣлое греко-униатское духовенство, находя себя уже не похожимъ на православныхъ по одѣянію, по церковнымъ обрядамъ и по поминаенію въ молитвахъ папы римскаго, начало вѣровать, хотя и безсознательно, что православные суть схизматики, неправовѣрные. Богословіе для униатскаго духовенства было недоступно, потому что у него не было ни одной духовной семинаріи, и разница ученія между римскою и православною церковію о происхожденіи Святаго Духа образовала въ понятіи униатовъ предположеніе, что схизматики не вѣруютъ даже въ Св. Троицу. Мнѣ самому было внушено это въ дѣтствѣ моемъ; помню, что послѣ этого меня озадачивало изображеніе Св. Троицы на фронтонѣ церкви полоцкаго православнаго монастыря. Уже тогда мнѣ казалось, что что-то не такъ меня учили, а недоувѣрять этому ученію я имѣлъ поводъ еще въ раннемъ моемъ дѣтствѣ. Помню, меня, семилѣтняго ребенка прадѣдъ мой, униатскій священникъ заставлялъ прислуживать въ церкви. Помню, какъ онъ запрещалъ мнѣ дотрогиваться до потира, увѣряя, что онъ жжетъ руки (потиръ былъ позлащенный, и это могло сообщать ему, въ дѣтскихъ глазахъ, видъ накаленного до жара металла), и что только священники могутъ брать потиръ безвредно; я увѣровалъ въ это чудо, какъ и во многое подобное. Желая зимой обогрѣть руки около потира и не чувствуя теплоты послѣ постепеннаго приближенія къ нему рукъ, я рѣшился, наконецъ дотронуться до него, и оскорбился обманомъ. Это было поводомъ, что и послѣ я не довѣрялъ авторитетамъ, а старался повѣрять ихъ собственными соображеніями. Даже слушая лекціи

профессоровъ, я какъ можно глубже старался обдумывать слышанное, и не добравшись до полнаго сознанія предмета, отлагалъ свое окончательное о немъ заключеніе до наведенія нужныхъ справокъ. Такимъ образомъ набралось у меня множество вопросовъ, неотвязчиво требовавшихъ отъ меня разрѣшенія: въ числѣ ихъ былъ и вопросъ, порожденный взглядомъ на вышеупомянутое изображеніе Св. Троицы.

Безсознательное вѣрованіе въ римскій католицизмъ со стороны бѣлаго греко-унитскаго духовенства не доходило однако-жъ до фанатизма, по той причинѣ, что это духовенство, какъ необразованное и презираемое гордыми ксендзами и поляками, не было допускаемо къ интимнымъ съ ними сношеніямъ. Епархіальное начальство дѣйствовало заодно съ римско-католиками, а какъ происшедшее отъ нихъ же, оно держало бѣлое духовенство въ отдаленіи отъ себя: связь между ними ограничивалась почти только рукоположеніемъ и покупкой установленныхъ грамотъ. Бѣлое греко-унитское духовенство взирало на монашество греко-унитское и римско-католическое духовенство какъ на что-то высшее, хотя и враждебное; а для избѣжанія презрѣнія, по первому призову, было бы готово принять римскій католицизмъ, если бы только римская церковь могла терпѣть въ нѣдрахъ своихъ женатое духовенство. Потому неудивительно, что греко-унитское духовенство, получившее подъ русскимъ владычествомъ средства къ образованію и узнанію всей неправоты западнаго католицизма, охотно соединилось съ греко-россійскою церковію, у которой нашло братскую любовь, вмѣсто презрѣнія латино-польскаго.

Предвидя это, римско-католики воспѣшили, по возвращеніи западныхъ губерній къ Россіи, принять мѣры къ обращенію унитовъ въ римскій католицизмъ, по крайней мѣрѣ, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Юго-западные губерніи успѣли ускользнуть отъ происковъ католиковъ скорымъ своимъ присоединеніемъ къ православію. За то, по смерти Екатерины II, римлянамъ благопріятствовали обстоятельства къ истребленію униі въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, гдѣ оставалось унитовъ около двухъ милліоновъ. Императоръ Павелъ I, преданный дѣлу мальтійскихъ рыцарей, льстилъ римско-католическому духовенству, и такъ какъ всѣ его дѣйствія были вообще направлены противъ начертаній императрицы Екатерины II, то онъ и уничтожилъ учрежденную ею миссію, имѣвшую цѣлію охранять переходъ юго-западныхъ унитовъ въ православіе и защищать ихъ отъ гнета пановъ и ксендзовъ ¹⁾. Въ учрежденіи же о римско-католической коллегіи, императоръ выразился, что такъ какъ униты должны принадлежать или къ православію, или къ римско-католикамъ, то и не имѣть унитамъ членовъ въ коллегіи ²⁾. На этомъ основаніи католики, при содѣйствіи католическихъ по-

¹⁾ Императоръ Павелъ вскорѣ однако увидѣлъ, что его забота, чтобы каждый спокойно исповѣдывалъ свою вѣру, дурно понята латинянами и вызываетъ ихъ на усиленную пропаганду не только среди уніатовъ, но и среди православныхъ; поэтому и въ 1798 и 1799 и 1800 году объявлялись суровыя мѣры противъ ревнителей латинства, совращавшихъ православныхъ, хотя при этомъ правительство дѣйствительно сквозъ пальцы смотрѣло на совращеніе уніатовъ, чѣмъ и пользовались латиняне, и совращали въ латинство цѣлыя тысячи уніатовъ, особенно въ началѣ слѣдующаго царствованія, — Александра I. Примѣч. М. К.

²⁾ Это было сказано императоромъ не по поводу учрежденія римско-католической коллегіи въ 1797 году, а въ 1800 г. по поводу просьбы бывшаго уніатскаго митрополита Ростовскаго, чтобы въ коллегіи были члены и отъ уніатовъ. Собраніе закон. № 19.684. Примѣч. М. К.

мѣщиковъ, поставляли по смерти греко-унитскихъ священниковъ, на мѣсто ихъ, латинскихъ ксендзовъ, рукополагая при томъ въ ксендзы сыновей умершихъ священниковъ; при этомъ не дозволяли имъ жениться, а по мѣстамъ разрѣшали женатымъ унитскимъ священникамъ служить по-латыни *миссу*. На мѣсто умершихъ греко-унитскихъ архіереевъ не рукополагали новыхъ: оставались въ живыхъ только два архіерея, брестскій Иосафатъ Булгакъ и полоцкій Ираклій Лисовскій, оба, по заведенному обычаю, поступившіе въ унитство изъ римско-католическихъ дворянъ, а потому и не расположенные защищать унитовъ отъ латинянъ. Митрополита унитскаго, по смерти Смогоржевскаго, не назначали ¹⁾.

Къ счастью, это нашествіе латинянъ на унію было кратковременно. По смерти императора Павла, умный и энергическій священникъ изъ блага духовенства, Іоаннъ Красовскій, снискавшій довѣренность и уваженіе полоцкаго греко-унитскаго архіепископа Лисовскаго, исходатайствовалъ посредствомъ его аудіенцію у императора Александра I, во время которой Красовскій представилъ на видъ существованіе около двухъ милліоновъ греко-унитовъ, страдающихъ отъ насильственнаго преобладанія римско-католиковъ ²⁾. Съ этого времени русское правительство стало покровительствовать не только римско-католикамъ, но и греко-унитамъ. Изъ каждой епархіи греко-унитской былъ назначенъ ассесоръ въ римско-католическую коллегію (2-й департаментъ); Лисовскій былъ назначенъ въ унитскаго митрополита, а затѣмъ пополнилась и остальная греко-унитская іерархія. Главнымъ дѣятелемъ, по внушенію умнаго Красовскаго, былъ митрополитъ Лисовскій, путешествовавшій въ Іерусалимъ ³⁾.

Лисовскій, по возвращеніи изъ Іерусалима, ввелъ въ своей епархіи неслыханные греческіе обряды, и самъ служилъ по московскому архіерейскому служебнику. Зато Лисовскаго не любили римско-католики и дѣйствовавшіе съ ними заодно базилиане. Базилиане имѣли свое начальство, наподобіе римско-католическихъ монастырей, почти независимо отъ архіереевъ, даже имѣли притязаніе на подчиненіе ихъ своему вліянію, между тѣмъ какъ митрополитъ Лисовскій, по настроенію Красовскаго, дѣйствовалъ самостоятельно и несогласно съ ихъ видами. Они, по методу ультрамонтанской, прибѣгали къ клеветамъ и интригамъ, дабы уронить Лисовскаго въ общемъ мнѣніи; даже послѣ смерти его расказывали о какихъ то сверхъестественныхъ видѣніяхъ и мученіяхъ Лисовскаго въ аду. При этихъ обстоятельствахъ, Красовскій, снискивавшій все болѣе и болѣе

---

¹⁾ Послѣ смерти митрополита Смогоржевскаго (1788 г.) былъ новый уніатскій митрополитъ Ростоцкій, даже введенъ былъ (1799 г.) въ польскій сенатъ; но Екатерина II послѣ втораго раздѣла Польши лишила власти всѣхъ уніатскихъ епископовъ, въ томъ числѣ и Ростоцкаго. О Лисовскомъ авторъ самъ говоритъ ниже, что онъ заботился объ очищеніи и охраненіи уніи отъ латинства. Лисовскій былъ таковымъ и прежде, когда управлялъ бѣлорусскими уніатами еще только въ санѣ архимандрита. Примѣч. М. К.

²⁾ Это было въ 1803 г. Примѣч. М. К.

³⁾ Меня, десятилѣтняго мальчика, прельщала борода Лисовскаго, которую онъ отпустилъ въ бытность свою въ Іерусалимѣ; потому, можетъ быть, и я, послѣ рукоположенія меня въ архіерея греко-унитскіе, сейчасъ отпустилъ себѣ бороду. Митрополитъ Лисовскій, по своему добродушію и приятной старческой наружности, понравился двору Александра I, отъ котораго получилъ богатый облаченія для параднаго архіерейскаго служенія. Прим. автора. Лисовскій путешествовалъ въ Іерусалимъ въ 1802 г. Второй уніатскій департаментъ учрежденъ въ 1804 г. Лисовскій возведенъ въ санъ епископа въ 1785 г., а въ санъ митрополита въ 1806 г., скончался въ 1810 г. Примѣч. М. К.

уваженія у своего архипастыря, завѣдывая епархіальными дѣлами въ званіи офиціала, отыскалъ въ документахъ, что находившіяся въ рукахъ полоцкихъ базилианъ богатія имѣнія, числомъ болѣе 2,000 душъ, были даны королемъ Вишневецкимъ не базилианамъ, а полоцкимъ архіепископамъ, съ тѣмъ чтобъ они содержали 12 монаховъ при кафедральномъ соборѣ. По сдѣланному о томъ представленію, Его Величеству угодно было возвратить эти имѣнія въ вѣдѣніе полоцкихъ архіепископовъ, съ тѣмъ чтобъ они содержали, кромѣ двѣнадцати монаховъ, и епархіальную семинарію ⁴⁾. Я уже сказалъ, что при польскомъ правительствѣ не было ни одной семинаріи для блага унитскаго духовенства. Имѣнія базилианскія были отданы Лисовскому, какъ полоцкому архіепископу, и основана при кафедральномъ соборѣ въ Полоцкѣ семинарія, въ которую съ перваго раза было принято на фундушное содержаніе около 50 священническихъ дѣтей, преимущественно сиротъ; въ числѣ ихъ былъ и я. Въ низшихъ классахъ этой семинаріи преподавались науки общеобразовательныя; для высшихъ же классовъ не было еще приготовленныхъ учениковъ. По окончаніи пятикласснаго общеобразовательнаго ученія, для дальнѣйшаго образованія, семинаристы ходили въ Полоцкую іезуитскую академію. Это служитъ доказательствомъ, что тогда не было и мысли о возвращеніи греко-унитовъ къ православію ни у правительства, ни у іерарховъ.

Несмотря на то, жизнь выработала свои симпатіи и раскрыла намъ всѣ іезуитскіе замыслы, направленные противъ нашего воспитанія. У насъ, мальчиковъ, собранныхъ съ разныхъ сторонъ, незнакомыхъ другъ другу, оказалась общая антипатія къ полякамъ и іезуитамъ. Іезуитъ и полякъ были у насъ бранными словами. Я не хвалю этихъ чувствованій, но не могу не извинить ихъ, ибо они были отраженіями незаконныхъ дѣйствій, испытанныхъ нашими отцами и дѣдами отъ поляковъ и ксендзовъ. Эти чувствованія развивались и во время ученія нашего въ іезуитской академіи. Іезуиты чуяли, что бѣлое греко-унитское духовенство имѣетъ стремленіе, выработанное жизнію, освободиться изъ-подъ гнета римско-польскаго, и что единственное средство удержать его отъ перехода въ русскій лагерь заключается въ поддержаніи между нимъ невѣжества и вкорененіи безсознательнаго вѣрованія въ схизму русской церкви. Іезуиты предвидѣли, что коль скоро бѣлое унитское духовенство будетъ въ состояніи уразумѣть свои богослужебныя книги и другія писанія святыхъ отцовъ первоначальной церкви, уважаемыхъ самими римлянами, то оно пойметъ всю силу того заблужденія, въ которое было умышленно вовлекаемо. А потому іезуиты и въ отношеніи къ унитскимъ семинаристамъ продолжали свой прежній методъ, то есть, оказывая презрѣніе къ униі, старались и въ нихъ вызвать то же чувство, чтобы тѣмъ самымъ побудить ихъ къ переходу въ латинство. Но семинаристы были въ совершенно иномъ положеніи, нежели прочія священническія дѣти, на которыхъ прежде успѣшно дѣйствовали іезуиты. Прежде поповичи, имѣвшіе средства къ воспитанію, поступали въ іезуитскія (общеобразовательныя) школы съ самаго дѣтства, и духъ, который они приносили въ училище, исчезалъ въ массѣ огромнаго большинства римско-католическихъ учениковъ. Въ семинаріи же, напротивъ, поповичи получали первоначальное образованіе от-

⁴⁾ Полоцкая семинарія учреждена въ 1806 г. Примѣч. М. К.

дѣльно отъ католиковъ. Такимъ образомъ, вносившіяся ими въ школу чувствованія развивались свободно и вырабатывали въ нихъ самостоятельность. Когда мы, по окончаніи пятикласснаго низшаго образованія, были отправляемы въ Полоцкую іезуитскую академію, мы не переставали жить вмѣстѣ и видѣли іезуитовъ только въ аудиторіи. Такое наше положеніе и особая одежда семинарская не позволяли намъ скрывать наше поповское происхожденіе, да мы и не заботились о томъ, хотя и были предметомъ насмѣшекъ и поруганій со стороны академикомъ, на что іезуиты смотрѣли съ худо-скрываемою улыбкой. Для избѣжанія этихъ насмѣшекъ, мы не входили въ аудиторію безъ профессора, прибытія котораго ожидали въ монастырскомъ корридорѣ. Но когда мы и съ профессоромъ (іезуитомъ) проходили чрезъ школьный дворъ, насъ осыпали, будто ружейными выстрѣлами, криками *попъ, попъ!* Мы никогда не жаловались за такія обиды, зная, что въ этомъ дѣлѣ іезуиты заодно съ студентами. Вотъ еще характеристическое замѣчаніе: какъ бы ни случалось намъ озябнуть, ожидая въ холодномъ корридорѣ прибытія профессора, никогда не просили мы у іезуитовъ дозволенія обогрѣться въ ихъ комнатахъ, у дверей которыхъ мы стояли: такъ велика была наша къ нимъ антипатія. Само собою разумѣется, что и іезуиты съ своей стороны считали за униженіе оказывать намъ, ничтожнымъ передъ ними людямъ, хотя малѣйшее человѣческое вниманіе. Мы это приписывали ихъ гордости. Послѣ же, когда мнѣ довелось прочесть секретныя ихъ инструкціи, указывавшія на средства къ уничтоженію православія и униі, ¹⁾ я понялъ, что эти отношенія къ намъ іезуитовъ были систематически-обдуманныя и имѣли цѣлю убѣдить насъ въ томъ, что мы принадлежимъ къ состоянію самому презрѣнному, недостойному никакого уваженія,—къ состоянію, единственнымъ исходомъ изъ котораго было лишь одно латинство. Зато ужъ какъ они умѣли ласкать и привязывать къ себѣ тѣхъ, кто попадалъ къ нимъ въ кабалу! Мой братъ, въ продолженіе всей своей жизни, каждую рѣчь бывало сведеть на похвалу іезуитовъ. Онъ прежде меня учился у іезуитовъ, когда еще не было семинаріи. Впрочемъ, нужно сказать правду, іезуиты очень много добраго имѣли на взглядъ; но только это доброе не было въ нихъ согрѣто любовію, искренностію, чувствомъ правды.

Митрополитъ Лисовскій, выхлопотавшій разрѣшеніе на пополненіе греко-унитской іерархіи, при жизни своей рукоположилъ только одного архіерея, Григорія Кохановича, для Луцкой епархіи, и находясь въ Петербургѣ, умеръ въ 1810 году. Я былъ очевидцемъ торжественной встрѣчи его тѣла (въ Полоцкѣ). На погребеніе его собралось въ Полоцкѣ нѣсколько сотъ священниковъ греко-унитскихъ, благодарныхъ ему за учрежденіе семинаріи. Благодарность эта была тѣмъ живѣе, что Лисовскій первый изъ греко-унитскихъ іерарховъ началъ заботиться о благу блага духовенства.

Уже послѣ смерти митрополита Лисовскаго, въ 1811 году, прибыли въ Полоцкъ для рукоположенія въ греко-унитскіе архіереи: Красовскій, котораго Лисовскій назначилъ на свое мѣсто полоцкимъ архіепископомъ; для Виленской епархіи—архимандритъ Адріанъ Головня, и на мѣсто викарнаго брестскаго—Левъ Яворовскій. Для совершенія рукоположенія прибыли: лудцій епископъ Ко-

¹⁾ Вѣроятно авторъ разумѣетъ проектъ уничтоженія униі 1711 г. Примѣч. М. К.

хановичъ, назначенный послѣ Лисовскаго митрополитомъ, и брестскій епископъ Иоасафатъ Булгакъ, единственный архіерей, оставшійся изъ бывшихъ при польскомъ правительствѣ, такъ что ему довелось не оканчивать унію, передавая ее въ руки римско-католиковъ, какъ было предположено, но быть участникомъ въ пополненіи греко-унитской іерархіи, а затѣмъ едва не дожить до воссоединенія унитовъ къ православію, послѣдовавшаго вскорѣ послѣ его смерти ⁴⁾.

Такъ какъ греко-унитскихъ архіереевъ было только двое, то на мѣсто третьяго члена, консекратора, пригласили римско-католическаго епископа *in partibus*, Одынца, жившаго тогда въ Полоцкѣ. Консекраторы рѣшили было, что нельзя рукополагать въ епископы безъ особой на то буллы папской, хотя между условіями уніи и значилось, что папы римскіе утверждаютъ только митрополитовъ греко-унитскихъ, какъ то дѣлали прежде патріархи константинопольскіе; но греко-унитскіе іерархи, поступавшіе изъ римско-католиковъ, для возможно большаго уподобленія себя послѣднимъ, ввели обычай требовать папскаго утвержденія и для епископовъ. Однако Красовскій твердо отстаивалъ законъ, который за практикой римско-католической церкви былъ совершенно забытъ. Наконецъ, рѣшили рукополагать безъ буллы на томъ только основаніи, что кипѣвшая въ Европѣ война препятствовала имѣть сообщеніе съ папою. Затѣмъ требовали отъ Красовскаго, чтобъ онъ, на основаніи церковнаго закона, принялъ, предъ рукоположеніемъ въ архіерейство, монашескій обѣтъ. Красовскій былъ священнической сынъ, не любившій, какъ и все бѣлое духовенство, монаховъ, которые дѣйствовали заодно съ римско-католиками, и потому, не желая облечь себя въ монашеское званіе, счумълъ отдѣлаться отъ этого требованія. «Мнѣ, какъ воспитавшемуся въ папскомъ виленскомъ аліумнатѣ, говорилъ онъ, и уставомъ этого заведенія (предназначеннаго исключительно для блага греко-унитскаго духовенства) воспрещено вступать въ монашество». — «Въ такомъ случаѣ вы не можете быть архіереемъ», говорили противники. — «Нѣтъ, въ уставѣ сказано, что воспитанники аліумната предназначаются для занятія высшихъ должностей въ церкви до епископства включительно (*usque ad episcopatum*)». Такъ Красовскій переспорилъ этихъ людей, не знавшихъ законовъ, а умѣвшихъ дѣйствовать только по рутинѣ, и былъ рукоположенъ въ полоцкаго архіепископа, при чемъ я привѣтствовалъ его латинскою ораціею. Красовскій представлялъ собою явленіе замѣчательное, ибо несмотря на то, что воспитывался въ папскомъ институтѣ, онъ не любилъ ни базилианъ, дѣйствовавшихъ въ духѣ папскомъ, ни католическаго духовенства, потому что былъ изъ поповичей; при всемъ томъ Красовскій не былъ въ силахъ придти къ убѣжденію, что греко-русская церковь не схизматическая. Въ противномъ случаѣ, судя по его энергіи и правотѣ, онъ дѣйствовалъ бы къ распространенію и выясненію своего убѣжденія.

Не долго существовавшій виленскій папскій аліумнатъ, предназначенный для подготовленія къ высшимъ іерархическимъ должностямъ лицъ благаго духовенства, далъ двухъ дѣятелей: Красовскаго, о которомъ я говорилъ, и Антонія Тупальскаго. Оба они были официалами при епископахъ, оставшихся отъ польскаго правительства, — Красовскій у полоцкаго архіепископа Лисовскаго, а Тупальскій при брестскомъ епископѣ Иоасафатѣ Булгакѣ, — и оба, по мѣрѣ воз-

⁴⁾ Послѣдній уніатскій митрополитъ Юсафатъ Булгакъ умеръ въ 1838 г. Примѣч. М. К.

возможности, отстаивали бѣлое духовенство. Тупальскій дожилъ до того времени, что могъ принять личное участіе въ воссоединеніи унитовъ съ православными.

II.

Болѣе обильнымъ источникомъ просвѣщенія бѣлаго греко-унитскаго духовенства была главная семинарія, учрежденная при Виленскомъ университетѣ, въ началѣ царствованія Александра I ¹⁾, но вполне развившаяся лишь по окончаніи войнъ съ Наполеономъ. Она учреждена по ходатайству римско-католическаго начальства и по проекту римско-католическаго виленскаго епископа Стройновскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и ректоромъ Виленскаго университета. Цѣль этой семинаріи была доставить римско-католической церкви въ Россіи лицъ съ высшимъ образованіемъ, для занятія высшихъ должностей въ іерархіи. Вѣроятно не безъ затрудненій согласились допустить въ эту школу и греко-унитское бѣлое духовенство; положено было воспитывать въ главной семинаріи 30 римско-католическихъ и 20 греко-унитскихъ клириковъ; я сказалъ: вѣроятно не безъ затрудненій, основываясь на разказахъ одного моего пріятеля, присутствовавшего при частной конференціи польскихъ патріотовъ и виленскаго римско-католическаго епископа, Клонгевича, бывшей послѣ воссоединенія униі съ православіемъ. На этой бесѣдѣ пришли они, къ тому убѣжденію, что не слѣдовало допускать унитовъ въ воспитанію въ главной семинаріи, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, обстоятельство это составляло главнѣйшую причину отпаденія унитовъ отъ римской церкви. Клонгевичъ на это сказалъ, что онъ въ свое время доказывалъ весь вредъ отъ допущенія унитовъ въ главную семинарію и писалъ объ этомъ, но его не послушали.

По окончаніи двухгодичнаго ученія въ Полоцкой іезуитской академіи и я поступилъ въ главную семинарію. Начальникъ этой семинаріи и профессоры по религиознымъ предметамъ были римско-католическіе ксендзы, въ числѣ ихъ и упомянутый выше Клонгевичъ, тогда еще не бывшій епископомъ. Между свѣтскими учениками университета была тогда въ самомъ разгарѣ мода на польскій патріотизмъ, разжигаемый во всѣхъ школахъ, подвѣдомственныхъ университету. Главнымъ начальникомъ Виленскаго учебнаго округа, обнимавшаго всѣ западныя губерніи, былъ князь Адамъ Чарторыйскій, желавшій сдѣлать Польшу болѣе живучею по ея смерти, нежели какою она была при своей жизни. Основоуложеніемъ молодежи, по его системѣ, было картинное изображеніе передъ нею Польши, но не той, какою она была въ дѣйствительности, а Польши идеальной, представлявшей собою образецъ соціального совершенства; поэтому, съ особенною материнскою нѣжностію, развивались передъ молодыми людьми всѣ мелочи историческія и устранялось все давашшее фактамъ ихъ истинный, безобразный видъ. Затѣмъ всюду слышались возгласы о любви къ отечеству, подъ которыми разумѣлась опять-таки Польша, но отнюдь не Россія. Россію называли Москвою, которая изображалась какою-то злою силою, мертвящею все живое и оледеняющею всякія чувства. Подобными лекціями тѣмъ вѣрнѣе достигалась цѣль, что весь смыслъ ихъ часто заключался не въ живомъ словѣ, а въ намекахъ, ужим-

¹⁾ Въ 1803 г. Прихѣт М. К.

кахъ и недомолвкахъ, которыми давалось понять, что въ недоговоренномъ-то и заключается вся сила ужасовъ. Для прочности же всѣхъ этихъ впечатлѣній, которыя могли бы измѣниться подъ вліяніемъ истины, приняты были всѣ мѣры къ устраненію чтенія русскихъ книгъ.

Почему же унитскіе ученики главной семинаріи, при такой обстановкѣ, не сдѣлались фанатиками, папистами и польскими патриотами?

Польша, какъ воспитанная іезуитами и монахами, всегда была изъ всѣхъ католическихъ гусударствъ наусердѣйшею поклонницей папы; она вѣрила въ его непогрѣшимость, въ полноту его благодати и власти, вѣрила, наконецъ, что власть другихъ іерарховъ, даже вселенскихъ соборовъ, была дѣйствительна только при посредствѣ папы. Въ главной же семинаріи учили католицизму не ультрамонтанскому, и потому многіе изъ римско-католическаго духовенства, а болѣе всего монахи, платившіе подать на содержаніе главной семинаріи, не любили ея и считали ее чуть не масонскимъ заведеніемъ; а какъ воспитанники главной семинаріи предназначались къ занятію высшихъ церковныхъ должностей, то монахи, бывшіе во всѣхъ епархіальныхъ семинаріяхъ наставниками, чтобы парализовать назначеніе главной семинаріи, представляли въ нее малоспособныхъ семинаристовъ. Такъ дѣйствовали преимущественно епархіи Самогитская, Минская и Могилевская. Итакъ, хотя въ семинаріи было болѣе римско-католическихъ воспитанниковъ, нежели унитовъ, однако они не могли имѣть нравственнаго перевѣса. Униты старались посылать въ главную семинарію по возможности болѣе способныхъ изъ Полоцкой епархіи учениковъ епархіальной семинаріи и іезуитской академіи, а изъ другихъ епархій—священническихъ сыновей, имѣвшихъ возможность кончить курсъ наукъ въ гимназіяхъ. Изъ римско-католиковъ были фанатиками только тѣ, которые фанатиками поступили въ семинарію и которымъ не давалась наука. Но такой фанатизмъ вызывалъ не соблазнъ, а только смѣхъ. Помню, что когда я показалъ одному самогитскому клирику брошюру, написанную противъ папы, онъ прочитавъ нѣсколько страницъ, бросилъ книгу на полъ, началъ топтать ее, плевать, креститься, и вѣроятно потомъ на исповѣди каился въ оскверненіи этою книжкой своего мозга и рукъ. Только въ главной семинаріи пришлось мнѣ встрѣтить мирное соприкосновеніе бѣлаго греко-унитскаго духовенства съ римскимъ. Начальство было подобрано противуіезуитское, лишенное всякаго фанатизма, а при отсутствіи партій непринужденно составлялись дружески-смѣшанные кружки унитовъ съ католиками. Эти послѣдніе не отличались никакими привилегіями; въ комнатахъ размѣщались (по трое въ комнатѣ) въ перемежку, какъ тѣ, такъ и другіе; науки были для всѣхъ одинаковыя; разница была только въ урокахъ обрядности и церковнаго пѣнія. Любители пѣнія, полоцкіе унитскіе клирики завели въ главной семинаріи партесное церковное пѣніе (въ Полоцкѣ завелъ это пѣніе митрополитъ Лисовскій). Оно понравилось Римлянамъ, и они участвовали въ нашемъ хорѣ.

Религіозныя науки въ Виленскомъ университетѣ преподавались по руководствамъ австрійскимъ, временъ императора Іосифа, когда австрійцы не были еще ультрамонтанами. Блипфель, напримѣръ, въ догматическомъ богословіи, хотя и основываетъ папскую власть на словахъ Спасителя, сказанныхъ Петру о ключахъ, о камнѣ, о спасеніи стада, однакожъ, въ выноскѣ, хотя мелкимъ шрифтомъ, указываетъ изреченія святыхъ отцовъ первоначальной церкви, которые всѣ

понимали эти слова такъ, какъ понимаетъ ихъ греческая церковь, Къ тому же Клипфель не приводитъ никакихъ подложныхъ доказательствъ, которыми изобилуетъ ученіе ультрамонтановъ.

Профессоръ каноническаго права, италіанецъ не изъ духовныхъ, объяснилъ намъ, что какой-то Исидоръ, льстецъ папы, не находя въ преданіяхъ первоначальной церкви никакихъ данныхъ, на которыхъ можно бы было основать громадную средневѣковую власть папскую, составилъ множество грамотъ, писанныхъ будто бы въ первые вѣка христіанства, и разъясняющихъ, что подобною же властію пользовались папы и въ тѣ времена. Грамоты эти, извѣстныя въ среднихъ вѣкахъ подъ названіемъ *decretalia* и признававшіяся, по отсутствію здоровой критики, за подлинныя, вошли въ составъ собранія церковныхъ законовъ (*Corpus Juris Canonici*) и сдѣлались основаніемъ ученія о власти папской, а также и дальнѣйшихъ узаконеній, развивающихъ эту власть. Впослѣдствіи критика разоблачила всю подложность этихъ грамотъ, какъ по ихъ языку, такъ и по упоминанію въ нихъ учреждений, не существовавшихъ въ первые вѣка христіанства. Теперь вопросъ о подлогѣ этихъ грамотъ и у римско-католиковъ ни подлежитъ спору; но несмотря на то, плоды этого подлога остаются въ полной своей силѣ. Впрочемъ, это явленіе не представляетъ никакой исключительности: не легко ломаются основы, на которыхъ утвердилась сила преданія.

Такимъ образомъ, несмотря на весь либерализмъ семинарскихъ лекцій, намъ все-таки крѣпко вперяли мысль, что власть надъ единою католическою церковью должна сосредоточиваться въ рукахъ одного лица, подчиняющагося, впрочемъ, контролю и узаконеніямъ вселенскихъ соборовъ. Но этими предѣлами и ограничивался весь заповѣдный фундаментъ папизма.

Профессоръ Капелли, упоминая о формѣ, употребленной въ началѣ постановленій Тридентскаго собора: *по внушенію Святаго Духа (dictante Spiritu Sancto)*, замѣтилъ, что то было по внушенію не Духа Святаго, а папскаго золота, какъ самаго вліятельнаго аргумента, который при богатствѣ папъ заключалъ въ себѣ непреодолимый авторитетъ. Ученіе это, еще новое въ здѣшнемъ краѣ, свободно развивалось въ главной семинаріи, какъ подчиненной университету, а не іерархическимъ властямъ, которыя могли имѣть на дѣло только косвенное вліяніе. Но тогдашніе виленскіе епископы, римско-католическій и греко-унитскій, не имѣли ни охоты, ни силы вникать въ общественныя дѣла.

Либеральный умъ князя Адама Чарторыйскаго видимо желалъ освободить здѣшнее римско-католическое духовенство отъ ультрамонтанскаго обскурантизма, почему и были подобраны имъ соотвѣтственные этому направленію профессоры ¹⁾.

Отъ пыла польскаго патриотизма охранило насъ отчасти сознаніе всей непріязненности отношеній къ намъ пановъ и ксендзовъ, а отчасти затворническая наша жизнь въ главной семинаріи. Мы видѣлись съ свѣтскими учениками, между которыми преимущественно была воспламеняема любовь къ идеальному польскому отечеству, только въ аудиторіяхъ, на лекціяхъ свѣтскихъ наукъ; на лекціяхъ же богословскаго факультета свѣтскіе не присутствовали. Впрочемъ, всѣ патриотическія выходки свѣтскихъ студентовъ до такой степени не гармони-

¹⁾ Мнѣ говорили, что теперь въ С.-Петербургской Католической духовной академіи учатъ богословію по руководству іезуита Перонне, закоренѣлаго ультрамонтана и искуснаго софиста.

ровали съ общимъ складомъ нашихъ чувствованій и понятій, что онъ не могли оказать на насъ ни малѣйшаго вреднаго вліянія, тѣмъ болѣе что глупость подобныхъ выходовъ говорила сама за себя. Помню, какъ однажды свѣтскіе студенты, замѣтивъ въ рукахъ моихъ какой-то русскій журналецъ, подняли противъ меня шумъ и закричали: «Не нужно намъ такихъ духовныхъ, которые занимаются чтеніемъ русскихъ книгъ». Замѣчательно, что тѣ изъ унитскихъ учениковъ главной семинаріи, которые воспитывались въ гимназіяхъ, болѣе тянули на сторону поляковъ, чѣмъ тѣ, которые воспитывались подъ вліяніемъ іезуитовъ (іезуиты оставались только въ Витебской и Могилевской губерніяхъ). Жизнь однакожъ и у тѣхъ выработала отпоръ противъ польскихъ соблазновъ.

Одинъ только изъ унитскихъ воспитанниковъ главной семинаріи, Сѣроцинскій, изъ Волыни, вліяніемъ гимназическаго воспитанія и связями съ помѣщиками, у которыхъ служилъ гувернеромъ, былъ совершенно ополяченъ. Онъ поступилъ въ главную семинарію въ зрѣломъ возрастѣ, съ утвердившимся убѣжденіями, которыя не могли измѣниться вліяніемъ на него товарищей. Впрочемъ, онъ не былъ столько силенъ духомъ, чтобы быть пропагандистомъ. Мнѣ довелось жить съ нимъ въ Полоцкѣ, когда я былъ учителемъ семинаріи; никто тамъ не любилъ его, кромѣ епископа Мартусевича, преданнаго іезуитамъ и управлявшаго тогда Полоцкою епархіею послѣ Красовскаго. Сѣроцинскій, живя послѣ на Волыни, былъ въ 1831 году замѣшанъ въ государственной измѣнѣ, разстриженъ и преданъ военному суду.

Поступивъ въ главную семинарію, я засталъ тамъ теперешняго вилenskaго митрополита, Іосифа Сѣмашко, двумя годами раньше меня поступившаго въ это заведеніе, такъ что мнѣ довелось два года учиться вмѣстѣ съ нимъ¹⁾. Хотя онъ присланъ изъ одной епархіи съ Сѣроцинскимъ (Луцкой), но складъ его мыслей и чувствованій былъ крѣпко основанъ на почвѣ народной, малорусской, не совращенной польскимъ гимназическимъ воспитаніемъ. Онъ — родомъ изъ Кіевской губерніи; я много отъ него слышалъ малороссійскихъ пѣсень и поговорокъ, въ которыхъ ясно высказывалась нелюбовь къ ляхамъ и даже къ уни. Сѣмашко, еще будучи въ главной семинаріи, многостороннею начитанностію развилъ въ себѣ критическій взглядъ, такъ что впоследствии онъ, какъ искусный анатомъ, умѣлъ рѣзко отдѣлять дѣйствительные факты отъ облакавшей ихъ фантазіи, подъ которою обыкновенно скрывалось преднамѣренное искаженіе истины. Сѣмашко и тогда уже былъ вполне самостоятеленъ въ своихъ убѣжденіяхъ, направленныхъ къ единенію съ русскимъ народомъ, какъ это можно было замѣтить изъ того, что онъ предпочелъ русскую литературу всѣмъ другимъ предметамъ, предоставившимся на выборъ учениковъ съ цѣлію спеціальнаго изученія.

По окончаніи наукъ въ главной семинаріи, возвратившись въ Полоцкъ, я уже не засталъ іезуитовъ; ихъ выгнали изъ Россіи — и слава Богу! Но не засталъ и Красовскаго, который, много пострадавъ въ отечественную войну 1812 года, впалъ въ раздражительное, болѣзненное состояніе²⁾, и по проискамъ базилианъ, былъ

¹⁾ Іосифъ Сѣмашко былъ въ главной семинаріи или академіи въ 1816—20 гг., Антоній Зубко 1818—22 гг. Примѣч. М. К.

²⁾ Онъ былъ приверженъ русскому правительству, а потому французскія войска съ большимъ усердіемъ разграбили его домъ и имѣніе. Самъ Красовскій принужденъ былъ скрываться и пѣшкомъ бѣжать въ отдаленное безопасное мѣсто.

устраненъ отъ управленія епархією ¹⁾ а на его мѣсто назначенъ преданнѣйшій іезуитамъ лудцкій епископъ, Іаковъ Мартусевичъ, человекъ мягкій, вкрадчивый, набожный, и притомъ открытый врагъ православія; къ счастью, впрочемъ, занятый чтеніемъ средневѣковыхъ религіозныхъ фоліантовъ, онъ мало занимался епархіальными дѣлами, предоставивъ ихъ консисторіи. Прибывъ въ Полоцкъ, Мартусевичъ хотѣлъ совершать архіерейское богослуженіе не по московскому служебнику, а по обычаямъ унитскимъ. Но офиціалъ Слонимскій объявилъ ему, что, въ такомъ случаѣ, духовенство откажется служить съ нимъ. Мартусевичъ, хотя и уступилъ, но въ очень рѣдкихъ случаяхъ совершалъ публичное богослуженіе по московскому служебнику, а почти ежедневно служилъ одинъ въ домашней церкви, гдѣ лишь читалась обѣдня по унитскому обряду. Однажды, въ разговорѣ со мной, онъ съ явнымъ отвращеніемъ отзывался о священникахъ, употребляющихъ при богослуженіи копье, какъ онъ выразился, «на подобіе мясниковъ», но я напомнилъ ему о Василии Великомъ и Іоаннѣ Златоустомъ, исключаящихъ всякую мысль объ этомъ подобіи. Введенные Лисовскимъ правильные греческіе обряды соблюдались только бѣлымъ духовенствомъ; монахи же, не зависѣвшіе отъ епархіальной власти, придерживались унитскихъ обрядовъ. По закрытіи въ Полоцкѣ іезуитской академіи, учителями высшихъ наукъ въ Полоцкой семинаріи назначались воспитанники главной семинаріи; въ числѣ ихъ назначенъ былъ и я преподавать логику и нравственное богословіе.

Всѣ обстоятельства моей жизни въ епархіальной семинаріи и во время ученія въ іезуитской академіи и въ главной семинаріи такъ настроили мои понятія и чувства, что я видѣлъ ясно несправедливость гнета польскаго ультрамонтанства надъ унитами. Я возмущался при мысли о низкомъ состояніи, въ которомъ находились униты, и во мнѣ возбуждалось рвеніе содѣйствовать, по мѣрѣ моихъ силъ, къ возвышенію ихъ путемъ просвѣщенія. Когда братъ мой желалъ вытянуть меня, какъ онъ говорилъ, изъ грязи унитской и указывалъ мнѣ поприще въ свѣтскомъ званіи, я отвѣчалъ, что не нужно оставлять свое гнѣздо потому только, что оно гадко, а нужно, напротивъ, стараться очищать его. Чтобы быть болѣе полезнымъ, я просилъ о рукоположеніи меня въ бѣлые священники безженнымъ ²⁾. Монашество унитское я считалъ враждебнымъ общему дѣлу унитовъ. Между нами и базилианами была такая антипатія, что базилиане для своихъ молодыхъ монаховъ, жившихъ въ одномъ корпусѣ съ семинаристами, назначали особаго учителя изъ монаховъ, хотя низшаго по образованію, нежели учителя семинаріи.

По рукоположеніи меня въ священники Полоцкаго кафедральнаго собора, я былъ назначенъ членомъ полоцкой консисторіи, и вскорѣ затѣмъ, въ званіи протоіерея, посланъ былъ епархіальнымъ начальствомъ въ С.-Петербургъ, для засѣданія въ греко-унитскомъ департаментѣ римско-католической коллегіи ³⁾,

¹⁾ Іоаннъ Красовскій рукоположенъ въ санъ Полоцкаго архіепископа въ 1811 г.; подведенъ базилианами подъ судъ въ 1820 г. затѣмъ въ 1822 г. устраненъ отъ кафедры въ 1823 г.; оправданъ въ 1826 г. съ переводомъ на Лудцкую кафедру, гдѣ въ 1827 г. скончался. Сущность суднаго дѣла изложена въ запискахъ Іосифа т. I, стр. 287—302; подробно рассказано оно и въ запискахъ архіепископа Василія Лужинскаго, — Правосл. Собесѣдн. за 1884 г. мѣс. іюль, стр. 259—270. Прим. М. К.

²⁾ Въ 1824 г. Прим. М. К.

³⁾ Въ 1825 г. и былъ членомъ коллегіи до конца 1827 г. Прим. М. К.

Коллегія была высшею инстанціей управленія и суда духовнаго. Посредствомъ коллегіи были исполняемы и всѣ распоряженія правительства по дѣламъ церковнымъ. По возобновленіи греко-унитской іерархіи, императоръ Александръ I учредилъ для унитовъ 2-й департаментъ коллегіи. Предсѣдателемъ этого департамента при мнѣ былъ греко-унитскій митрополитъ, добрый старикъ Булгакъ. Онъ не былъ польскимъ патриотомъ, потому что въ его понятіяхъ сознаніе дѣйствительной пользы края не могло совпадать съ тѣми фантазіями, которыя впоследствии развились между учениками Виленскаго университета; онъ не былъ и фанатикомъ религіознымъ, можетъ-быть потому, что воспитывался въ Римѣ, а не у польскихъ іезуитовъ. Членомъ коллегіи былъ нѣкоторое время архимандритъ изъ Волыни, а ассесорами отъ каждой епархіи по одному священнику изъ бѣлаго духовенства. Въ прежнее время, по безгласности малообразованныхъ ассесоровъ и по незнанію ими русскаго языка и порядка дѣлопроизводства, заправлялъ дѣлами коллегіи прокуроръ обоихъ департаментовъ, полякъ Кшижановскій, очень долго служившій въ этой должности и пользовавшійся щедрыми даваніями богатаго римско-католическаго духовенства и богатыхъ базилианскихъ монастырей.

Прибывъ въ С.-Петербургъ, я нашелъ Іосифа Сѣмашка (нынѣшняго митрополита виленскаго) уже три года служившимъ въ званіи ассессора коллегіи и успѣвшимъ освободить 2-й департаментъ коллегіи отъ самоуправства прокурора.

Сѣмашко хорошо зналъ русскій языкъ; онъ ознакомился съ дѣлами, будучи членомъ Луцкой унитской консисторіи, и самъ собственноручно писалъ резолюціи въ настольномъ регистрѣ, чего прежніе члены не дѣлали. Ассесоры бѣлаго духовенства сердечно примкнули къ Сѣмашку, который притомъ снискалъ уваженіе и довѣріе митрополита Булгака. Я помню, какъ иногда прокуроръ, пробуя дать желанное направленіе дѣламъ, доказывалъ по своему и злился; но Сѣмашко стоялъ крѣпко на своемъ, и на всѣ возраженія прокурора отвѣчалъ: «если вамъ не нравится рѣшеніе, пишите протестъ». Но резолюціи Сѣмашка, всегда основанныя на фактахъ и на законѣ, были притомъ такъ ясны, что прокуроръ не могъ къ нимъ придратъся, и всегда пропускалъ рѣшенія нашей коллегіи безъ протеста.

Впрочемъ, всѣ дѣйствія Сѣмашка, добавлю и мои, были безкорыстны; мы не прискивали никакихъ постороннихъ доходовъ и умѣли жить на самое скудное жалованье (прежде 750, а послѣ 1,500 руб. ассигнаціями); мы не заводили знакомствъ лишнихъ, не приглашали гостей; у насъ былъ на двоихъ одинъ слуга, онъ же и поварь; мы имѣли общій столъ; я велъ счеты расхода на столъ, и въ концѣ каждаго мѣсяца Сѣмашко уплачивалъ мнѣ половину издержекъ; въ итогъ намъ стоило прокомленіе по 200 руб. ассигнаціями въ годъ. Одежда у насъ была очень не дорогая, и потому у насъ много оставалось денегъ на роскошь, состоящую въ покупкѣ книгъ и въ пользованіи ими изъ бібліотеки, а также въ посѣщеніи театровъ. У насъ много оставалось времени отъ службы, и мы много читали; Сѣмашко читалъ скорѣе и болѣе меня. Я былъ часто отвлекаемъ для исполненія духовныхъ требъ бѣднымъ унитамъ, крѣпостнымъ лакеямъ, кучерамъ и вообще людямъ прибывавшимъ въ столицу на заработки, страдавшимъ въ больницахъ, или въ сырыхъ подвалахъ. Не всегда мнѣ удавалось получить вознагра-

жденіе, достаточное на наемъ извозчика, при частыхъ разъѣздахъ въ отдаленныя мѣста, а иногда приходилось самому дѣлать подаваніе.

Возложенная на меня обязанность исполнять духовныя требы въ той сторонѣ доставила мнѣ случай двухнедельнаго пріятнаго и поучительнаго для меня пребыванія близъ Нарвы, въ семействѣ одного бельгійца, пригласившаго меня для исповѣдыванія работниковъ изъ бѣлоруссовъ, находившихся на его суконной фабрикѣ. Впервые встрѣтилъ я свѣтскаго католика, который былъ вмѣстѣ и антипапистъ, и истинно-религіозный человекъ. Онъ въ праздники молился вмѣстѣ съ своимъ семействомъ и читалъ соотвѣтственныя праздникамъ проповѣди какого-то католическаго антипапистскаго проповѣдника. Меня пріятно поражало ангельское прямодушіе, веселость и самодовольство, выражавшіяся на лицахъ всего семейства. Я удивлялся ясности спокойнаго ихъ взгляда на все, о чемъ, доводилось мнѣ съ ними говорить; даже дѣти серьезно и ясно различали то, что было имъ понятно, отъ того, чего не понимали. Въ мысли моей промелькнуло сравненіе различныхъ настроеній семейныхъ, въ ихъ различныхъ степеняхъ совершенства и счастья, и я видѣлъ, что семейство бельгійца далеко превышало все прежде мною видѣнное. Я живо помню сильное впечатлѣніе, которое произвелъ на меня этотъ прекрасный бытъ, и рядъ мыслей, который оно возбудило во мнѣ и отъ котораго я не легко оторвался.

Отъ этихъ размышленій отвлекла меня практическая жизнь, сильно схватившая меня за душу. Давнія мои сомнѣнія, возбужденныя взглядомъ на изображенія Св. Троицы на православномъ храмѣ, окончательно разрѣшились въ пользу православной церкви, когда я ознакомился съ ея показаніями. Изъ ученій, развившихся на основаніяхъ общихъ обѣимъ церквамъ, оказалось правымъ ученіе православное. Римская церковь, не находя логической связи между этими основаніями и своимъ ученіемъ, выродившимся незамѣтно при случайныхъ обстоятельствахъ на Западѣ, во время погасшаго тамъ римско-греческаго просвѣщенія, прибѣгла для поддержанія своего ученія къ поддѣлкѣ древнихъ актовъ, къ составленію документовъ, выдаваемыхъ за древніе, какъ я уже упомянулъ, говоря о фальшивыхъ декретахъ. Мнѣ случилось читать подложные каноны перваго вселенскаго собора, Никейскаго, въ которыхъ, напримѣръ, вмѣсто канона о непоставленіи въ священники новокрещенныхъ, написано, что римскіе епископы имѣютъ данную имъ, какъ намѣстникамъ Св. Петра, власть надъ всею церковію. И въ другихъ канонахъ сводится ученіе на власть папъ, хотя въ подлинныхъ канонахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на эту власть. Теперь и римско-католики не защищаютъ этого подлога, но стараются не упоминать о немъ. Сравнивая схоластическій способъ ученія іезуитовъ, принятый школами ультрамонтанскими, съ болѣе рациональнымъ, найденнымъ мною въ Вильнѣ, я видѣлъ, что схоластическая философія, которой крѣпко держатся ультрамонтаны, способна, посредствомъ перетасовки отвлеченныхъ понятій, скорѣе приходитъ ко лжи, чѣмъ отыскивать истину. Я видѣлъ, что римская церковь носить въ нѣдрахъ своихъ нужный ей обскурантизмъ, препятствующій всякому прогрессу, видѣлъ упорное стремленіе ко всемірному распространенію своей власти, охраняемой обскурантизмомъ, не пренебрегая никакими къ тому средствами, — видѣлъ, что она вмѣсто христіанской любви разноситъ фанатическую ненависть, — видѣлъ, что она, враждебно вторгаясь въ нѣдра христіанскаго славянства, вооружила въ немъ однихъ про-

тивъ другихъ, ослабила ихъ, и какъ червь подтачиваетъ ихъ силу. Видя все это, я убѣждался, что ставить преграды папизму, значить дѣйствовать въ интересъ всемірнаго блага.

Сѣмашко зналъ все это прежде меня. Въ послѣднихъ годахъ царствованія Александра I, когда прекратилась дѣятельность архіепископа Красовскаго, былъ большой застой въ греко-унитской церкви; не было ни малѣйшей инициативы къ движенію ни со стороны нашей іерархіи, ни со стороны правительства. Убѣжденія наши въ правотѣ православія держались у насъ въ области умозрительной, а не практической. Однакожь Сѣмашко послѣ сознавался мнѣ, что еслибы не были удалены препятствія (со стороны правительства), относительно вліянія въ духъ православія на всю греко-унитскую церковь, то онъ перешелъ бы въ православное монашество.

III.

Императоръ Николай I, тотчасъ же по восшествіи на престолъ, обнаружилъ энергическое желаніе дѣйствовать въ духъ русскомъ, и мы ободрились. Сѣмашко вошелъ по дѣламъ уніи въ сношенія съ директоромъ духовныхъ дѣлъ, Карташевскимъ (бывшимъ послѣ попечителемъ Бѣлорусскаго учебнаго округа)¹⁾, черезъ посредство котораго онъ представилъ²⁾ свою записку по этому дѣлу министру Шишкову, а симъ послѣднимъ записка эта была представлена Государю Императору, и дѣло закипѣло. Сущность этого проекта заключалась въ примѣненіи къ уніи нѣкоторыхъ реформъ, за коими представлялась современемъ возможность воссоединенія ея съ православіемъ. Для веденія этого дѣла былъ назначенъ статсъ-секретарь Блудовъ, съ званіемъ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій, и это управленіе было отдѣлено отъ министерства просвѣщенія. Такимъ образомъ весь ходъ этого дѣла основанъ былъ на проектѣ Сѣмашки и на представленіяхъ коллегіи, душою которой былъ онъ.

Принятія по этому случаю мѣры заключались въ слѣдующемъ:

Прежде всего послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переименованіи 2-го департамента римско-католической коллегіи въ греко-унитскую коллегію³⁾, а другимъ повелѣніемъ, особенно важнымъ, состоявшимся по представленію коллегіи, послѣдовало⁴⁾ подчиненіе монаховъ епархіальному вѣдомству, упраздненіе излишнихъ базилианскихъ монастырей и заведеніе на счетъ монастырскихъ фундушей семинаріи для Брестской епархіи⁵⁾, а также и общеобразовательныхъ уѣздныхъ духовныхъ училищъ съ цѣлію подготовленія учениковъ къ семинаріямъ. Вслѣдъ

¹⁾ Карташевскій поступилъ на должность бѣлорусскаго попечителя въ 1829 г. Зап. Юсіфа т. I, стр. 68. Прим. М. К.

²⁾ Записка Юсіфа составлена 5 ноября 1827 г. Напечатана въ запискахъ Юсіфа въ текстѣ т. I, стр. 39—44 и въ приложеніи къ первой части записокъ, подъ № 4, т. I, стр. 387—398; напечатана она недавно въ приложеніи къ изданію Св. Синода: Пятидесятилѣтіе воссоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью. Прим. М. К.

³⁾ По указу 1828 г. Зап. Юсіфа т. I, стр. 59 и стр. 491. Прим. М. К.

⁴⁾ Преобразование базилианскихъ монастырей начато въ 1832 г. Зап. Юсіфа т. I, стр. 76.

⁵⁾ Для Бѣлорусской епархіи, какъ я сказалъ прежде, была учреждена семинарія при Александрѣ I.

за тѣмъ для увеличенія эдукаціоннаго фондуша были упразднены двѣ унитскія малыя епархіи: Луцкая и Виленская, такъ что изъ четырехъ епархій унитскихъ составились двѣ: Литовская, которой епархіальное управленіе помѣщалось въ мѣстечкѣ Жировицахъ, Гродненской губерніи, Слонимскаго уѣзда (прежнее управленіе Брестской епархіи), и Бѣлорусская, которой управленіе епархіальное по-прежнему было въ Полоцкѣ.

Въ 1827 году я былъ командированъ изъ коллегіи для основанія литовской семинаріи въ Жировицахъ, въ званіи ректора семинаріи. Огромное каменное монастырское строеніе послужило удобнымъ помѣщеніемъ для семинаристовъ.

При семинаріи рѣшено было устроить и одно изъ предположенныхъ низшихъ (уѣздныхъ) духовныхъ училищъ. Архіереями были: Литовской епархіи митрополитъ Булгакъ, а Бѣлорусской епархіи Іаковъ Мартусевичъ (Красовскій уже не былъ въ живыхъ). Митрополитъ Булгакъ, какъ предсѣдатель греко-унитской коллегіи, постоянно жилъ въ Петербургѣ, а Литовскою епархіей управлялъ, по порученію Булгака, въ званіи офиціала, Антоній Тупальскій, товарищъ по воспитанію покойнаго полоцкаго архіепископа Красовскаго. Тупальскій, какъ принадлежавшій къ бѣлому духовенству, усердно дѣйствовалъ въ духѣ начавшагося въ греко-унитской церкви движенія.

Прибывъ въ Жировицы, я нашелъ тамъ приглашенныхъ имъ для семинаріи и уѣзднаго училища наставниковъ, священническихъ сыновей, болѣею частію получившихъ университетское образованіе въ главной семинаріи; они послѣ были усердными дѣятелями въ воссоединеніи униі съ православіемъ. Всѣ они составляли какъ бы одно семейство. Тупальскій умѣлъ примѣниться къ обстоятельствамъ и къ молодымъ наставникамъ. Здѣсь прожилъ я двѣнадцать лѣтъ, сначала въ званіи ректора семинаріи, а послѣ—викарнаго епископа Литовской епархіи. Къ нашей семьѣ принадлежали:

Докторъ богословія Михаилъ Голубовичъ, профессоръ семинаріи и членъ консисторіи, отличавшійся, при силѣ ума, высшимъ взглядомъ на жизнь, любовью къ искусству и приверженностью къ порядку. Онъ женился на дочери офиціала Тупальскаго, скоро умершей отъ первыхъ родовъ. Овдовѣвшій Голубовичъ былъ произведенъ въ архимандриты Бытенскаго монастыря, а послѣ перемѣщенія меня въ Минскъ, рукоположенъ въ викарнаго епископа Литовской епархіи. Въ настоящее время онъ минскій архіепископъ, и назначенъ на это мѣсто также послѣ меня. ¹⁾

Магистръ Ипполитъ Гомолицкій, профессоръ и инспекторъ, а въ послѣдствіи ректоръ семинаріи—человѣкъ умный и пріятный, съ нѣжною любовію заботившійся о благѣ семинаріи и отличавшійся русскимъ патриотизмомъ и даромъ слова. Онъ былъ женатъ на сестрѣ профессора Плакида Янковскаго, и умеръ не дождавшись старости, вскорѣ послѣ смерти жены своей въ Вильнѣ, въ званіи протоіерея виленскаго кафедральнаго собора.

Протоіерей Плакидъ Янковскій, докторъ богословія и профессоръ семинаріи, впоследствии членъ консисторіи, остроумный и пріятнѣйшій собесѣдникъ, отличавшійся начитанностію и знаніемъ многихъ языковъ, именно: русскаго, поль-

¹⁾ Архіепископъ Михаилъ (Голубовичъ) вышелъ на покой въ 1867 г. и жилъ въ Жировицахъ, гдѣ и скончался. Примѣч. М. К.

скаго, латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго и отчасти греческаго и еврейскаго. Онъ теперь на покой, пишетъ разныя статьи въ *Литовскія Епархіальныя Вѣдомости*, а прежде, подъ псевдонимомъ *of-Dicalp*, писалъ по-польски юмористическіе рассказы. Янковскій былъ женатъ на другой дочери официала Тупальскаго ¹⁾.

Вронскій, оставшійся въ свѣтскомъ званіи, профессоръ физики и математики, отличавшійся откровенностію, честностію, умомъ и разсудительностію. Онъ былъ женатъ на третьей дочери официала Тупальскаго; теперь онъ директоромъ Пинской гимназіи ²⁾.

Фома Малишевскій (магистръ)—добродушный, дружелюбный, гостепріимный, готовый на пожертвованія для общаго блага, усердный русскій патриотъ; онъ былъ моимъ ученикомъ въ Полоцкой семинаріи. Изъ профессоровъ Литовской семинаріи произведенъ въ архимандриты Полоцкаго Богоявленскаго монастыря и назначенъ ректоромъ семинаріи, за симъ былъ ковенскимъ епископомъ, викаріемъ Литовской епархіи, а теперь епархіальнымъ уфимскимъ епископомъ ³⁾.

Игнатій Желязовскій (магистръ) отличался религіознымъ чувствомъ, смиреніемъ и усердіемъ къ церкви; теперь онъ брестскимъ епископомъ и викарнымъ Литовской епархіи ⁴⁾.

Для усиленія въ семинаріи русскаго языка, по ходатайству правленія Литовской семинаріи, прислали намъ на профессорскія должности двухъ молодыхъ людей (магистровъ), учившихся въ С.-Петербургской духовной академіи. Несмотря на противоположность своихъ характеровъ, они оба сроднились душевно съ нашею семьей. Одинъ изъ нихъ, Доброхотовъ, женившійся въ Жировицахъ на четвертой дочери Тупальскаго, имѣлъ быструю понятливость, воспріимчивость. Послѣ смерти молодой жены, онъ, въ званіи архимандрита, служилъ инспекторомъ семинаріи въ Вильнѣ, а послѣ служилъ, въ званіи ректора, въ Полоцкѣ, Ригѣ, Могилевѣ, Екатеринославѣ ⁵⁾. Другой, Кандидовъ, женившійся на родственницѣ Тупальскаго, имѣлъ свѣтлый умъ, спокойный взглядъ на вещи, обращавшія на себя его вниманіе, и невозмутимое добродушіе. Теперь онъ директоромъ народныхъ школъ Минской губерніи ⁶⁾.

Изъ числа наставниковъ семинаріи и членовъ консисторіи были и другіе просвѣщенные люди, имѣвшіе ученые степени, не столь долгое время съ нами жившіе, но тѣмъ не менѣ входившіе въ кружокъ нашей жировицкой семьи, а именно: Оленичъ, Еліашевичъ, Паньковскій, Грудзинскій, Горбацевичъ, Горбачевскій, Малевичъ, Гомолицкій, а изъ не-поповичей, но преданныхъ намъ, Яржинскій, Островскій, Хрусцицкій и другіе, о которыхъ я уже позабылъ.

Всѣ мы, довольные своимъ обществомъ въ Жировицахъ, не искали развлеченій на сторонѣ; къ тому же, окрестные помѣщики свысока смотрѣли на поповичей. Мы не стѣснялись строгимъ соблюденіемъ условныхъ приличій, не только свѣтскихъ, но и введенныхъ въ православномъ духовенствѣ. Каждый изъ

¹⁾ Умеръ въ Жировицахъ. Прим. М. К.

²⁾ Умеръ въ отставку. Прим. М. К.

³⁾ Былъ еще нижегородскимъ епископомъ, гдѣ и умеръ въ 1873 г. Тоже.

⁴⁾ Умеръ въ Гроднѣ. Тоже.

⁵⁾ Нынѣ епископъ Олонекскій. Прим. М. К.

⁶⁾ Умеръ въ Минскѣ. Прим. М. К.

насъ одѣвался какъ хотѣлъ, и внѣ службы проводилъ время по своему усмотрѣнiю. Любители охоты иногда охотились, а какъ у насъ былъ свой оркестръ музыки, составленный изъ жировицкихъ мѣщанъ и до того времени употреблявшiйся жировицкими базилианами при церковномъ богослуженiи (музыка осталась за штатомъ по устройенiи пѣвчихъ изъ семинаристовъ), то по вечерамъ бывали у насъ и танцы; не умѣвшiе танцовать ходили, по крайней мѣрѣ, въ полонезъ, не исключая меня и старика Тунальского. Иногда мы проводили время въ прiятной бесѣдѣ, переходя отъ ученыхъ предметовъ къ веселой шуткѣ.

Въ нашей семьѣ не были введены наружные условные знаки чинопочитанiя, вызываемаго иногда тѣми грубыми намеками, смыслъ которыхъ приводится къ формулѣ: знай, что я начальникъ; однакожь, у подчиненныхъ проявлялось внутреннее, сознательное уваженiе къ начальству, болѣе дѣйствительное, нежели то, которое обнаруживается въ другихъ случаяхъ лишь соблюденiемъ однѣхъ внѣшнихъ формъ. При такой свободѣ отношенiй не было и мысли объ употребленiи ея во зло, напротивъ того, замѣтна была въ высшей степени честность и добросовѣстное исполненiе обязанностей. Можетъ быть, дѣло приняло бы совсѣмъ другое направленiе, если бы наставники и члены консисторiи, не находя удовольствiй и приличныхъ развлеченiй дома, искали ихъ у окружавшихъ Жировицы ксендзовъ и пановъ. Впрочемъ, мы, будучи выше ихъ образованiемъ и имѣя на своей сторонѣ правду, съ успѣхомъ отражали случайныя нападенiя на насъ противниковъ. Можно сказать, что Жировицы были оазисомъ въ такъ-называемыхъ литовскихъ губернiяхъ. У насъ выработывался и созрѣвалъ независимый нашъ взглядъ на жизнь, на Русь и Польшу, на православiе, римскiй католицизмъ и на нашу унию. Замѣчу здѣсь, что у насъ, въ Жировицахъ, былъ такъ силенъ поповско-народный патриотизмъ и усердiе просвѣтитъ опошленное польскимъ иезуитизмомъ бѣлое греко-униатское духовенство, что всѣ наставники, пока не увеличился источникъ семинарскихъ доходовъ, безъ ропота довольствовались пятидесятирублевымъ жалованьемъ, хотя, при своемъ образованiи, предавшись польскимъ тенденцiямъ, могли бы получить гораздо болѣе доходныя мѣста.

До 1831 года, то-есть до мятежа польскаго, у насъ не было серьезной рѣчи о воссоединенiи съ православiемъ¹⁾; но въ это время сами революцiонеры дали намъ случай возбудить этотъ вопросъ.

Во время польскаго мятежа 1830 года патриоты распространяли по всей Литвѣ довольно толстую книгу въ защиту римской церкви противъ православной²⁾. Книгу эту раздавали бесплатно греко-униатскимъ священникамъ въ намѣренiи притянуть ихъ къ польскому дѣлу. Эта книга была бесплатно доставлена и мнѣ: она была наполнена цитатами изъ ученiя св. отцовъ и вселенскихъ соборовъ, осязательно доказывавшими правоту римской церкви. Читая

¹⁾ Авторъ это говоритъ о жировицкомъ обществѣ, а не о Юсифѣ, который въ это самое время много работалъ, чтобы удержать униатское дѣло на пути къ православию, и даже писалъ ученые трактаты къ обличенiю унии и въ защиту православiя, какъ видно изъ 1 тома его Записокъ. Примѣч. М. К.

²⁾ Въ своемъ письмѣ къ знакомому римско-католическому священнику, напечатанномъ въ Вѣстникѣ Западной Россiи (1865 г. кн. IV), авторъ говоритъ (стр. 2) о томъ же фактѣ, но говоритъ не объ одной книжкѣ, а неопредѣленно о „книжкахъ противъ восточныхъ схизматиковъ“. Прим. М. К.

эту книгу, мы удивлялись, почему богословъ Клипфель, по которому насъ учили въ главной семинаріи, не приводитъ такихъ ясныхъ доказательствъ, довольствуясь для поддержанія римскаго ученія умозрѣніемъ и текстами Св. Писанія, по болѣе части метафорическими, могущими быть различно истолкованными; притомъ же Клипфель указываетъ на множество свидѣтельствъ св. отцевъ, понимавшихъ эти мѣста Св. Писанія не такъ, какъ понимаетъ римская церковь. Всѣ мы, участвовавшіе въ чтеніи революціонной книги, рѣшили повѣрить ея цитаты. Къ этому рѣшенію привела насъ одна ясная цитата изъ символа Св. Аѳанасія, въ которой онъ, говоря о происхожденіи Святаго Духа, прибавляетъ къ словамъ: «отъ Отца», слова: «и Сына». Отставившій римское ученіе бібліотекаръ Оленичъ (давно уже умершій) немедленно отыскалъ въ бібліотекѣ¹⁾ книгу Св. Аѳанасія, и возвратясь къ намъ съ торжествующимъ лицомъ, указалъ пальцемъ на роковое *filioque*. Мы удивлялись, почему Клипфель не сослался на такое ясное доказательство, довольствуясь выводомъ этого догмата лишь изъ словъ Христовыхъ о ниспосланіи апостоламъ Святаго Духа, ясно различномъ отъ предвѣчнаго происхожденія. Мы заглянули въ греческій оригиналъ, напечатанный при латинскомъ переводѣ,—и что же? тамъ не оказалось словъ «и отъ Сына». У Оленича вытянулось лицо, онъ дѣлалъ гримасы и пожималъ плечами, неоднократно повторяя чтеніе греческаго оригинала, какъ бы не довѣря глазамъ своимъ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что переводчикъ въ предисловіи сознается, что найдя нѣкоторыя слова св. отцевъ несогласными съ ученіемъ церкви (разумѣется римской), онъ сдѣлалъ поправки. Еще хорошо, что хоть не тронулъ подлинника. Не было ли бы это тоже самое, еслибъ адвокатъ объявилъ судьямъ, что онъ въ видахъ выгодъ своего кліента исправилъ его документы, гдѣ нашелъ нужнымъ. Притомъ оказалось, что всѣ цитаты Клипфеля вѣрны и что онѣ извлечены не изъ подложныхъ документовъ; тогда какъ многія мѣста св. отцевъ, указанные революціонною книгой, безъ выписки словъ, имѣли совершенно иной смыслъ, нежели какой влагалъ въ нихъ авторъ книги. Итакъ, вмѣсто возбужденія въ насъ ненависти къ православнымъ русскимъ, усилилось въ насъ отвращеніе отъ питавшагося ложью и обманомъ римско-ультрамонтанскаго католицизма. Наши убѣжденія сообщались постепенно духовенству, пріѣзжавшему въ Жировицы или по дѣламъ дѣтей, воспитывавшихся у насъ, или по дѣламъ къ епархіальному начальству. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы вселяли полное убѣжденіе нашими доводами; другіе же вѣрили намъ безусловно, какъ людямъ свѣдущимъ и притомъ ничѣмъ не нарушившимъ ихъ довѣрія къ намъ. Послѣ 1831 года польскіе помѣщики, благодаря дѣйствіямъ генерала Муравьева, бывшаго въ то время въ Гроднѣ губернаторомъ, присмирѣли, и мы отъ нихъ не испытывали значительнаго дѣйствія. Не новость скажу, что поляки, при обстоятельствахъ, сколько-нибудь имъ благопріятствующихъ, горды и наглы до безконечности; въ обстоятельствахъ же противныхъ—смирны, угодливы и льстивы до крайняго униженія.

Многіе поляки говорятъ: «мы враги революціи, но мы добиваемся освобожденія отъ гнета нашей народности, нашей религіи». Такъ ли это? Исповѣдывать ихъ религію и говорить и писать до-польски никто имъ не воспрещалъ;

¹⁾ Въ наслѣдство отъ жировицкихъ базилианъ досталась семинаріи значительная бібліотека.

даже при русскомъ правительствѣ, и то, и другое, къ стыду русскихъ, развилось болѣе, нежели при господствѣ Польши, и все это на русской почвѣ, въ ущербъ русской народности. Простодушная довѣрчивость русскихъ не подозрѣвала злонамѣренности поляковъ; она не знала польскаго ультрамонтанства, разрѣшающаго для достиженія цѣли всякія безъ различія средства—насиліе, ложь, обманъ и лесть. Такимъ образомъ, при русскомъ правительствѣ, въ западныхъ русскихъ губерніяхъ, увеличилась римская іерархія тремя епископствами ⁴⁾, многими десятками костеловъ и тысячами прихожанъ. Когда же мы разглядѣли обманъ и начали ставить преграды дальнѣйшимъ стремленіямъ поляковъ, то они, не переставая идти впередъ, даже съ оружіемъ въ рукахъ, съ шумомъ и трескомъ разыгрывая передъ Европою роль мучениковъ, выпрашивали у нея состраданія и защиты на подобіе здѣшнихъ евреевъ, которые кричатъ «гвалтъ» въ то время, когда они же сами бьютъ мужика.

Итакъ, не народность, угнетаемая будто бы русскими, возбуждаетъ поляковъ къ мятежу, а несбыточный идеалъ небывалой Польши, составленный Виленскимъ университетомъ и такъ заманчиво сформулированный бывшимъ ученикомъ этого университета, Мицкевичемъ. Настоящимъ же творцомъ этой опьяняющей фантазіи былъ римскій католицизмъ, разжигавшій воображеніе и противившійся не только развитію исторической критики, но и познанію явленій духовныхъ и матеріальныхъ въ ихъ дѣйствительности, то-есть непосредственному наблюденію этихъ явленій и уразумѣнію между ними отношеній и ихъ законовъ. Взгляните на стремленіе римскаго католицизма при возродившемся просвѣщеніи въ Европѣ. Папы покровительствуютъ развитію фантазіи, поощряя живопись, скульптуру, музыку и поэзію, и въ то же время преслѣдуютъ тружениковъ, посвятившихъ себя изученію явленій духовнаго и матеріальнаго міра. Наука, то-есть, здравый взглядъ на вещи, считается въ ультрамонтанствѣ какою-то дьявольщиной, чѣмъ-то враждебнымъ религіи. Послушайте проповѣдь ксендзовъ, взгляните на ихъ тѣлодвиженія въ поученіяхъ, и вы убѣдитесь, что вся ихъ цѣль заключается въ возбужденіи фантазіи, а не теплой, живой вѣры; вы видите на лицѣ слушателя не выраженіе чувствъ христіанина, а какую-то фантастическую восторженность.

Такимъ образомъ, взирая на все чрезъ призму фантазіи и не умѣя распознать настоящаго смысла явленій, вы встрѣтите въ полягѣ всегдашнюю готовность броситься въ дѣло самое безразсудное.

При такомъ-то настроеніи, обожаемый поляками Мицкевичъ составилъ себѣ идеалъ Польши, основанный на папствѣ, какъ на нерушимой скалѣ, на которой долженъ почить весь міръ. Какіе жъ элементы этого идеала? На папствѣ ставится вольность польскаго шляхетства, преданнаго папѣ; масса же народа поставлена въ тѣни, такъ что фізіономія его не замѣтна; однакожь, судя по тону пановъ, выказывающемуся въ этомъ идеалѣ, видно, что паны суть защитники народа, отцы-благодѣтели, старающіеся возвысить народъ до полноправности, до шляхетства. Вы не вѣрите? Вы скажете, что жизнь выработала у пановъ польскихъ склонность смотрѣть на хлота, какъ на раба, а не какъ на дѣтище. Но вы ошибаетесь; хотите доказательствъ, — читайте *Пана Тадеуша*

⁴⁾ Могилевскимъ, Минскимъ, Тереспольскимъ. Прим. М. К.

Мицкевича: тамъ вы найдете, что герои поэмы при свадьбѣ объявляютъ свободу крестьянамъ, и при этомъ еще произносятся возвышенной чувствительности спичь. Хотите еще доказательствъ? вотъ вамъ золотыя грамоты. Но въ томъ бѣда, что все это блеститъ въ поэзи и на бумагѣ, а ничего подобнаго нѣтъ въ обычаяхъ польской жизни. Поляки не могутъ сами опредѣлить той черты, которую жизнь, подъ вліяніемъ папства, провела въ ихъ понятіяхъ между отеческимъ почетомъ и тираніей. Мнѣ надняхъ довелось прочесть книгу профессора Лабуле о нѣмцахъ и славянахъ. Возставая на несправедливость государствъ, раздѣлившихъ Польшу, и пугая Европу преобладаніемъ Россіи, усилившейся частію Польши, онъ однакожь самыми черными красками изображаетъ жизнь Польши. Разумѣется, Лабуле не принимаетъ въ уваженіе, что при раздѣлѣ Польши Россія взяла лишь русскія области.

Однакожь Мицкевичъ, въ своихъ парижскихъ лекціяхъ, утверждаетъ, что польская конституція выше англійской и французской, что миссія поляковъ состоитъ въ томъ, чтобы, распространяя господство папъ и польское государственное устройство, осчастливить тѣмъ весь міръ. Сравните съ этимъ ученіе ультрамонтанское, которое гласитъ, что всѣ, принявшіе христіанство, суть ipso facto подданные папы, и что съ неизвѣляющими ему послушанія должно поступать, какъ съ мятежниками. Такъ учить даже теперешній, уважаемый ультрамонтанами богословъ, іезуитъ Перонне.

Послѣ этого какъ же полякамъ-ультрамонтанамъ не смотрѣть свысока и съ пренебреженіемъ, будто на профановъ, на другіе народы?

Поляки думаютъ, что, для исполненія такой важной мисси, далъ имъ Богъ и мужество необыкновенное: сомнѣвающіеся въ томъ убѣдятся, прочитавъ въ поэмѣ Мицкевича *Панъ Тадеушъ* о томъ, какъ горсть шляхтичей, въ мирную пору, въ кратковременномъ сраженіи перебила на повалъ цѣлую вооруженную роту русскихъ солдатъ. Какъ послѣ этого не быть увѣренными, что на одного повстанца мало десяти москалей?

А какъ избѣгнуть отвѣтственности предъ московскою властію, въ томъ помогутъ ультрамонтанскія толкованія (рестрикціи), и Мицкевичу не трудно было указать средства, какъ избавиться отъ отвѣтственности за избіеніе роты солдатъ. Плѣннаго и безоружнаго начальника этой роты, чтобы не могъ сдѣлать доноса, по секрету убили. Когда объ этомъ узналъ бернардинъ, бывшій, впрочемъ, душою всего происшествія, то онъ началъ было проповѣдывать о грѣхѣ убіенія человека безоружнаго, но совершенно успокоился, когда ему сказали, что это сдѣлано pro publico bono (для общей пользы); остальные слѣды происшествія закрыли, зная кого изъ продажныхъ чиновниковъ нужно было подкупить. Какъ же тутъ не убѣдиться полякамъ, что москалей-дураковъ можно за носъ вести, куда угодно?

Не такое ли фантастическое настроеніе духа, неспособное цѣнить явленія по ихъ достоинству, одушевляетъ настоящее возстаніе Поляковъ¹⁾. Не бросаются ли они въ опасность, не оцѣнивъ ея, не опредѣливъ цѣли, не разсчитавъ средствъ? Но дѣйствительность имѣетъ свои непреложные законы; она не подчиняется видамъ фантазій, и поляки на каждомъ шагѣ должны болѣзненно разочаровываться. Но они и разочаровываются по своему. «Мы бы своего достигли, говорятъ они, но намъ

¹⁾ Разумѣется послѣднее польское возстаніе 1863—4 г. Прим. М. К.

помѣшало то, другое, третье.» (А почему жъ вы всего этого не предвидѣли?) Впрочемъ, хотя говорятъ, что *mądry polak po szkodzie*, но, кажется, сбылось пророчество Нарушевича: что, *nie na długo nowe przysłowie kupi, że i przed szkodą i po szkodzie głupi* ¹⁾). Поляки и послѣ неудачи смотрятъ на встрѣченныя ими препятствія чрезъ призму фантазій. Ну, вотъ, положимъ, они были глупы, что начали революціонныя движенія въ минуту освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго ига; но послѣ отпора, встрѣченнаго въ крестьянахъ, поляки объясняютъ свою неудачу не тѣмъ, что крестьяне боятся возврата подъ панскую власть, еслибы взяла верхъ Польша, а говорятъ, что крестьяне, по неразвитости своей, не понимаютъ польской вольности, не понимаютъ отеческаго о нихъ попеченія пановъ и стремленія поляковъ постепенно перевести ихъ въ шляхетство. Съ презрѣніемъ и высоко смотря на воссоединенное духовенство, поляки не могли взвѣсить размѣровъ его силы, столь противной ихъ тенденціямъ; они льстили архіереямъ и дружились съ ними, чтобы показать священникамъ: «смотри, молю, преосвященный мнѣ другъ; если не будешь мнѣ повиноваться, будешь удаленъ съ мѣста». Мнѣ говорилъ одинъ священникъ, что когда онъ въ первый разъ явился къ помѣщицѣ своихъ прихожанъ, она отозвалась: *pilnuj sie żebys byl dobrym, inaczej pójdiesz won* (старайся быть добрымъ, а не то будешь прогнанъ). Ласковое обхожденіе преосвященныхъ поляки принимали за единомысліе съ ними, боявшееся обнаруживаться вполнѣ лишь по причинѣ гнета правительства. Паны не могли видѣть всей глубины нашихъ убѣжденій, религіозныхъ и политическихъ, столь противоположныхъ ихъ видамъ. Они ничего не читали изъ того, что привело насъ къ нашимъ убѣжденіямъ, избѣгали разговора о религіи, о которой впрочемъ имѣютъ они очень поверхностное званіе. У нихъ породилась увѣренность, что изъ воссоединенныхъ есть только одинъ схизматикъ, и то не по убѣжденію, а по честолюбію: это Сѣмашко (Іосифъ, митрополитъ виленскій). Іезуитъ Перонне, въ богословіи своемъ, приписалъ дѣятельность просвѣщеннаго Іосифа мести къ базилианамъ за то будто бы, что въ базилианской школѣ, гдѣ онъ учился, онъ не получилъ какой-то ожидаемой имъ награды. Между тѣмъ извѣстно, что Сѣмашко учился не въ базилианской школѣ, а въ свѣтской Немировской гимназій, послѣ же—въ главной семинаріи. «Нѣтъ, причина не та, говорилъ мнѣ одинъ римско-католическій епископъ: я слышалъ о другой, болѣе вѣроятной причинѣ. Когда по смерти Сестренцевича заступилъ мѣсто предсѣдателя перваго департамента коллегіи викарный луцкій епископъ Пивницкій, римско-католики не дозволили митрополиту Булгаку, предсѣдателю втораго департамента, занимать первое мѣсто въ общемъ засѣданіи обоихъ департаментовъ. Оскорбленный этимъ Сѣмашко рѣшился во что бы то ни стало присоединить унитовъ къ православію». Но при Пивницкомъ я былъ засѣдателемъ коллегіи вмѣстѣ съ Сѣмашкомъ: не было никакихъ споровъ по этому предмету, не помню даже было ли при Пивницкомъ общее засѣданіе, по крайней мѣрѣ, его не было въ бытность Булгака, который при мнѣ уѣзжалъ на продолжительное время въ епархію. Польскіе ультрамонтаны, судя

¹⁾ То есть: „Полякъ мудръ послѣ неудачи“. Что же касается остроты Нарушевича, то въ приведенномъ текстѣ ея, кажется, ошибка. Нужно не: *nie na długo*, а: *nie zadługo*, и тогда, если эту остроту прибавить къ указанной пословицѣ, то выйдетъ: „Мудръ полякъ послѣ неудачи, но онъ вскорѣ получитъ новую поговорку, именно такую, что онъ глупъ и передъ неудачей, и послѣ неудачи“. Прим. М. К.

по себѣ, приписываютъ бывшему греко-унитскому духовенству такія побужденія, какія одушевляли бы ихъ самихъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Они не понимаютъ, что жизнь греко-унитскаго духовенства, пренебреженнаго поляками-ультрамонтанами и оставленнаго въ невѣжествѣ, была не похожа на ихъ жизнь, которая одушевлялась гордостію и фанатизмомъ. Они не понимаютъ, что когда при русскомъ правительствѣ стала доступна наука и для греко-унитскаго духовенства, не испорченнаго фанатизмомъ и обремененнаго слишкомъ практическимъ опытомъ, удалившимъ его отъ фантазерства, то наука, расширяя взглядъ на явленія жизни, болѣе помогла греко-унитскому духовенству, нежели полякамъ - ультрамонтанамъ видѣть явленія въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Наши понятія приняли иной, нежели у поляковъ, колоритъ, иначе организовались и иной производятъ результатъ въ жизни.

При образованіи бывшее греко-унитское духовенство имѣетъ то преимущество предъ польскими ультрамонтанами, что оно, какъ и всѣ просвѣщенные русскіе, знаетъ основанія и своихъ, и польскихъ ультрамонтанскихъ убѣжденій. Ультрамонтанъ же не будетъ читать книги, написанной въ духъ противномъ его предубѣжденіямъ. На дняхъ я рассказывалъ одному графу содержаніе книги Рошелля: *Ultramontanisme dévoilé*; гость мой, неохотно меня выслушавъ, сказалъ: «Французъ, желая отличиться, написалъ не такъ, какъ всѣ убѣждены». Навѣрное онъ такъ и не прочтетъ этой книги. Безпристрастный читатель никакъ не усумнится въ моихъ убѣжденіяхъ, противныхъ польскому ультрамонтанству; но здѣшніе ультрамонтаны все истолковываютъ по своему и все не впадаютъ. Не знающіе меня близко говорятъ, что я сдѣлался православнымъ лишь по слабости характера, что духомъ я папистъ и что меня заставило удалиться отъ управленія епархіею угрызеніе совѣсти за то, что я содѣйствовалъ пагубѣ милліоновъ душъ, совращенныхъ съ уни. Такъ какъ преемникъ мой, минскій архіепископъ Михаилъ, при утонченности вкуса ко всему изящному, со всѣми необыкновенно вѣжливъ и хорошо говоритъ по-польски, то отсюда поляки заключили, что быть не можетъ, чтобы въ душѣ онъ былъ москалемъ и схизматикомъ. Болѣе умные поляки, видя въ архіепископѣ Михаилѣ, подъ польскою оболочкой, твердый духъ русскаго православія, и тѣмъ болѣе считая его для своихъ видовъ вреднымъ, желали бы, чтобы мѣсто его заступилъ менѣ опытный, менѣ знающій поляковъ. Въ этихъ видахъ, можетъ-быть, они изподтишка пустили въ ходъ между русскими патріотами мнѣніе, что преосвященный Михаилъ — полякъ, если самихъ русскихъ не обманула наружность его. Я совершенно раздѣляю мнѣніе одного благочиннаго (чинскаго), который, опровергая подозрѣніе въ ополяченіи православнаго духовенства Минской епархіи, говоритъ между прочимъ: «Еслибы смѣшавъ все латинство, полонизмъ и іезуитизмъ съ его хитростями, успѣлъ кто-либо составить вещество, подобное водѣ или воздуху, и погрузилъ въ ономъ православнаго духовнаго на всю его жизнь, то и тогда онъ не пропитался бы этою миазмой, но по выходѣ изъ нея предсталъ бы на судъ Божій чистымъ и здоровымъ русскимъ православнымъ». Оканчивается этотъ рапортъ слѣдующими словами, согласными съ моими собственными наблюденіями: «мы очень далеки отъ ополяченія, и это съ нашей стороны не заслуга, не добродѣтель, потому что это противно нашей природѣ». Заблужденія поляковъ въ оцѣнкѣ обстоятельствъ, вредныя и разорительныя для нашего

края, а болѣе для нихъ самихъ, производятъ скорбь и состраданіе относительно заблудшихъ, а не возмущеніе. Но славянская наша откровенность и простодушіе не могутъ не возмущаться наглою ложью и клеветами, которыя употребляются польскими ультрамонтанами для распространенія своего владычества. Не говорю о множествахъ лжи и клеветы, пущенныхъ въ незнающую нашихъ дѣлъ Европу, выдуманныхъ въ пылу нынѣшняго польскаго возстанія, расскажу только о наглой лжи, сочиненной въ самомъ центрѣ ультрамонтанства, въ Римѣ. Видите, имъ нужно было во что бы то ни стало убѣдить публику, что воссоединеніе унитовъ совершенно насиліемъ; за неимѣніемъ фактовъ, которые послужили бы тому подтверженіемъ, придумана пространная легенда съ самыми мелкими подробностями о семидѣтнемъ преслѣдованіи и мученіи монахинь унитскихъ (базилианокъ), числомъ шестидесяти одной, за то, что онѣ не хотѣли стать православными, во время общаго воссоединенія унитовъ. Легенда эта списана будто бы со словъ настоятельницы базилианокъ минскихъ, по имени Макрены Мечиславской, ректоромъ пропаганды римской Рыллоу, ректоромъ Св. Клавдіи въ Римѣ Еловницкимъ, и теологомъ той же пропаганды Лейтнеромъ, а въ 1846 году напечатана въ Парижѣ. Въ этомъ рассказѣ вѣрнаго только названія городовъ Минска, Витебска, Полоцка и мѣстечка Мядзіоля и то, что при немъ есть озеро, хотя сочинителямъ этого сказанія было неизвѣстно, что рѣка Полота не въ Витебскѣ, а во ста слишкомъ верстахъ отъ этого города; вѣрно также названіе теперешняго митрополита виленскаго Іосифа, но рассказчики не знали, что къ его управленію не принадлежала Бѣлорусская епархія, гдѣ онъ представляется дѣятелемъ; прочее же все выдумано, — какъ самые факты, такъ и названія множества лицъ, а въ числѣ ихъ и всѣхъ монахинь. Мнѣ почти всѣ монахини были лично знакомы, потому что я служилъ и учился въ Бѣлорусской епархіи, принадлежалъ къ управленію Литовской епархіи, а послѣ, съ 1840 года, управлялъ Минскою епархіей. Изъ 61 польской фамилій, данныхъ монахинямъ, только одна случайно совпала съ фамиліей, которую носила дѣйствительно монахиня Кулешанка, настоятельница Полоцкаго монастыря, оставшаяся нѣкоторое время настоятельницею и послѣ воссоединенія. По рассказу брошюры, мученіе начинается съ минскаго монастыря въ то время, когда въ Минскѣ не было монастыря, ибо минскіи монахини-базилианки во время уніи перемѣщены въ упраздненный Мядзіольскій монастырь, по той причинѣ, что близъ Мядзіоля были имѣнія базилианокъ, а минскія монастырскія зданія понадобились для помѣщенія городского госпиталя. Не зная объ этомъ, въ брошюрѣ пишутъ, что изъ Минска въ Витебскъ перегоняли подъ военною стражей, скованныхъ тридцать пять монахинь (такого большого количества монахинь не было у насъ ни въ одномъ монастырѣ). Прежде чѣмъ пригнали ихъ въ Витебскъ, тамъ настоятельница витебская будто бы была замучена до смерти, и осиротѣвшія витебскія монахини будто бы подчинились съ радостію минской настоятельницѣ, героинѣ легенды Мечиславской, но какъ не было въ Минскѣ монастыря, такъ не было у насъ никакой монахини Мечиславской, а знакомая мнѣ настоятельница витебскаго монастыря, Клара Мартусевичева, была настоятельницею и послѣ воссоединенія и ему не препятствовала. Въ Витебскѣ, по словамъ брошюры, мученицъ сѣкли розгами, заставляли ихъ, прикованныхъ къ тачкамъ, возить мусоръ, томили ихъ голодомъ, такъ что онѣ дѣломъ ѣли траву, а зимой кормъ коровъ и свиней; изъ Витебска такъ же будто бы,

какъ изъ Минска, перегоняли всѣхъ мученицъ въ Полоцкъ, гдѣ въ Спасскомъ монастырѣ заставляли ихъ, прикованныхъ къ тачкамъ, сносить какую-то гору, чтобы на этомъ мѣстѣ строить для преосвященнаго Іосифа трехъ-этажный палацъ (сколько помню, около Полоцка равнина и нѣтъ горъ, и тамъ не только для преосвященнаго Іосифа, къ вѣдѣнію котораго Полоцкъ не принадлежалъ, но и ни для кого другого не строили дворца). При постройкѣ этого небывалаго дворца, мученицы будто бы были употребляемы для подвозки на тачкахъ матеріаловъ и подноски его на высоту строенія, отчего многія будто бы были раздавлены упавшими кирпичами и известью. На ночь всѣхъ ихъ вмѣстѣ запираютъ въ сырыхъ и гнилыхъ сараяхъ. Построивъ такимъ образомъ дворецъ и поселивъ въ немъ преосвященнаго Іосифа (а онъ тогда жилъ въ Петербургѣ и былъ предсѣдателемъ коллегіи), брошюра далѣе сообщаетъ гнусное сказаніе о томъ, будто бы однажды, во время ночной оргіи, по приказанію преосвященнаго Іосифа, дьячки и служители отправились въ сарай насиловать мученицъ, изъ которыхъ, во время защиты невинности, будто бы пяти монахинямъ выкололи глаза, а прочихъ изувѣчили. Изъ Полоцка оставшихся въ живыхъ будто бы перегоняли также въ кандалахъ въ Мядзіоль, гдѣ ихъ, облеки въ рубашки съ однимъ рукавомъ и вложивъ обѣ руки въ рукавъ, топили въ озерѣ. Три монахини, въ числѣ ихъ Мечиславская, будто бы убѣжали изъ монастыря. Мечиславская будто бы пришла въ Пруссію, а оттолѣ доброжелателями доставлена въ Римъ, и съ ея разказа будто бы списаны всѣ эти бредни.

Кто же была эта рекомая Мечиславская? Настоятельницаю мядзіольскихъ монахинь, перемѣщенныхъ изъ Минска еще во время уніи, была Левшецкая, уволенная изъ монастыря на жительство къ родственникамъ; она здѣсь здравствовала, и лишь недавно умерла, Вилейскаго уѣзда, въ имѣніи Боровской. Витебскою настоятельницаю была, какъ я выше сказала, Мартусевичева, оставленная настоятельницаю и послѣ воссоединенія; полоцкая настоятельница Кулешанка, также жившая въ монастырѣ и послѣ воссоединенія, уволена потомъ къ роднымъ. Ни одна изъ базилианокъ не уходила за границу. Я подозреваю, что поляки-выходцы доставили въ Римъ ту самую обманщицу, которая являлась ко мнѣ въ Минскѣ послѣ 1840 года (не помню въ точности, когда именно) во время моего управленія Минскою епархіей. Обманщица эта, вся въ слезахъ, съ спазматическимъ всхлипываніемъ, сказала, что сообщить мнѣ по секрету важное дѣло, но не иначе какъ въ церкви. Въ домашней моей церкви она сознавалась, что бѣжала изъ монастыря полоцкихъ монахинь съ соблазвившимъ ее бернардиномъ, что раскаивается въ своемъ заблужденіи и желаетъ возвратиться въ монастырь, но боится строгаго наказанія за свое преступленіе, а потому проситъ моего за нее предстательства, а главное—денегъ на путевыя издержки. Замѣтивъ обманъ (потому что всѣ полоцкія монахини были мнѣ лично знакомы), я спросилъ какъ имя полоцкой настоятельницы? Послѣ продолжительныхъ всхлипываній, будто препятствовавшихъ ей говорить, она наконецъ сказала, что жила въ Полоцкѣ малое время, а потому не знаетъ названія настоятельницы, и что затѣмъ жила въ Оршанскомъ монастырѣ; однако жъ она не сказала фамиліи и оршанской настоятельницы, также мнѣ знакомой. Въместо отвѣта, она болѣе прежняго подверглась спазмамъ и обмороку. Я отослалъ ее переночевать къ протоіерею, чтобы она, на завтрашній день, отрезвившись, явилась ко мнѣ. Протоіерей заставилъ ее

читать церковную книгу (базиліанки молились по-славянски). Въ отвѣтъ тѣ же спазмы и обморокъ, потребовавшіе чистаго воздуха на дворѣ, и послѣ никто уже не видѣлъ ея. Однажды рассказывалъ я это происшествіе въ присутствіи управлявшаго римско-католическою епархіей и предсѣдателя уголовной палаты; они, распросивъ меня о примѣтахъ этой женщины, объявили, что она давно имъ извѣстна, что она жена отставнаго офицера, и что подобнымъ образомъ она обманывала многихъ римско-католическихъ священниковъ, была подъ уголовнымъ судомъ, рѣшеніемъ котораго отослана на мѣсто жительства, подъ надзоръ полиціи, Новогрудскаго уѣзда, въ мѣстечко Любче. Изъ любопытства я справлялся черезъ полицію и у любчанскаго благочиннаго; тамъ ли находится эта женщина? Отвѣчали, что по розыску ея нигдѣ не отыскали. Вѣроятно, она спасается въ Римѣ, и можетъ быть будетъ современемъ канонизована¹⁾. Вотъ образецъ ультрамонтанской лжи. Такъ какъ его сила основана на лжи, обманѣ, разжиганіи фантазіи и на помраченіи здраваго смысла, то сила эта не можетъ быть поддерживаема другими благородными средствами, приличными правдѣ. Я не могу, безъ сострадательнаго раздраженія, видѣть, какъ папство или, точнѣе сказать, ультрамонтанское о немъ ученіе, испортило простодушную натуру славянъ, подпавшихъ, по обстоятельствамъ своей исторической жизни, подъ власть Рима. Богемія не такъ много испорчена, ей памятна кровопролитная борьба, поднятая ея для обороны отъ папской власти и нѣмецкаго преобладанія, да и послѣ своего покоренія она была нѣкоторое время подъ вліяніемъ не ультрамонтанскаго ученія; но поляки, долго воспитывавшіеся у іезуитовъ, прониклись до костей ультрамонтанствомъ, съ тою разницею отъ другихъ ультрамонтановъ, что полякамъ внушалась самая глубокая ненависть къ православію и вѣрованіе, что все въ православіи есть богомерзкое, дьявольское. Вотъ слова, недавно произнесенныя публично профессоромъ въ Львовскомъ университетѣ: «Schismatici sunt filii diaboli; ecclesia schismaticorum synagoga est diabolorum; in Eucharistia schismaticorum ipse sedet diabolus²⁾». Что тамъ говорятъ открыто, то у насъ, какъ мнѣ сказывалъ не одинъ римско-католикъ изъ простолюдиновъ, говорятъ по секрету, а болѣе всего во время исповѣди. Въ бесѣдахъ съ православными ксендзы обыкновенно начинаютъ пропаганду изъясненіемъ лукаваго состраданія, что православные губятъ свою душу и суть враги Бога, принадлежа къ схизмѣ пекельной. Такимъ образомъ, польскіе паписты, опутывая своими сѣтми прозелитовъ, разжигаютъ непримиримую вражду ко всѣмъ, кто не принадлежитъ къ ультрамонтанскому лагерю.

Основанія такого взгляда на польскій папизмъ и на польскій патріотизмъ были положены въ нашемъ жиrowицкомъ обществѣ. Дѣйствія ксендзовъ и прочихъ польскихъ патріотовъ во время нынѣшняго возстанія взгляды этотъ дополнили, прояснили и укрѣпили во всемъ православномъ духовенствѣ, такъ что уже не поколеблютъ его никакіе софизмы, лесть и обманы.

¹⁾ Эта удивительная исторія разъяснена въ разныхъ мѣстахъ записокъ Іосифа. См. въ третьемъ томѣ въ указателѣ подъ словами: „Мечиславская Макрина“. Достойно удивленія, что и послѣ раскрытія очевиднаго обмана исторія эта повторяется, какъ достоверная, и въ новѣйшей латинской духовной литературѣ, напримѣръ, въ исторіи униатской церкви познанскаго прелата и учителя семинаріи Ликовскаго, стр. 339—40 (изд. 1880 г.). Примѣч. М. К.

²⁾ Схизматики суть сыны дьявола; церковь схизматиковъ есть сборище дьяволовъ; въ евхаристіи схизматиковъ сидитъ самъ дьяволъ.

Взглядъ этотъ изъ Жировиць постепенно распространился въ бѣломъ греко-унитскомъ духовенствѣ, поддерживаемый авторитетомъ, пощщавшаго по временамъ Жировицы, преосвященнаго Іосифа. Само Провидѣніе устраняло препятствія къ такому распространенію. Ксендзы и дворяне, послѣ неудавшагося мятежа 1831 года, присмирѣли, и слабо противодействовали намъ; старые греко-унитскіе архіереи, воспитанные въ ультрамонтанскомъ духѣ, Яворовскій, Сьроцинскій, Головня и Мартусевичъ скоро одинъ за другимъ померли. Еще при жизни Мартусевича, епископа полоцкаго, былъ рукоположенъ въ викарнаго полоцкаго епископа членъ коллегіи, протоіерей Іосифъ Сьмашко, преданный православію (около 1830 года), ¹⁾ такъ что послѣ смерти Мартусевича остались только два греко-унитскіе архіерея, митрополитъ Булгакъ и Іосифъ Сьмашко. Булгакъ, по своему желанію, былъ перемѣщенъ изъ Литовской (бывшей Бжеской) ²⁾ епархіи въ Бѣлорусскую, имѣвшую болѣе богатый фондъ архіерейскій, а преосвященному Іосифу досталась Литовская епархія. Оба они жили въ С.-Петербургѣ, Булгакъ какъ предсѣдатель, а Сьмашко, какъ членъ греко-унитской коллегіи: поэтому оказалась надобность въ рукоположеніи для нихъ викарныхъ епископовъ.

IV.

Въ 1834 году были рукоположены въ С.-Петербургѣ, въ церкви греко-унитской коллегіи, три викарные епископа: для Бѣлорусской епархіи, ассессоръ коллегіи, протоіерей Василій Лужинскій, а для Литовской, членъ коллегіи, архимандритъ Іосифъ Жарскій, и я, бывший тогда, въ званіи протоіерея, ректоромъ Литовской семинаріи. Преосвященный Василій и я, какъ происходившіе изъ блага духовенства и воспитывавшіеся въ главной семинаріи, по сердцу и убѣжденіямъ были преданы православію; Жарскій же, поступившій въ базилианское монашество изъ римско-католиковъ, хотя по воспитанію своему былъ преклоненъ къ латинству и полонизму, но столько имѣлъ силы ума и характера, что признавъ борьбу между русскимъ и польскимъ элементами вредною для здѣшняго края и видя нравственное безсиліе поляковъ устроить государство на прочныхъ основаніяхъ, безсиліе, испытанное при существованіи Польши въ неоднократныхъ попыткахъ воскресить ее и постоянно объявлявшееся на дворянскихъ выборахъ, согласился дѣйствовать въ пользу Россіи и православія. Относительно религіозныхъ вѣрованій, правда православнаго ученія сравнительно съ латинствомъ такъ ясна, что истину легко узнать желающему знать ее, особенно такому, у кого не затемненъ умъ традиціонною враждой и предразсудкомъ, препятствующимъ даже заглянуть въ православное ученіе. Поэтому Жарскій не затруднялся въ признаніи правоты православія.

Итакъ, Бѣлорусскую епархію управлялъ преосвященный Василій (нынѣ витебскій и полоцкій архіепископъ ³⁾), подъ руководствомъ епархіальнаго архіерея, митрополита Булгака, жившаго въ С.-Петербургѣ, въ должности предсѣдателя греко-унитской коллегіи. Я же, подъ руководствомъ литовскаго архіепископа Іосифа,

¹⁾ Къ 1819 г. Примѣч. М. К.

²⁾ Т. е. Брестской. Примѣч. М. К.

³⁾ Скончался въ Петербургѣ въ званіи члена Св. Синода. Примѣч. М. К.

находившагося также въ Петербургѣ, въ должности члена греко-унитской коллегіи, участвовалъ въ управленіи Литовскою епархіей. Епископъ Жарскій послѣ долговременной болѣзни умеръ, не дождавшисъ воссоединенія ¹⁾ унитовъ съ православными.

Преосвященный Іосифъ былъ душою греко-унитской коллегіи. Онъ своимъ всестороннимъ знаніемъ, практическимъ умомъ, безкорыстіемъ и чистотою нравовъ свискалъ авторитетъ у членовъ коллегіи и въ своей паствѣ, и также довѣренность правительства, не исключая Государя, который всегда съ удовольствіемъ читалъ записки преосвященнаго Іосифа, и потому распоряженія духовнаго и гражданскаго начальства согласовались въ направленіи къ воссоединенію унитовъ съ православными. Воссоединеніе это видѣлось въ туманѣ отдаленнаго будущаго.

Нужно было приготовить къ нему духовенство: но на это оказалось достаточнымъ менѣе времени, нежели сколько можно было предвидѣть. Буду говорить про Литовскую епархію, въ которой я дѣйствовалъ. Въ началѣ моего пребыванія въ Литовской епархіи, хотя я и былъ убѣжденъ въ правотѣ православія, но никому о томъ не исповѣдывалъ. При всякомъ однако же удобномъ случаѣ, стараясь ослабить враждебныя предубѣжденія противъ греко-россійской церкви, порожденныя историческимъ антагонизмомъ Польши и Руси, я говорилъ, что униты, противу кореннаго закона уніи, испортили греческіе обряды, сдѣлавъ ихъ несогласными со смысломъ молитвъ, оставленныхъ неизмѣненными, что край здѣшній искони былъ русскимъ, долго состоялъ подъ польскимъ владычествомъ, враждебнымъ Руси, что предъ поступленіемъ здѣшняго края подъ польское владычество не было здѣсь ни римскаго католицизма, ни уніи, а была только одна организованная греко-русская православная іерархія. Долгое время я не дѣлалъ ни малѣйшихъ намековъ на практическое примѣненіе этихъ свѣдѣній, пока съ ними не освоилось болѣе вліятельное греко-унитское духовенство. Не говорю, чтобы все это было совершенно неизвѣстно въ литовскомъ, болѣе образованномъ духовенствѣ; но я выводилъ эти факты на первый планъ въ то время, когда польское ученіе ставило ихъ въ тѣни, придавало имъ другой смыслъ, а часто и совершенно не принимало ихъ въ уваженіе.

По предписанію греко-унитской коллегіи, правленіе литовской семинаріи свѣряло служебники московскій и унитскій съ греческимъ, для чего былъ принятъ въ разсмотрѣніе греческій служебникъ римско-католическаго изданія. Оказалось, что съ греческимъ текстомъ было согласно молитвословіе унитское, за исключеніемъ поминанія о папѣ римскомъ и прибавки къ символу вѣры: *и отъ Сына*; но было несогласно описаніе обрядныхъ дѣйствій, которыя униты болѣе исказили на дѣлѣ, нежели сколько были они искажены унитскими служебниками; служебники же московскаго изданія согласны съ греческимъ текстомъ и въ молитвословіи, и въ описаніи обрядныхъ дѣйствій. Я уже говорилъ, что митрополитъ Лисовскій ввелъ греческій обрядъ въ Полоцкой епархіи: въ епархіяхъ же Виленской, Бржеской и Луцкой служили по-унитски, такъ что по составленіи двухъ епархій изъ четырехъ, въ Литовской все духовенство служило по искаженнымъ обрядамъ; а потому, преимущественно въ Литовской епархіи, была надобность, еще до официальнаго предписанія о соблюденіи чистыхъ грече-

¹⁾ Жарскій скончался въ 1838 г. Авторъ Воспоминаній слишкомъ снисходительно судить о Жарскомъ. Іосифъ иначе смотрѣлъ на него. См. Записки въ разныхъ мѣстахъ, указанныхъ въ указателѣ подъ словомъ Жарскій. Примѣч. М. К.

скихъ обрядовъ, обратить вниманіе духовенства на незаконность и безсмысліе введенныхъ унітами измѣненій. Затѣмъ греко-унитская духовная коллегія прислала для всѣхъ церквей служебники московской печати, съ предписаніемъ служить по нимъ⁴⁾. Соотвѣтственно требованіямъ греческихъ обрядовъ, коллегія предписала устраивать иконостасы тамъ, гдѣ они были разрушены при польскомъ владычествѣ іерархами, поступавшими, какъ не разъ я упоминалъ, изъ латинства, а также заводить выведенныя изъ употребленія копыя, звѣздицы, дарохранительницы и устраивать престолы. Впрочемъ, греко-унитское духовенство не было обязано, служа по московскому служебнику, не упоминать папы римскаго и не прибавлять въ символѣ вѣры: «и отъ Сына».

Раздача служебниковъ московской печати произвела, однакоже, въ унитскомъ духовенствѣ нѣкоторое движеніе. Разнеслась возбужденная римско-католиками молва, что принатіе московскихъ служебниковъ есть актъ присоединенія къ православію. Нѣкоторые священники отказывались принять новые служебники, не заглядывая въ нихъ. Священники эти думали, что въ служебникахъ этихъ заключается новая религія; но когда имъ было объяснено, что въ этихъ служебникахъ то же молитвословіе, что и въ служебникахъ унитскихъ, съ тою только разницей, что въ московскихъ правильнѣе описаны обрядныя дѣйствія, которыя, по коренному закону уніи, должны соблюдать и униты, то почти всѣ священники Литовской епархіи начали служить по московскимъ служебникамъ. Пробовавшихъ протестовать противъ московскихъ служебниковъ, изъ 700 слишкомъ священниковъ, было около двухъ десятковъ; окончательно же не принявшихъ московскихъ служебниковъ было, сколько могу припомнить, три или четыре священника, изъ коихъ двое вышли въ свѣтское званіе, а одинъ принялъ служебникъ уже послѣ общаго воссоединенія унитовъ съ православными. Всѣ, принявшіе служебники московской печати, догадывались, что это шагъ къ воссоединенію съ греко-русскою церковію; однакожъ духовенство, за очень малымъ исключеніемъ, безъ малѣйшей протестаціи приняло эти служебники. Это служило доказательствомъ, что греко-унитское духовенство не имѣло симпатіи къ ксендзамъ и полякамъ, что и можно было предвидѣть, судя по его къ нимъ отношеніямъ, возникшимъ при польскомъ владычествѣ и мало измѣненнымъ со стороны русскаго правительства въ пользу унитовъ. Болѣе просвѣщенное бѣлое духовенство (о базилианахъ скажу послѣ), способное убѣдиться доказательствами, было увѣрено въ правоту православной церкви, что читатель можетъ видѣть изъ разсказа моего о нашей жировицкой семьѣ. Большинство бѣлаго унитскаго духовенства, необразованное, неспособное понимать доказательства, бессознательно вѣровало въ превосходство римскаго католицизма, но эта вѣра была слаба; ее не подогрѣвала симпатія пропагандистовъ-пановъ, ксендзовъ и прежняго греко-унитскаго базилианскаго начальства, заботившагося болѣе о разныхъ поборахъ съ священниковъ, нежели объ ихъ духовномъ образованіи и благосостояніи: потому оно было склонно примкнуть къ той сторонѣ, которая оказала бы ему сочувствіе.

Бѣлое духовенство видѣло, что новые, просвѣщенные іерархи, поступившіе изъ его среды, а не изъ римско-католиковъ, не только освободили его отъ всѣхъ

---

⁴⁾ Это было постановлено въ 1834 г. по рѣшенію собора тогдашнихъ уніатскихъ епископовъ. Примѣч. М. К.

налоговъ, прежде взимавшихся съ священниковъ, но старались о заведеніи небывалыхъ прежде училищъ и семинарій для дѣтей духовныхъ и съ усердіемъ и безкорыстно занимались воспитаніемъ ихъ. Поэтому духовенство во всемъ довѣряло своимъ іерархамъ. Я удостовѣрился въ томъ, бесѣдуя съ священниками, пріѣзжавшими по дѣламъ въ Жировицы, и во время многократныхъ объѣздовъ епархіи. Объѣзды мои въ епархіи можно раздѣлить на два періода; въ первый періодъ я занимался преимущественно объясненіемъ греческихъ обрядовъ и указаніемъ, что они происходятъ изъ древней церкви временъ Василя Великаго, Іоанна Златоустаго и Григоріевъ; что подобнымъ же образомъ молились и латыняне; но послѣ разоренія западной Римской имперіи дикими народами, при возникшемъ тамъ хаосѣ и общемъ упадкѣ просвѣщенія, продолжавшемся около 1,000 лѣтъ, у латынянъ произошли постепенно нѣкоторыя измѣненія и сокращенія, сдѣланныя людьми, не понимавшими смысла обрядовъ и молитвъ, и оттого въ этихъ перемѣнахъ оказывается безсмысліе. Напримѣръ, съ начала христіанства крестили пресвитеры, а утверждали въ вѣрѣ епископы, при совершеніи обряда муропомазанія; когда же христіанство распространилось, епископы только освящали муро, а муропомазаніе поручали священникамъ, и съ теченіемъ времени введено въ обычай, чтобы священники полученнымъ отъ архіереевъ елеемъ совершали, при самомъ крещеніи, и муропомазаніе. Такъ теперь дѣлается въ восточной церкви, то же дѣлаютъ и римскіе священники; но у нихъ затемнилось преданіе, и они священническое муропомазаніе не считаютъ таинствомъ, и послѣ особо совершаютъ муропомазаніе епископы, хотя и по ихъ ученію таинство это не должно быть повторяемо, какъ крещеніе и священство. И римскіе ксендзы послѣ крещенія помазываютъ елеемъ, освященнымъ епископами, но говорятъ, что это не муропомазаніе. «А что же?» спрашивалъ я нѣкоторыхъ ксендзовъ. «Не знаемъ», отвѣчали они. Сокращеніе латынянами древней литургіи также носитъ слѣды средневѣковаго помраченія и недоразумѣнія. Сокращая, напримѣръ, нашу первую ектенію, въ которой послѣ каждаго прошенія народъ отвѣчаетъ: Господи помилуй! (по-гречески: куріе елейсонъ), латыняне выбросили всѣ прошенія, оставивъ только девять разъ повторяемое *kurie eleyson* безъ указанія, въ чемъ нужно помилованіе Господне. Я внушалъ духовенству, что намъ не слѣдуетъ учиться у латынянъ и по ихъ примѣру искажать наши обряды, а что напротивъ латыняне, всматриваясь въ наши обряды, могутъ уразумѣть духъ первоначальной церкви, соотвѣтственно тому, что когда-то сказалъ святитель Іеронимъ послѣ путешествія своего по Востоку: «На Востокъ — источникъ религіи, а на Западъ только ручейки (rivuli)». Въ самомъ дѣлѣ ручейки эти, проходя черезъ неблагопріятную почву средневѣковаго на Западѣ невѣжества, помутились. Исторія указываетъ естественныя причины омраченія понятій религіозныхъ на Западѣ. Безпрестанныя войны и разбои прервали сообщеніе съ Востокомъ; во времена варварства, заступившаго на Западѣ мѣсто древняго просвѣщенія, не понимали греческаго языка, а черезъ это самое не могли сообразовать своихъ дѣйствій съ постановленіями семи первыхъ вселенскихъ соборовъ, писанными на греческомъ языкѣ; это невѣжество не было бы столь вреднымъ, если бы на Западѣ держались старины, но латынянамъ вздумалось передѣлывать и перестраивать, что при упадкѣ просвѣщенія всегда выходитъ неудачно. Когда во время средневѣковаго хаоса на Западѣ, патріархъ римскій успѣлъ сдѣлаться римскимъ государемъ, нашлись льстецы, которые приписывали ему всемогущую власть въ церкви, и говорили, что церковь

римская, то-есть подчиненная папѣ, есть церковь вселенская, непогрѣшимая. Хотя съ XV столѣтія на Западѣ стало распространяться просвѣщеніе, но порожденную невѣжествомъ практику исправлять оказалось неприличнымъ; между тѣмъ схоластическая философія, своими формами болѣе способная скрывать заблужденіе, нежели открывать истину, помогала оправдывать всѣ измѣненія, сдѣланныя въ латинской церкви безъ сообщенія съ другими церквами.

Въ такомъ духѣ я объяснялся съ священниками и говорилъ каждому столько, сколько кто могъ понять. Заключенія изъ этихъ выводовъ я примѣнялъ только къ потребности соблюдать чистыя греческіе обряды; о потребности же къ воссоединенію съ греко-россійскою церковью не было рѣчи въ первый періодъ моего посѣщенія церквей.

При объѣздѣ моемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, я бралъ съ собою знаменитаго въ то время протоіерея Михаила Бобровскаго, бывшаго профессора Виленскаго университета, нѣсколько лѣтъ съ ученою цѣлію путешествовавшаго за границею на иждивеніи университета. Бобровскій, сынъ греко-унитскаго священника, воспитывался въ главной семинаріи. По рожденію своему онъ не могъ быть пристрастенъ къ латинству, а по воспитанію не былъ фанатикомъ. Изъ Рима рапортовалъ онъ Виленскому университету объ упадкѣ просвѣщенія въ папской области и о господствующемъ тамъ фанатизмѣ. Мнѣ рассказывали ученики Бобровскаго, что онъ публично въ аудиторіи, когда одинъ изъ учениковъ назвалъ греко-россійскую церковь схизматическою, отозвался: «они ли, или мы схизматики, объ этомъ Богу, а не намъ судить». Впрочемъ, по многостороннему образованію и добродушію, онъ былъ уважаемъ и просвѣщенною польскою публикой. Уважало его и гордилось имъ, какъ своимъ, и бѣлое греко-унитское духовенство. Бобровскій, при разъѣздахъ со мною, подтверждалъ своимъ авторитетомъ мое ученіе и руководилъ священниковъ въ практическомъ исполненіи греческихъ обрядовъ.

Итакъ, священники блага духовенства Литовской епархіи безъ ропота усвоили себѣ служебникъ московской печати.

Многое, сказанное мною о преимуществѣ греческихъ обрядовъ предъ латинскими, было въ умахъ священниковъ зародышемъ раздумья о превосходствѣ православія предъ латинствомъ, раздумья для нихъ новаго, на которое прежнія ученія не только не наводили, но отвлекали ихъ, и указывали противное. Нужно было нѣкоторое время, чтобъ эти мысли добровольно, безъ принужденія, перебродили въ головѣ, улеглись и усвоились; поэтому въ первый періодъ моей миссіи не было рѣчи о проектѣ воссоединенія съ православіемъ. Однакожь я замѣчалъ во многихъ священникахъ нѣкоторое удовольствіе, влѣдствіе того, что они находили, повидимому, разумное основаніе своей къ латинянамъ антипатіи, бывшей прежде безотчетною.

Самыя возраженія противъ обрядовъ со стороны малаго числа священниковъ, желавшихъ показать нѣкоторую самостоятельность, послужили къ объясненію дѣла и утверженію новаго ученія. Когда одному священнику, вызванному въ Жировицы для пракческаго изученія правильныхъ обрядовъ, замѣтили, что онъ неправильно крестится, полагая руку прежде на лѣвое, а потомъ на правое плечо, онъ отозвался съ жаромъ: «Что хотите дѣлайте, а я скорѣе умру, нежели измѣню крестное знаменіе». Ему объяснили, что онъ крестится противно и греческому, и римскому обряду, ибо какъ по тому, такъ и по другому обряду, рука полагается,

при произнесеніи *Святаго*, на правое плечо, а при словѣ *Духа* — на лѣвое, соотвѣтственно тому, что прилагательное у латынянъ ставится послѣ существительнаго, а у грековъ и славянъ прежде. Протестовавшій священникъ многократно повторялъ то *Святаго Духа*, то *Ducha Świętego*, заставляя не всегда успѣшно непослушную руку ложиться прежде на правое плечо, крестясь по церковному. Убѣдясь въ неосновательности своего возраженія, съ такою запальчивостью произнесеннаго, онъ послѣ соглашался на все. Были и такіе священники, которые безсознательно колебались въ принятіи служебниковъ московской печати. Они побуждались желаніемъ, съ одной стороны, угодить помѣщикамъ, у которыхъ вдругъ явилась охота оказывать имъ особыя матеріальныя благодѣянія, а съ другой — угодить волѣ епархіальнаго начальства, заботившагося о болѣе существенныхъ потребностяхъ духовенства.

Одинъ благочинный (Новогрудскій), считавшій себя глубокимъ политикомъ, умѣющимъ читать между строками, подъ влияніемъ распространявшагося тогда недоброжелателями Россіи мнѣнія, что эта реформа дѣлается по натиску правительства противно искреннему желанію епархіальныхъ начальствъ, думалъ угодить своему начальству, представивъ преосвященному Іосифу протестъ подчиненнаго ему духовенства противъ служебниковъ московской печати. Но скоро и самъ благочинный, и подвѣдомственное ему духовенство убѣдились, что епархіальное начальство непременно требуетъ соблюденія обрядовъ греческой церкви, поставленнаго унитарамъ въ обязанность папскою грамотой, при подчиненіи русской церкви папѣ римскому, и почти всѣ священники Новогрудскаго благочинія постепенно приняли московскіе служебники ¹⁾.

Въ этотъ промежутокъ сомнѣній нѣкоторые бѣдные священники успѣли воспользоваться необычайными благодѣяніями помѣщиковъ, а еще болѣе помѣщичь, увѣщавшихъ крѣпко держаться униі, не соглашаться на принятіе схизматическихъ служебниковъ (мшалы), и подвергаться за то всякаго рода мученіямъ въ подражаніе святымъ мученикамъ. Видите, изъ понятія о москаляхъ, выработаннаго Виленскимъ университетомъ, логически вытекало заключеніе, что москаль должны прибѣгать къ жестокимъ мученіямъ для обращенія униговъ въ православіе. Скажите, что никакихъ мученій не было, вамъ отвѣтять: быть не можетъ, непременно были! А за границей разскажутъ въ подробности, какія именно были мученія, какъ читатель можетъ судить по указанной мною брошюрѣ о мученіи минскихъ монахинь. «Ахъ, пани!» отвѣчалъ бѣдный священникъ сердобольной помѣщичкѣ: «меня вызвали въ Жировицы: вѣрно ужъ не возвращусь; оставляю жену и дѣтей...» И тутъ-то сыпались на него наличныя пожертвованія, а еще болѣе обѣщанія. Прибывъ въ Жировицы, священникъ, вмѣсто военной команды и жандармовъ, находилъ мирныхъ жировичанъ, удивлявшихся его глупости или подтрунивавшихъ надъ нимъ. Когда подобный священникъ являлся ко мнѣ и я спрашивалъ: «правда ли что о васъ доноситъ благочинный, будто вы отказались принять московскій служебникъ?» онъ отвѣчалъ: «я всегда былъ и есмь сынъ послушанія своихъ пастырей. Благочинный меня оклеветалъ; онъ меня преслѣдуетъ на каждомъ шагѣ за то, что я не согласился дать ему хорошую лошадь взамѣнъ его негодной клячи. Я согласенъ принять московскій служебникъ и служить по немъ».

¹⁾ Это было въ 1834 г.

Послѣ того онъ немедленно давалъ въ томъ росписку, служилъ въ жировицкой церкви и спокойно возвращался домой. Панямъ, раздраженнымъ за принятіе схизматическаго служебника, священникъ говорилъ: «Какъ я разсмотрѣлъ этотъ служебникъ, то оказалось, что въ немъ нѣтъ ничего худаго».

Подобные случаи были не рѣдкость; священники желали съ одной стороны угодить волѣ епархіальнаго начальства и послѣдовать примѣру болѣе просвѣщеннаго духовенства; а съ другой—не раздражать помѣщиковъ, отъ которыхъ во многомъ зависѣли ихъ матеріальныя выгоды; напримѣръ, помѣщикъ могъ воспретить пастьбу священническаго скота, даже не дозволить перегона его на церковныя земли, по большей части череполосныя.

Въ Новогрудскомъ же благочиніи одинъ, довольно впрочемъ образованный священникъ, по страсти къ прекословію, протестовалъ противъ московскаго служебника, даже вопреки своему убѣжденію. Когда еще не было рѣчи объ исправленіи обрядовъ, онъ старался соблюдать ихъ по возможности правильно, даже употребляя вмѣсто копья перочинный ножикъ. Другимъ священникамъ говорилъ онъ: «вы, дураки, ничего не понимаете; по правиламъ, такъ должно быть». Когда же послѣдовало общее распоряженіе о соблюденіи правильныхъ обрядовъ, онъ при содѣйствіи доминиканцевъ написалъ отъ своего имени протестацію противъ московскихъ служебниковъ. Протестація эта не подѣйствовала на духовенство Новогрудскаго уѣзда, тѣмъ болѣе, что протестовавшій, по шероховатости своего нрава и сипси, не былъ уважаемъ духовенствомъ. Но за то доброжелатели Польши съ успѣхомъ распространяли эту протестацію въ Бѣлорусской епархіи, говоря: «Смотрите, въ Литовской епархіи не дремлютъ и усердно дѣйствуютъ противъ схизмы.» Мнѣ говорили, что эта протестація попала въ заграничныя журналы, какъ будто выраженіе желаній всего греко-унитскаго духовенства. ¹⁾

Это религіозное сомнѣніе доставило благодидный предлогъ къ переходу въ свѣтское званіе двумъ священникамъ Новогрудскаго же благочинія. Тѣмъ и окончилась вся буря, взволновавшая было въ короткое время все многочисленное Новогрудское благочиніе (весь Новогрудскій уѣздъ). Во всѣхъ прочихъ благочиніяхъ Литовской епархіи, имѣющей около семи сотъ церквей, все духовенство, безъ замѣтнаго колебанія, приняло служебники московской печати.

Во время моихъ объѣздовъ въ епархіи, бесѣдуя съ благочинными и другими болѣе просвѣщенными священниками, я убѣдился въ склонности ихъ воссоединиться съ греко-россійскою церковью. Поэтому я и просилъ моего епархіальнаго архіерея, архіепископа Іосифа, разрѣшить мнѣ принимать отъ священниковъ подписки о желаніи ихъ воссоединиться съ православіемъ. Высокопреосвященный Іосифъ далъ требуемое разрѣшеніе; и тѣмъ начался второй періодъ моихъ разѣздовъ по епархіи.

Когда мы начали вводить правильные обряды, православныя іерархи возымѣли ревность, безъ предварительнаго приготовленія, присоединять къ православію по одиночкѣ нѣкоторые приходы, преимущественно въ казенныхъ имѣніяхъ. Священ-

---

¹⁾ Она и до сихъ поръ перепечатывается, несмотря на то, что въ ней есть пунктъ, который съ негодованіемъ всегда отвергали лучшіе уніаты и до сихъ поръ отвергаютъ галицкіе уніаты,—пунктъ о смѣшеніи въ уніатской церкви латинскихъ и польскихъ новшествъ съ церковно-славянскимъ богослуженіемъ. Примѣч. М. К.

ника спрашивали, желаетъ ли онъ быть православнымъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта, его удаляли отъ мѣста служенія, чтобъ онъ не препятствовалъ желанію прихожанъ присоединиться къ православію. Это порождало тайныя подстрекательства къ сопротивленію въ прихожанахъ, жалобы и вмѣшательство свѣтской власти, усмиравшей безпорядки. Это раздражало греко-унитское духовенство противъ православнаго. Такое миссіонерство древле-православныхъ имѣло мѣсто преимущественно въ Бѣлорусской епархіи ¹⁾. Нѣкоторые священники, рѣшившіеся вмѣстѣ съ прихожанами быть православными, подвергались насмѣшкамъ и презрѣнію римско-католиковъ и унитовъ. Во избѣжаніе этого зла, греко-унитскіе іерархи стремились къ общему воссоединенію унитовъ съ православными. Потому и сами унитскіе архіереи и многіе священники, желавшіе воссоединиться съ православіемъ, не заявляли того, пока не были всѣ приготовлены къ воссоединенію.

Согласно этому плану, при объѣздѣ епархіи, послѣ надлежащихъ объясненій и переговоровъ, я бралъ отъ благочинныхъ подписки въ желаніи ихъ участвовать въ общемъ воссоединеніи греко-унитовъ съ православною церковью. Благочинные обѣщали принимать подобныя подписки отъ подвѣдомственныхъ священниковъ. Впрочемъ, останавливаясь при разныхъ церквахъ, я призывалъ къ себѣ ближайшихъ священниковъ и бесѣдовалъ съ ними объ управленіи церковномъ. Я представлялъ на видъ, что Христомъ учреждены, какъ видно и изъ богословія унитскаго, три степени священства: діаконовство, пресвитерство и епископство; прочія же степени іерархіи для порядка различно устанавливались церковью, соответственно измѣнявшимся обстоятельствамъ. Степени эти обозначались названіями: прото-діаконовъ, архидіаконовъ, протопресвитеровъ, протоіереевъ, благочинныхъ, архі-епископовъ, митрополитовъ и патріарховъ, изъ коихъ нѣкоторые, по обычаю, назывались папами, то-есть отцами (подобнымъ именемъ во многіхъ мѣстахъ называются священники—у насъ попами, у латынянъ патерами). Обязанности и предѣлы вѣдомства начальствующихъ подъ сими именами многообразно измѣнялись ²⁾. Такъ, наша русская церковь первоначально была подчинена цареградскому патріарху; когда же, во время продолжительнаго бѣдствія и ослабленія Руси, часть ея подпала подъ владычество поляковъ, подчиненныхъ патріарху римскому, то почти вся эта часть Руси была подчинена Риму. Теперь же, когда Провидѣнію было угодно, чтобъ эта часть Руси возвращена была русскому государству, можетъ-статься, она будетъ подчинена и русскому церковному управленію, если на то будетъ воля

¹⁾ Прямое непосредственное обращеніе въ православіе безъ постепенныхъ подготовительныхъ мѣръ имѣетъ свою исторію и свои твердыя основы. Оно, конечно, затрудняло постепенное воссоединеніе всѣхъ унитовъ, потому прежде всего, что отнимало сразу лучшихъ унитовъ и давало поводъ латынянамъ возбуждать опасенія въ остальныхъ, немощныхъ совѣстію; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что оно было дурно. Оно рядомъ съ неудобствами принесло пользу и постепенному воссоединенію, именно тѣмъ, что раскрывало великое зло уніи и заставляло вести дѣло воссоединенія твердо и скоро. Не подлежитъ сомнѣнію и можетъ быть доказано документами, что важнѣйшее преобразование въ уніи,— соборное рѣшеніе 1834 г. о возстановленіи въ унитской церкви богослуженія по книгамъ и порядкамъ русской православной церкви, вызвано донесеніями изъ Бѣлоруссіи православныхъ властей духовныхъ и свѣтскихъ о поражающемъ разложеніи въ уніи всего церковно-славянскаго строя, что тутъ же ниже признаетъ и самъ авторъ. Примѣч. М. К.

²⁾ Эти же мысли авторъ высказываетъ и по мѣстамъ излагаетъ обширнѣе въ упомянутомъ его письмѣ къ знакомому римско-католическому священнику. Въ концѣ Воспоминаній автора мы приводимъ эти болѣе распространенныя мѣста, т. е. почти все это письмо. Примѣч. М. К.

Божія. При семъ я намекалъ, что церкви польско-латинская и русско-православная болѣе раздѣлены традиціонною враждой, нежели сущностію ихъ ученій. Обѣ церкви признають семь таинствъ, обѣ исповѣдываютъ Святую Троицу, воплощеніе Сына Божія для спасенія рода человѣческаго, обѣ принимаютъ за основаніе ученія книги учениковъ Христовыхъ и писанія отцовъ первоначальной церкви; обѣ проповѣдываютъ любовь, которая есть сущность ученія Христова..... Значеніе разницы между обоими церквами преувеличиваютъ поляки; насмѣшками надъ греческими обрядами и представленіемъ ихъ въ каррикатурномъ видѣ, они стараются возбудить въ насъ омерзѣніе къ православной церкви, и усилить нами свой враждебный ко всему русскому элементъ. Намъ ли усиливать этотъ элементъ, когда онъ враждебенъ намъ самимъ: не говорятъ ли они, что и мы пахнемъ Русью?... Но судьбы народовъ въ рукѣ Божіей ¹⁾).

Я не оканчивалъ своей рѣчи заключеніемъ, предоставляя священникамъ время размыслить о сказанномъ и сдѣлать свои заключенія при бесѣдахъ ихъ съ благочинными, и увѣзжалъ для подобныхъ бесѣдъ съ другими группами священниковъ.

Да, жизнь народовъ въ рукѣ Божіей. Она слагается изъ дѣятельности множества волей отдѣльныхъ, болѣе или менѣе взаимно гнетущихъ себя, до безконечности разнообразно настроенныхъ разными современными обстоятельствами и сѣдою прошлаго. Только Звѣздитель жизни, Творецъ всѣхъ пружинъ, которыми она движется, можетъ оцѣнить количество и направленіе всѣхъ этихъ безчисленныхъ причинъ и видѣть, къ какимъ они ведутъ результатамъ. Напрасно общественные дѣятели приписываютъ себѣ славу будто бы произведенныхъ ими важныхъ событій. И противъ воли людей дѣйствія ихъ способствуютъ предусмотрѣнному Провидѣніемъ концу. Виленскіе мудрецы, основавшіе главную семинарію и допустившіе воспитываться въ ней уническому духовенству, не ожидали ли результатовъ противныхъ тому, что оказалось на дѣлѣ?

Видно, что дѣйствительно была на то воля Божія, чтобъ униаты воссоединились съ православною церковью. Благочинные со всѣхъ сторонъ присылали болѣе и болѣе подписокъ во свидѣтельство желанія своего видѣть это воссоединеніе.

И благочинные, и простые священники тѣмъ рѣшительнѣе соглашались давать эти подписки, что имъ было извѣстно желаніе архіепископа Іосифа, котораго они глубоко уважали, и при полномъ убѣжденіи, что онъ сумѣетъ дѣло воссоединенія довести до конца стройно, безъ вредныхъ столкновеній. Притомъ все бѣлое уническое духовенство разузнало, что думали объ этомъ важномъ дѣлѣ въ Жировицахъ, гдѣ занимавшіе должности въ консисторіи и семинаріи были челомя, высшимъ авторитетомъ уническаго духовенства: въ Жировицахъ всѣ держали сторону православія.

Такъ какъ общее единовременное воссоединеніе съ православіемъ предполагалось въ неопредѣленной будущности, то я совѣтовалъ священникамъ не разглашать о данныхъ ими подпискахъ, дабы избѣжать преслѣдованія латинянъ. «Пусть они узнають объ этомъ тогда,» прибавлялъ я, «когда всѣ священники подадутъ свои подписки; всѣмъ въ совокупности легко будетъ обороняться; да тогда, Богъ дастъ, поможетъ намъ и правительство». По инстинкту самосохраненія, священники въ точности исполняли мой совѣтъ. Обо всемъ этомъ броженіи въ греко-унитской церкви не знали и въ Петербургѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, принадле-

¹⁾ Мысли, изложенныя здѣсь, тоже развиваются болѣе подробно въ указанномъ и ниже приводимомъ въ извлеченіяхъ письмѣ автора. Прим. М. К.

жавшихъ къ управленію духовными дѣлами, съ которыми высокопреосвященный Іосифъ былъ откровененъ и которыхъ онъ убѣдилъ въ возможности воссоединенія; да зналъ объ этомъ еще покойный Государь Николай Павловичъ. Поэтому неудивительно, что многіе русскіе патріоты считали воссоединеніе унитовъ явленіемъ внезапнымъ, неестественнымъ, и вѣрили полякамъ, что воссоединеніе произведено насиліемъ. Да и сами поляки не вникали въ сущность дѣла, которое отъ нихъ скрывалось.

Какъ не всѣ вдругъ приняли служебники московской печати, такъ не всѣ вдругъ дали и подписки о желаніи общаго воссоединенія съ православіемъ: это дѣло продолжалось два года, не считая времени предварительнаго приготовленія, начавшагося съ 1827 года и продолжавшагося во время раздачи московскихъ служебниковъ.

Духовенство нѣкоторыхъ благочиній было въ родственной связи и близкомъ знакомствѣ съ вице-предсѣдателемъ консисторіи, Михаиломъ Голубовичемъ снискавшимъ уже тогда авторитетъ въ этихъ мѣстностяхъ. Онъ съ успѣхомъ исполнилъ порученное ему миссіонерство, развѣзая по разнымъ церквамъ.

Изъ семисотъ священниковъ Литовской епархіи только четыре отказались дать подписки и объявили предъ епархіальнымъ начальствомъ о нежеланіи своемъ присоединиться къ православію. Они были удалены отъ своихъ приходовъ. Трое изъ этихъ священниковъ дали потомъ требуемыя подписки; только одинъ остался непреклоннымъ: то былъ родной братъ бывшаго профессора Виленскаго университета, Опацевича, одушевленнаго польскими идеями.

Все сказанное мною относилось преимущественно къ бѣлому духовенству; монашествующимъ же, какъ большею частію уроженцамъ римско-католическимъ, при введеніи въ унитской церкви чистыхъ греческихъ обрядовъ, было разрѣшено, по желанію, возвратиться въ латинство, въ вѣдѣніе римско-католическаго начальства. Въ Литовской епархіи нѣкоторые монахи воспользовались этимъ разрѣшеніемъ, но большая часть осталась въ унитской церкви, рѣшившись быть православными по примѣру монаховъ жировицкихъ; небольшое число не желавшихъ православія не перешли въ латинство, чтобы не покидать настоятельскихъ мѣстъ. Они, конечно, понимали, что принятіе московскихъ служебниковъ есть шагъ къ православію, но они знали, что это еще не самое православіе, которое видѣлось ими въ туманной дали. Когда бѣлое духовенство изъявило подписками желаніе общаго присоединенія къ православію, то подобныя подписки потребовались и отъ монаховъ. Со времени подчиненія монаховъ епархіальному начальству, слагавшемуся тогда большею частію изъ лицъ, происходившихъ изъ бѣлаго духовенства, энергическихъ и по тогдашнему времени высоко образованныхъ, снискавшихъ себѣ авторитетъ, монахи старались сблизиться съ бѣлымъ духовенствомъ, что не могло не дѣйствовать на измѣненіе образа ихъ мыслей. Впрочемъ, тогдашніе монахи, какъ предназначенные для учительскихъ должностей въ свѣтскихъ училищахъ, бывшихъ прежде въ вѣдѣніи монастырей, болѣе занимались свѣтскими науками, нежели богословскими тонкостями и не были фанатиками, а нѣкоторые учились богословскимъ наукамъ вмѣстѣ съ учениками главной семинаріи, приходя изъ Виленскаго базилианскаго монастыря, центра базилианскаго просвѣщенія, свѣтскаго и духовнаго. Когда свѣтскія школы были отняты у монастырей, то болѣе способные монахи, еще не достигшіе высшихъ монастырскихъ должностей, были назначаемы въ учителя духовныхъ унитскихъ уѣздныхъ училищъ и даже семинарій, и такимъ образомъ все болѣе и болѣе сблизались съ бѣлымъ духовенствомъ и входили въ виды епархіальнаго

начальства. Отказались отъ православія въ Литовской епархіи только три іеромонаха и два архимандрита, долго жившіе въ Вильнѣ, занимая тамъ высшія должности, и сдружившіеся съ профессорами Виленскаго университета и польскими патриотами. Изъ нихъ одинъ престарѣлый архимандритъ, жившій въ разныхъ монастыряхъ на покоѣ, былъ безвреденъ, а три іеромонаха и одинъ архимандритъ были удалены отъ должностей и препровождены на жительство въ великороссійскія губерніи, съ назначеніемъ имъ приличнаго содержанія.

Отъ монахинь, называвшихся базилианками, не требовались подписки о присоединеніи ихъ къ православію. Которыя исповѣдывались и причащались у своихъ православныхъ духовниковъ, тѣ считались православными.

Почти всѣ базилианскія монахини вышли изъ римско-католическихъ богомолковъ, девокотъ. Только настоятельница Вольнянскаго монастыря (въ Новогрудскомъ уѣздѣ) и Витебскаго были священническія дочери и остались православными. Разумѣется, препятствій ихъ привычкамъ, не противнымъ сущности православія, не дѣлалось. Прочія же почти всѣ перестали исповѣдываться и причащаться у своихъ духовниковъ. Когда, несмотря на увѣщанія, онѣ остались непреклонными, то имъ было разрѣшено удалиться изъ монастыря и жить при родственникахъ. Впрочемъ, во время воссоединенія унитовъ съ православными, монахинь было немного: менѣе десяти на монастырь. Въ числѣ оставившихъ монастырь была и настоятельница минскихъ монахинь, еще во время уніи перемѣщенныхъ въ Мядзюль¹⁾ (Вилейскаго уѣзда), Параскевія Левшецкая, переѣхавшая изъ монастыря къ своему брату, у котораго живетъ и понынѣ. Она никогда не была ни въ Витебскѣ, ни въ Полоцкѣ, и не называлась Мечиславскою, какъ называетъ настоятельницу минскихъ монахинь упомянутая выше легенда о вымышленномъ мученіи минскихъ базилианокъ.

Какъ шло дѣло присоединенія къ православію въ Бѣлорусской епархіи, это мнѣ въ подробности неизвѣстно. Знаю только, что тамъ гораздо позже начали готовить духовенство къ воссоединенію съ греко-русскою церковію. Причиной этого замедленія было то, что Бѣлорусская епархіа была тогда подъ главнымъ управленіемъ митрополита Булгака, поступившаго въ монашество изъ римско-католиковъ. Хотя онъ въ званіи предсѣдателя греко-унитской коллегіи не противился распоряженіямъ коллегіи, дѣланнымъ по иниціативѣ литовскаго архіепископа Іосифа и заключавшимъ въ себѣ общія мѣры, сблизившія унитовъ съ православными; однакожь, по воспитанію своему въ Римѣ и по связямъ съ панами, онъ не желалъ, чтобы воссоединеніе, которое онъ предвидѣлъ, совершилось при его жизни. Притомъ, прежде Булгака долгое время управлялъ Бѣлорусскою епархіей епископъ Іаковъ Мартусевичъ, преданный іезуитамъ.

При этихъ обстоятельствахъ, въ Бѣлорусской епархіи сильно противодѣйствовало воссоединенію разглашеніе пановъ, прикидывавшихся доброжелателями Россіи, что прекращеніе уніи вызоветъ смуту въ народѣ и поведетъ къ рѣзнѣ. Между тѣмъ помѣщики, пренебрегавшіе прежде унитскими попами, начали съ ними дружить, съ цѣлю отклонить ихъ отъ подписокъ, подобныхъ тѣмъ, которыя давались священниками Литовской епархіи, какъ доносила имъ молва. Все это удерживало дѣятельность просвѣщеннаго и преданнаго дѣлу воссоединенія

¹⁾ По упраздненіи Мядзюльскаго монастыря, въ зданія его были перемѣщены минскія базилианки около 1834 года, по тому уваженію, что ихъ имѣнія были вблизи Мядзюля, а ихъ минскія зданія потребовались для городского госпиталя.

бѣлорусскаго духовенства и самого викарнаго епископа Василія, зависѣвшаго отъ епархіальнаго архіерея Булгака. Почти послѣ смерти Булгака начали откровенно говорить изъшему духовенству о проектѣ воссоединенія унитовъ съ православными, и не желая отстать отъ Литовской епархіи, потребовали отъ священниковъ подписокъ. Многіе священники колебались; тогда послѣдовало перемѣщеніе священниковъ изъ тѣхъ благочиній, гдѣ была стачка противъ проекта воссоединенія, въ другія, боѣе благонадежныя, гдѣ упорные, въ сторонѣ отъ вреднаго вліянія, могли бы поразмыслить и поучиться. Многіе съ этою цѣлю были вызываемы къ епархіальному начальству. Когда почти всѣ священники согласились на общее воссоединеніе съ православною церковію, то немногіе (кажется, около десяти), не желавшіе православія, были отрѣшены отъ приходоѡвъ, и чтобъ они не возмущали народа, были высланы въ великорусскія губерніи.

Довершилось дѣло воссоединенія соборомъ унитскихъ архіерееѡвъ, собравшихся въ Полоцкѣ, и другими формальностями, извѣстными изъ обнародованныхъ официальныхъ документовъ. Я имѣлъ намѣреніе разсказать только о томъ, что въ жизни греко-унитской церкви, пренебрегаемой и поляками и русскими, было неизвѣстно публикѣ; а это неизвѣстное было причиною лжетолкованій, которымъ подверглось воссоединеніе унитовъ и которыя распространялись въ видахъ польскихъ революціонеровъ и ультрамонтановъ.

V.

Въ заключеніе сдѣлаю замѣчаніе о связи двухъ польскихъ мятежей, 1830 и 1863 годовъ, съ современными этимъ мятежамъ періодами жизни греко-унитской церкви и русскаго народа западныхъ губерній. Связь эта обнаруживаетъ задушевное желаніе здѣшнихъ пановъ держать въ рабствѣ русскій народъ посредствомъ невѣжества, а невѣжество народа поддерживать необразованностію греко-унитскаго духовенства, чѣмъ достигались и виды ультрамонтановъ, какъ я объяснялъ прежде. Мятежъ 1830 года возникъ вскорѣ по учрежденіи училищъ для просвѣщенія греко-унитскаго духовенства. Во время этого мятежа было сдѣлано усиліе закрыть Жировицкую новоучрежденную семинарію. Всѣ зданія семинарскія, по указанію предводителя дворянства и чиновниковъ изъ поляковъ, были заняты русскимъ военнымъ госпиталемъ, хотя были въ городѣ Слонимѣ монастыри римско-католическіе (Жировицы въ 9 верстахъ отъ Слонима), а также вблизи былъ Бытенскій базилианскій монастырь съ огромными зданіями,—и вотъ Жировицкая семинарія была закрыта. Несмотря на то, что вскорѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о немедленномъ вынесеніи изъ Жировицъ госпиталя, повелѣніе это не было исполнено до окончанія мятежа.

Мятежъ 1863 года возникъ вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго права. Я согласенъ, что вожди революціи имѣли иныя цѣли; но вѣрно они знали потребности сердца здѣшнихъ пановъ, что выбрали для мятежа эти, а не иные моменты жизни здѣшняго края. Они знали, чѣмъ возбудить къ мятежу русскую Литву, безъ которой Польша равняется для нихъ почти нулю.

Да не посѣтуютъ на меня поляки за то, что я, не желая противорѣчить своему убѣжденію, сказала имъ много неприятнаго. Это не значитъ, чтобы я не признавала въ нихъ много очень хорошихъ качествъ. Не соглашаясь съ ними, я далеко отъ ненависти къ нимъ, и искренно страдаю, смотря на ихъ нравственную

религіозно-патріотическую болѣзнь, причиняющую такъ много вреда и имъ самимъ, и всему краю, болѣзнь очень не гармонирующую съ ихъ политическимъ положеніемъ, возбуждающую въ нихъ стремленіе противное потребностямъ и желаніямъ огромнаго большинства здѣшняго народа и препятствующую имъ видѣть явленія жизни такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а не въ фантастическихъ образахъ. Даже благоразумнѣйшіе изъ поляковъ здѣшнихъ, порицающіе послѣдній мятежъ и возжигателей мятежа, сами не замѣчая того, возжигаютъ другихъ къ мятежу, истолковывая въ худую сторону всякій шагъ правительства.

И русскіе патріоты, и само правительство знаютъ, что въ Россіи, при развитіи жизни, оказалось много негоднаго, что считалось прежде необходимымъ. Пусть же здѣшніе паны, напрасно называющіе себя поляками, соединятъ свои усилія съ русскими для выясненія мѣръ къ дальнѣйшему прогрессу общаго отечества, Россіи, вмѣсто разжиганія страстей язвительными остротами и клеветой, вмѣсто стремленія къ насильственному разрушенію государственнаго зданія, чтобы, возстановляя Польшу, возвратиться къ началу борьбы. Это значитъ не впередъ идти, а пятиться назадъ. Поляковъ соблазнила италіанская революція, но они упустили изъ вида, что италіанцы стремятся къ соединенію частей Италіи, чтобы общимъ единствомъ быть сильными и независимыми, а поляки стремятся къ разбѣденію одноплеменныхъ и слѣдовательно къ ослабленію. Это я говорю патріотамъ; но кромѣ ихъ, возстаніемъ двигали еще двѣ пружины, чисто-революціонная, совращавшая и губившая добродушныхъ молодыхъ людей, и ультрамонтанство, которое внесло и постоянно вноситъ вражду въ христіанство славянское. Благонамѣреннымъ изъ числа ультрамонтановъ я посовѣтывалъ бы почитать со вниманіемъ книгу католика-француза, Рошелля, *L'ultramontanisme dévoilé* (Paris 1861). Пусть поручатъ они безпристрастному ученому подвергнуть повѣркѣ его цитаты, подобно тому, какъ мы въ Жировицахъ повѣряли цитаты ультрамонтанскія!...

Архіепископъ Антоній.

Письменное удостовѣреніе (подписка) Антонія Зубко въ его готовности принять православіе, данное Іосифу.

1834 г. 8 февраля. Ваше Преосвященство давно уже знаете мой образъ мыслей и мои чувства къ Православной Греко-Россійской Церкви; знаете мое твердое убѣжденіе объ истинѣ вѣрованія сея Церкви и заблужденіи Римлянъ; знаете мое негодованіе къ проискамъ Латинянъ и Поляковъ, унію произведшимъ; знаете мое соболѣзнованіе о послѣдовавшемъ отъ сего перерожденіи полутора милліона народа, русскаго языкомъ и происхожденіемъ; знаете мое искреннее участіе въ благомъ дѣлѣ обращенія уніатовъ на лоно православной церкви; знаете мою готовность присоединиться самому нынѣ же къ сей нашей общей матери—прародительской Церкви; знаете мою совершенную довѣренность къ мѣрамъ, кои правительству благоудно будетъ принять по уніатскому дѣлу—все это знаете, и я съ удовольствіемъ исполняю желаніе Вашего Преосвященства, объявляя вамъ о семъ письменно.—(Записки Іосифа т. I, стр. 659).

ПИСЬМО

БЫВШАГО МИНСКАГО АРХІЕПИСКОПА АНТОНІЯ (ЗУБКО) КЪ ОДНОМУ
ЗНАКОМОМУ ЕМУ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОМУ СВЯЩЕННИКУ.

Прочитавши брошюру «Папство», вы убѣдитесь, что никогда не исполнятся ваши предсказанія о томъ, что мы, увлеченные потокомъ двухсотмилліоннаго римскаго христіанства, сдѣлаемся когда нибудь папистами.

Изъ этой брошюры я узналъ, что даже іезуитъ Перонне признаетъ подложными исидоровскія декреталіи, на которыхъ, въ средніе вѣка, начали основывать неограниченную власть папъ,—будто бы существовавшую въ первыхъ вѣкахъ христіанства. При недостаткѣ исторической критики, въ средніе варварскіе вѣка—на западѣ, декреталіи эти признавали подлинными; онѣ вошли въ каноническое право (*corpus juris canonici*); на основаніи ихъ развивались на западѣ послѣдующія постановленія и жизнь римской церкви. Только въ XII вѣкѣ открыли и убѣдились въ подложности ихъ по средневѣковому слогу *), несходному съ языкомъ первыхъ вѣковъ христіанства, и по указаніямъ въ этихъ декреталіяхъ на такія учрежденія, которыя получили свое начало въ средніе вѣка. Такъ объясняли намъ все это профессора—Капелли и Клонгевичъ.

Мы когда то, въ Жировицахъ, по случаю вопроса о воссоединеніи униатовъ съ православною церковію, рылись въ сочиненіяхъ святыхъ отцовъ и вселенскихъ соборовъ и открыли, въ спорѣ съ латинистами, доказательствъ правоты православія болѣе, нежели сколько заключается въ этой брошюрѣ. Мы читали поддѣланный латинистами 1 Никейскій соборъ, въ которомъ, на примѣръ, правило о недопущеніи въ священство новообращенныхъ замѣнено правиломъ о намѣстничествѣ Христовомъ папѣ и о власти ихъ надъ всею церковію. Мы видѣли въ латинскомъ переводѣ Символа Аѳанасія прибавленіе *и отъ Сына (Filioque)*, котораго нѣтъ въ греческомъ подлинникѣ, напечатанномъ рядомъ съ латинскимъ переводомъ. Мы читали въ предисловіи переводчика наивное признаніе, что онъ, нашедши нѣкоторыя выраженія святыхъ отцевъ несогласными съ ученіемъ церкви (разумѣется латинской), сдѣлалъ свои поправки **). Читая книжки противъ восточныхъ *схизматиковъ*, особенно раздаваемые бесплатно униатамъ въ 1830 году, мы убѣдились, что цитаты ихъ взяты изъ поддѣльныхъ документовъ, которыхъ не приводитъ и богословъ Клипфель, хотя эти цитаты ясно подтверждаютъ ученіе римской церкви, въ подтвержденіе котораго Клипфель при-

*) И по отсутствію ихъ въ древнихъ, греческихъ писаніяхъ каноническихъ и догматическихъ.

**) Книжка эта въ особенности побудила насъ прилежно разсмотрѣть сочиненія святыхъ отцевъ и постановленія соборовъ. Намъ казалось удивительнымъ, почему Клипфель не приводитъ столь ясныхъ доказательствъ. Оказалось потому, что онъ считалъ безчестнымъ ссылаться на поддѣльные документы. Не будь этой ультрамонтанской книжки, униаты, можетъ быть, и до сихъ поръ не были бы соединены съ православіемъ.

водить доказательства очень неудовлетворительныя. Мы открыли, что похвалы святому Петру и некоторымъ папамъ, находящіяся въ богослужебныхъ книгахъ и въ сочиненіяхъ св. отцевъ и соборовъ (напримѣръ, знаменитое выраженіе *Petrus per Leonem dixit*,—Петръ сказалъ устами Льва), даваемы были и другимъ апостоламъ и разнымъ епископамъ. Похвалы эти относятся къ личнымъ качествамъ, а не ко всемъ бывшимъ и имѣющимъ быть на ихъ кафедрахъ. Такое же значеніе имѣютъ и письменныя сношенія папъ съ разными епископами, на основаніи которыхъ латинисты утверждаютъ, будто папы занимались всеобщими интересами и имѣли власть надъ всею церковію. Мы убѣдились, что во многихъ дѣлахъ инициатива исходила и отъ другихъ епископовъ, которые также имѣли письменныя сношенія со многими епископами, и въ сомнительныхъ случаяхъ или объясняли другимъ, какъ должно вѣрить, или спрашивали о томъ не одного епископа римскаго, но и другихъ епископовъ, особенно возстававшихъ на знаменитыхъ кафедрахъ. Напримѣръ, ни одинъ папа первыхъ вѣковъ христіанства не велъ такой обширной переписки, какъ Аѳанасій, по вопросу о божествѣ Иисуса Христа, и за то превозносили Аѳанасія, называя его столпомъ церкви. Изъ этого видно, что въ первыхъ вѣкахъ христіанства было *общеніе* церквей, а не *господство* одной надъ другою. Въ древности боялись даже тѣни неравенства власти епископовъ. Папа Григорій, доказывая въ своихъ посланіяхъ равенство власти всѣхъ епископовъ,—если бы въ то время вѣрили во власть надъ всею церковію епископовъ римскихъ,—непремѣнно упомянулъ бы, что одинъ только есть вселенскій епископъ римскій, но онъ постоянно повторяетъ, что нѣтъ ни одного вселенскаго учителя. Ультрамонтаны поставляютъ вѣру въ папскую власть основаніемъ христіанства. Если бы это была правда, то неужели бы Христосъ не сказалъ прямо: Я даю верховную власть надъ всеми Петру и преемникамъ его, которые будутъ моими намѣстниками на землѣ, и неужели бы, въ теченіи осьми вѣковъ, не говорили о столь важномъ догматѣ святые отцы, жившіе въ тѣхъ вѣкахъ? Почему они не преподавали этого ученія, объясняя слова Христовы *о камени*, на которомъ Христосъ созиждетъ церковь; но говорятъ, что этотъ камень есть Христосъ, есть вѣра въ божество Христово, исповѣданная отъ имени всѣхъ апостоломъ Петромъ и что Петру не дано болѣе другихъ апостоловъ. Почему въ словахъ о пасеніи овецъ, сказанныхъ послѣ троекратнаго вопроса Христа: «любишь ли меня Петръ?», святые отцы не усматриваютъ необыкновенной власти, данной исключительно Петру, какъ желаютъ того ультрамонтаны, но видятъ въ этихъ словахъ какъ бы укоризну Петру, который прежде хвалился, что если бы преслѣдуемаго Христа всѣ оставили, онъ пойдетъ съ нимъ даже на смерть, а послѣ троекратно отрекся отъ Христа. Святые отцы говорятъ, что когда Христосъ спросилъ въ третій разъ: «любишь ли меня Петръ?» Петръ догадался, что это намекъ на троекратное отреченіе, потому евангелистъ прибавляетъ, что Петръ смутился, и что Христосъ словами *паци овцы моя*, возвращаетъ Петру апостольскую власть, поколебавшуюся троекратнымъ отреченіемъ. Христосъ зналъ пылкій характеръ Петра, способный къ великимъ и искреннимъ обѣщаніямъ, но слабый въ исполненіи ихъ, какъ мы часто видимъ въ людяхъ подобнаго характера. Потому Иисусъ Христосъ въ другое время говорилъ Петру, что онъ будетъ молиться, чтобы не ослабѣла вѣра его и чтобы обратившись (разумѣется, отъ заблужденія по слабости), онъ утверждалъ братьевъ

своихъ. Святые отцы объясняютъ: «утверждать, значить подавать примѣръ покаянія и исправленія».

Вселенскіе соборы первыхъ вѣковъ христіанства, устраивая іерархію, опредѣлили провинціи, которыя должны подлежать вѣдѣнію каждаго патріарха; назначали провинціи и римскаго патріархата, но ни однимъ словомъ не намекнули на то, чтобы римскій патріархъ былъ вселенскій владыка. Правда, еще до принятія христіанства Константиномъ Великимъ, когда государи были язычниками, римскіе епископы имѣли большое значеніе въ христіанствѣ: при ихъ дружественномъ посредничествѣ, *по жительству въ столицѣ государства*, христіане, разсѣянные по огромному римскому царству, легче устраивали свои дѣла у государственныхъ властей; они были какъ бы депутатами христіанства и уполномоченными его, но все это не по установленію Божію, не по власти надъ другими патріархами, не по главенству въ церкви, а потому, что они жили въ столицѣ государства. По этому случаю, какъ объясняетъ четвертый вселенскій соборъ, впоследствии предоставлено было первенство *) римскому епископу, какъ епископу столичнаго города, а когда столица перенесена была въ Константинополь, отцы втораго собора дали такое же первенство патріарху константинопольскому, *справедливо разсудивши, чтобы и родъ, получившій честь быть городомъ императора и сикклита и имѣющій равное превосходство съ старымъ Римомъ, подобно тому возвышенъ былъ и въ дѣлахъ церковныхъ*.

Въ первыхъ вѣкахъ нашей эры, христіанство ограничивалось только римскимъ государствомъ. На какія провинціи и епархіи дѣлилось римское государство, къ тѣмъ же дѣленіямъ приспособлено было и раздѣленіе церковнаго управленія. Гдѣ сосредоточивалась гражданская власть, тамъ и епископы имѣли большое значеніе и завѣдываніе епископами, живущими въ ихъ провинціи. Иисусъ Христосъ установилъ въ іерархіи только діаконовъ, священниковъ и епископовъ (три степени священства): архидіаконы, протопресвитеры, архіепископы, митрополиты возникли по учрежденіямъ человѣческимъ, сообразнымъ съ временными и мѣстными обстоятельствами. Титулы митрополитовъ и патріарховъ не давали власти надъ другими, даже подвѣдомственными имъ епископами, но только предсѣдательства. Ни митрополиты, ни патріархи не имѣли права, безъ согласія подвѣдомственныхъ имъ епископовъ, ни судить епископа, ни опредѣлять на вакантныя мѣста, ни давать ему законовъ. Это доказывается древнѣйшими церковными канонами, извѣстными подъ названіемъ правилъ апостольскихъ, а также постановленіями всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ.

Съ паденіемъ римскаго царства и появленіемъ многихъ христіанскихъ государствъ, независимыхъ другъ отъ друга, подобныхъ римскому царству, явилось много столицъ и столичныхъ епископовъ; оттого образовалось на востокъ много церквей, независимыхъ отъ древнихъ каедръ, не вошедшихъ въ составъ новыхъ государствъ.

Было бы слѣпою рутиной держаться тѣхъ дѣленій церкви, на которыя раздробили ее нѣкогда римскіе императоры въ своемъ царствѣ. По мѣрѣ уразумѣнія ученія Христова такъ, какъ его понимали въ первыхъ просвѣщенныхъ вѣкахъ христіанства, ощущается и на западѣ потребность національныхъ церквей.

*) Въ спискѣ патріарховъ—не болѣе.

Восточныя національныя церкви устроивались по образцу церкви, устроенной нѣкогда въ римскомъ царствѣ, и хотя не поминены одна другой, но въ важнѣйшихъ дѣлахъ сообщаются между собою и живутъ въ согласіи, въ единеніи вѣры и любви, а это именно и составляетъ признакъ единства церкви, согласно апостольскому ученію: едино крещеніе, едина вѣра, едина надежда и взаимная любовь. Ни въ Священномъ Писаніи, ни въ сочиненіяхъ св. отцевъ не поставлена характеристическимъ признакомъ единства церкви зависимость отъ власти и управленія одного какого нибудь лица; напротивъ, такую мысль осуждаетъ апостоль Павелъ, укоряя коринтянъ, что нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что одни принадлежатъ Павлу, другіе Силѣ, а нѣкоторые Петру. Апостоль Павелъ, исправляя такое ученіе, не говоритъ, что все зависяетъ только отъ Петра, но что все зависяетъ отъ Христа. Римскіе католики также учатъ, что все принадлежитъ Христу, какъ невидимой главѣ, но при томъ все должны зависѣть и отъ видимой главы — епископа римскаго, намѣстника невидимаго Христа. Однакожъ Павелъ прямо говоритъ о видимыхъ начальникахъ церквей: о себѣ, о Силѣ и о Петрѣ. Здѣсь бы именно къ мѣсту было сказать, что одинъ Петръ есть намѣстникъ Христа, — всеобщая видимая глава, если бы онъ вѣрилъ во вселенское начальство Петра.

Выраженіе *намѣстникъ Христовъ* не имѣетъ значенія, если сопоставить его съ евангельскимъ ученіемъ, или лучше есть неабытность. Люди назначаютъ намѣстниковъ, когда сами не могутъ исполнять обязанностей по отсутствію своему въ какомъ нибудь мѣстѣ, гдѣ нужно дѣйствовать, или по слабости силъ заняться всеми дѣлами, и потому нѣкоторые изъ нихъ передаются вѣдѣнію намѣстника. Христосъ же не можетъ быть ни слабымъ, ни отсутствующимъ, по Своему общанію: се азъ съ вами есмь до скончанія вѣка. Человѣкъ умершій не присутствуетъ на землѣ, но Христосъ, по ученію нашей вѣры, находится между нами и по смерти. Какъ же онъ управляетъ церковію, когда его никто не видитъ? Божественною своею силою онъ даетъ благодать, соединяющую людей достойныхъ того въ одну вѣру, въ одну надежду и во взаимную любовь. А между тѣмъ латинисты утверждаютъ, что папы суть намѣстники Христа, потому что они намѣстники Петра, потому что Петръ умеръ въ Римѣ. Если бы смерть въ какомъ нибудь мѣстѣ давала тому мѣсту какую нибудь особенную привилегію, то смерть Христова должна бы была передать намѣстничество Христово епископамъ іерусалимскимъ особенно потому, что тамъ, по смерти Иисуса Христа, епископомъ былъ родственникъ Иисуса Христа по плоти апостоль Іаковъ.

Если бы св. Петру и епископамъ римскимъ дана была необыкновенная власть, какъ утверждаютъ латинисты, то Петръ, вслѣдствіе этой власти, распоряжался бы апостолами, одного послалъ бы въ одну страну, другого въ другую, третьяго въ третью, давалъ бы имъ инструкціи, — требовалъ отчета; но объ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго помину, напротивъ Павелъ апостоль, въ посланіи къ Галатамъ, укоряетъ Петра за соблюденіе еврейской обрядности предъ христіанами изъ евреевъ и за несоблюденіе ея предъ христіанами изъ язычниковъ. Прежде этого укора Павелъ даетъ знать, что онъ получилъ власть, какъ другіе апостолы, отъ самого Иисуса Христа, что онъ не ниже другихъ апостоловъ, даже Іакова, Петра и Іоанна, считавшихся столпами. Замѣтить слѣдуетъ, что здѣсь Іаковъ поставленъ на первомъ мѣстѣ. Ультрамонтаны выводятъ начальство Петра надъ другими апостолами изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,

при исчисленіи апостоловъ, Петръ ставится на первомъ мѣстѣ. Укоръ, данный Петру, показываетъ подобно отреченію его отъ Христа, что Петръ, при всемъ усердіи своемъ, однакожь былъ человѣкъ шаткій, нетвердый. Равнымъ образомъ нѣтъ никакого слѣда въ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства, чтобы сами епископы римскіе назначали епископовъ, низлагали ихъ, перемѣщали на другія мѣста, или устанавливали для нихъ законы, если не примемъ за доказательство подложныхъ декреталій, о которыхъ я говорилъ и которыя для того именно вымышлены, что не было истинныхъ доказательствъ о существованіи въ первыхъ вѣкахъ такой власти римскихъ епископовъ, какую приписываютъ имъ паписты. Эти декреталіи составляютъ собраніе разныхъ декретовъ, будто бы изданныхъ епископами римскими въ первыхъ вѣкахъ христіанства.

Добросовѣтнѣйшіе латинисты, не ссылаясь на поддѣльные документы, но и не желая разстаться съ ученіемъ о папской власти и объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына, говорятъ, что объ этихъ догматахъ потому не упоминается въ сочиненіяхъ первыхъ вѣковъ христіанства, что тогда никто не сомнѣвался въ томъ, слѣдовательно не было надобности писать о томъ. Этому повѣряютъ развѣ тѣ, которые не читали святыхъ отцевъ и знаютъ объ нихъ только по цитатамъ. Кто читалъ святыхъ отцевъ, тотъ видитъ, что они разбирали каждое слово священнаго писанія, вникая въ духъ ученія Христова, не справляясь, возникло ли о какой нибудь его части сомнѣніе или нѣтъ. Такъ, въ древнихъ нашихъ пѣснопѣніяхъ на праздникъ сошествія Святаго Духа всесторонне развито ученіе о немъ. На основаніи слова Божія Святому Духу приписываются различныя свойства и между прочимъ говорится, что Онъ исходитъ отъ Отца, а не сказано, что онъ исходитъ отъ Сына, потому что нѣтъ того въ священномъ Писаніи.

Исторія показываетъ, что ученіе объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына появилось первоначально въ Испаніи, гдѣ была въ модѣ испорченная философія Аристотеля, заимствованная отъ арабовъ. Испанскіе христіане, ломая голову надъ этой философіей, усмотрѣли Троицу въ душѣ человѣка, въ чемъ и видѣли подобіе людей съ Богомъ. Имъ казалось, что способность познания соответствуетъ Богу Отцу, знаніе соответствуетъ Сыну, а воля Святому Духу. Далѣе разсуждали такъ: какъ безъ познанія не можетъ быть желанія на основаніи извѣстной истины: *ignoti nulla cupido*, то Духъ Святой долженъ происходить и отъ Сына... Папа Леонъ III протестовалъ противъ такого ученія, но его защищалъ Карлъ Великій, при содѣйствіи Алкуина, изъяслявшаго претензіи на высшіе взгляды, хотя онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Современемъ это ученіе постепенно распространилось по всему Западу. При возрожденіи наукъ на западѣ, когда авторитетъ Аристотеля сдѣлался недостаточнымъ и начали требовать авторитета священнаго Писанія и св. отцевъ, между тѣмъ не хотѣли признаться въ ошибкѣ, потому что на западѣ мнѣніе о непогрѣшимости римской церкви успѣло уже утвердиться, то стали натягивать смыслъ священнаго Писанія и поддѣливать сочиненія святыхъ отцевъ (какъ я сказалъ выше).

Во времена всеобщаго невѣжества на западѣ, латинисты, не зная уже греческаго языка, на которомъ были писаны сочиненія святыхъ отцевъ и постановленія первыхъ вселенскихъ соборовъ,—не могли повѣрить своихъ мнѣній, порожденныхъ обстоятельствами, съ ученіемъ первоначальной церкви; потому и неудивительно, что римская церковь, въ теченіи почти тысячи лѣтъ своего

варварства, удалилась отъ ученія первыхъ вѣковъ христіанства. Святый Іеронимъ, совершившій путешествіе по востоку, высказалъ мнѣніе, что тамъ (на востокъ) источникъ христіанства, а на западъ только ручейки (rivuli). Исторія присовокупляетъ, что эти ручейки, протекая по неблагопріятной почвѣ средневѣковаго варварства, значительно помутились. Изъ исторіи также видно, что даже предъ паденіемъ просвѣщенія въ первыхъ вѣкахъ христіанства, съ трудомъ и медленно принималось христіанство въ западной части римскаго царства. Римская аристократія очень враждебно относилась къ христіанству. Это отчасти было причиною, что императоръ Константинъ Великій, вознамѣрившись принять христіанство перенесъ свою столицу изъ Рима въ Византію, гдѣ христіанство было уже въ силѣ. Такимъ образомъ христіанство возникло и организовалось на востокъ.

Что западъ учился и заимствовалъ формы разившагося христіанства съ востока, это доказывается множествомъ церковныхъ греческихъ словъ, употребляемыхъ до нынѣ на западъ, какъ то: папа, епископъ, пресвитеръ, діаконъ, монахъ, каноникъ, патріархъ, синодъ, діецезія, епархія, литургія, пентекостъ, епифанія (Богоявленіе), еклезія (церковь), баптизмъ (крещеніе), хризма (мвро), сѣмволъ и т. д. Даже десятикратное повтореніе въ началѣ обѣдни *Кирие елейзонъ* осталось у римлянъ отъ неблагоразумнаго сокращенія прекрасной нашей эктени, изъ которой исключены всѣ прошенія, съ оставленіемъ только того, что послѣ каждаго прошенія отвѣчалъ народъ *Кирие елейзонъ* (Господи помилуй).

По случаю непрестанныхъ набѣговъ и войнъ, свирѣпствовавшихъ повсюду на западъ, надолго прекратилось сообщеніе съ востокомъ и римской церкви, и когда варварскіе народы начали устроиваться, и восточная церковь могла приглядѣться къ западной, то какъ же она должна была изумиться, нашедши учениковъ своихъ въ невѣжествѣ, присвоивающихъ однако себѣ непогрѣшимость, претензію господства надъ всею церковію и ученія восточныхъ христіанъ, въ которыхъ варвары не погасили просвѣщенія, и у которыхъ живо сохранилось преданіе о жизни первоначальнаго христіанства.

Исторически извѣстно, что честолюбіе это получило свое начало съ того времени, когда римскіе епископы, среди всеобщаго хаоса на западъ, успѣли сдѣлаться свѣтскими государями. Велѣдъ за тѣмъ нашлись льстецы, которые начали приписывать епископамъ-государямъ и высшую духовную власть. Всеобщее невѣжество способствовало распространенію этого ученія—особенно потому, что новообращенные варвары, не имѣя преданія объ истинномъ ученіи, принимали такое, какое имъ преподавали.

Духовная власть папъ, зараженная свѣтскою властію, стремясь къ теократіи надъ всѣмъ свѣтомъ, употребляла къ тому средства, свойственныя у варварскихъ народовъ власти свѣтской. Ученіе Христово, дышащее истиной и любовью, она не содрогалась распространять огнемъ, мечемъ и разными интригами. Это доказываютъ инквизиціи, кровавое крещеніе американцевъ, саксонцевъ, пруссовъ и нынѣшнихъ нашихъ остзейскихъ губерній, совращеніе ужасными преслѣдованіями чеховъ—сначала съ восточнаго обряда, а потомъ съ протестантизма. Всѣ славянскіе народы смиренно приняли христіанство съ востока, не исключая и самой Польши. Папы, вторгаясь съ своимъ обрядомъ между славянами, раздѣлили ихъ на два враждебныхъ лагеря и тѣмъ ослабили ихъ силу и единомысліе. Польша съ давнихъ временъ употребляема была ими, какъ орудіе

для подчиненія русскаго христіанства папской теократіи. Изъ открытых и постоянно вновь открываемыхъ въ большомъ числѣ документовъ видно, что поляки, подстрекаемые папами и латинскимъ духовенствомъ, особенно іезуитами, къ совращенію русскихъ, находившихся подъ владычествомъ Польши въ латинскій обрядъ,—употребляли совершенно не христіанскія, а кровавыя средства, не вполнѣ утаенныя даже польскою литературой. Поляки сдѣлались самыми завзятыми ультрамонтанами между всеми папистами. Они приняли христіанство съ запада въ то время, когда папская теократія входила въ силу; они получали воспитаніе (особенно въ нынѣшнихъ западныхъ губерніяхъ) въ монастыряхъ и большею частію у іезуитовъ, которыми переполненъ былъ нашъ край. Римско-католическія семинаріи у насъ имѣли своими правителями и учителями папскихъ миссіонеровъ. Надобно знать, что все монастыри приняты были подъ особенное покровительство папъ и изъяты были изъ вѣдомства епископовъ, оттого монахи были самыми ревностными распространителями папизма и понимали его въ духъ самыхъ завзятыхъ ультрамонтановъ. Одна только главная семинарія при бывшемъ виленскомъ университетѣ не изучала ультрамонтанской науки; потому монахи считали ее какимъ то массонскимъ заведеніемъ.

Я слышалъ, что въ римско-католической духовной академіи въ С.-Петербургѣ, учатъ теперь по руководству тонкаго богословскаго софиста, злобнаго врага русскаго православія,—іезуита Перонне. Значитъ, нашимъ полякамъ внушаема была и нынѣ внушается ненависть къ православнымъ русскимъ, какъ къ врагамъ самого Бога за то, что они не вѣрятъ въ папу; потому что они относительно его «бунтовщики и подобны дьяволамъ». Образцомъ этой науки служатъ слѣдующія слова декламированныя съ профессорской кафедры во Львовѣ: «схизматики суть дѣти дьявола, церковь схизматиковъ есть дьявольская синагога, въ причастіи схизматиковъ сидитъ самъ дьяволъ». Подобныя наставленія внушаются у насъ особенно во время исповѣди; это рассказывали мнѣ сами исповѣдывавшіеся. Удивительно ли послѣ этого, что во время послѣдняго возстанія поляковъ, разжигаемаго въ костелахъ, слышались восклицанія: «острите косы для истребленія схизматиковъ!» Это мнѣ случилось читать въ возмутительныхъ стихахъ. Итакъ, у насъ передъ глазами живое доказательство, какъ римскій католицизмъ, или лучше, его ультрамонтанскій взглядъ, вторгающійся между славянами, ультрамонтанизмомъ раздѣляетъ ихъ на двѣ враждебныя партіи. Вы говорите, что римское католичество проводитъ въ славянствѣ цивилизацію, просвѣщеніе? Нѣтъ! Даже чистое христіанство, не говоря о папской его формѣ, идетъ однимъ, а цивилизація и просвѣщеніе совсѣмъ инымъ путемъ. До христіанства, греки, а потомъ римляне, были просвѣщеннѣе и цивилизованнѣе западныхъ средневѣковыхъ христіанъ. Правда, христіанство смягчаетъ нравы, не противодѣйствуетъ просвѣщенію, способствуетъ цивилизаціи; но все это дѣлаетъ не современное римское христіанство, которое основано на вѣшнемъ преобладаніи, которое вноситъ въ свѣтъ и міръ ученія Христова мракъ человѣческихъ страстей и заблужденій, въ которомъ нѣтъ любви, нѣтъ смиренія, нѣтъ истины. Въ одномъ и томъ же христіанствѣ одно будутъ видѣть просвѣщенные, а иное темные люди. Невѣжда Попій, римскій христіанинъ перваго вѣка, въ христіанствѣ видитъ какіе то неопредѣленные призраки,—а Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Афанасій, Григорій и другіе святители первыхъ вѣковъ христіанства,

образованные наукою, хотя выработанною язычниками, ясно видятъ въ христіанствѣ полезнѣйшія для человѣчества истины, которыхъ они не могли найти у греческихъ философовъ. Въ среднихъ вѣкахъ, когда просвѣщеніе погасло на западѣ, тамошніе христіане думали, что жечь и мучить иначе понимающихъ религію есть долгъ христіанскій и великая заслуга предъ Богомъ. Теперь, по мѣрѣ распространения просвѣщенія, убѣждены, что преслѣдованіе религіи есть варварство, противное ученію Иисуса Христа, который говорилъ апостоламъ: «если не послушаютъ вашего ученія, выходите изъ того дома». Ученіе Христово повелѣваетъ любить добрыхъ и злыхъ, по примѣру Бога, который приказалъ солнцу свѣтить какъ злымъ, такъ и добрымъ, особенно потому, что люди менѣе Бога способны отличать добрыхъ отъ злыхъ. Очевидно, что религія и просвѣщеніе необходимы одно для другого, но не производятъ другъ друга. Чистая религія не должна полагать преграды просвѣщенію и основывающейся на немъ цивилизаціи. Посмотримъ, исполняетъ ли эту обязанность христіанство въ формѣ ультрамонтанской?

Что такое просвѣщеніе?

Не говоря о многосложныхъ подмосткахъ, необходимыхъ для облегченія доступа къ просвѣщенію, которыя людьми недалъновидными считаются за самое просвѣщеніе, — сущность его составляетъ наблюденіе явленій міра духовнаго и матеріальнаго, совершающихся внѣ и внутри насъ, открытіе на основаніи многихъ наблюденій причинъ и послѣдствій этихъ явленій, познаніе непреложныхъ законовъ, по которымъ они совершаются, и умѣнье, на основаніи того, предусматриваемыя явленія направлять къ извѣстнымъ нашимъ цѣлямъ. Вънецъ просвѣщенія есть мудрость, которая, принимая во вниманіе хорошо понятыя явленія, должна опредѣлить, какъ направлять эти явленія внѣшнія, а болѣе всего внутреннія, къ возможно большому довольству и счастію человѣчества. Философія, работая отдѣльно отъ христіанства, дошла только до сознанія необходимости законовъ гражданскихъ и кары за неисполненіе ихъ, хотя эти законы противны склонностямъ и желаніямъ отдѣльныхъ лицъ. Они направлены болѣе къ охраненію общественной тишины и порядка, нежели къ высшему осчастливленію людей. Христосъ же, вмѣсто тягостнаго закона, высшимъ результатомъ мудрости поставляетъ такое настроеніе духовныхъ нашихъ силъ, которое рождало бы *любовь*, вмѣсто терзающихъ насъ страстей: жадности, зависти, гнѣва, мщенія, гордости, коварства, которыя можно сравнить съ треніемъ и стукомъ худо настроенной машины, отъ которыхъ она портится и разсыпается. На любви основываетъ І. Христосъ царство Божіе, котораго повелѣваетъ намъ искать. Наука должна познать законы дѣйствія силъ, должна, такъ сказать, овладѣть ими, чтобы мы могли направлять ихъ къ цѣли, указанной Иисусомъ Христомъ. Путь къ такой мудрости труденъ, длиненъ, и потому мы такъ долго идемъ къ мудрости. Младенчествующіе народы, вмѣсто этой дороги, идутъ другимъ легчайшимъ путемъ, — путемъ фантазіи. Вмѣсто изслѣдованія многочисленными опытами точныхъ, ведущихъ къ открытію дѣйствительныхъ причинъ, явленій, они довольствуются признаніемъ за дѣйствительныя причины того, что имъ подвернется фантазія. На фантазіяхъ созидаются фантастическія теоріи, которыя, переходя по преданію чрезъ многія поколѣнія, вкореняютъ предрасудки, заграждающіе путь истинному просвѣщенію и побуждаютъ къ преслѣдованію тѣхъ му-

чениковъ науки, которые, на основаніи вѣрно понятыхъ явленій, выводятъ истины, противныя заключеніямъ, построеннымъ на фантастическихъ теоріяхъ. Фантастическимъ теоріямъ благопріятствовала средневѣковая схоластическая философія, которая не располагаетъ къ уразумѣнію явленій и къ выработкѣ ясныхъ понятій о дѣйствительной жизни міра матеріальнаго и духовнаго, а пропускаетъ готовые понятія, собранныя безъ критики чрезъ силлогистическія формы и, омрачая читателей, ведетъ къ любимымъ цѣлямъ наставника. Потому философія эта болѣе способствуетъ сокрытію лжи или облеченію ея призракомъ истины, нежели открытію самой истины.

Какому же роду наукъ благопріятствуетъ папизмъ и какому противодѣйствуетъ?

При возрожденіи наукъ на западѣ, папы благопріятствуютъ фантазіи, покровительствуя живописи, поэзію и музыку и преслѣдуя изслѣдователей природы. Вѣрность христіанства и значеніе его ученія основывается на исторіи, дѣйствующей при помощи филологіи и исторической критики. Но какъ жестоко преслѣдуемы были папствомъ тѣ, которые ухватились за эти проводники истины. Достаточно при этомъ вспомнить преслѣдованія Виклефа, Гуса, ясенистовъ, Лютера, даже самыхъ добросовѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ наукъ въ университетѣ пражскомъ и въ Сорбоннѣ. Они могли ошибаться, идучи дорогой еще неукатанной, *errando discimus*; другія ошибки ихъ не оскорбили бы папъ, но главнымъ побужденіемъ къ преслѣдованіямъ было то, что они обнаружили злоупотребленія и предразсудки, благопріятствующіе незаконной папской власти.

Всѣ неоспоримыя научныя истины выработаны въ лагерѣ враждебномъ папамъ. А чтобъ эти истины, въ приложеніи къ оцѣнкѣ истиннаго значенія папизма, не вывели изъ заблужденія поклонниковъ его, для того употреблены средства совершенно нехристіанскія, свойственныя обскурантизму, а не истинной и добросовѣстной наукѣ, — варварамъ, а не христіанамъ. Таковы: во 1-хъ, запрещеніе, подъ смертнымъ грѣхомъ, читать книги, противныя папству, не исключая даже библіи, что противно закону, принятому истиннымъ просвѣщеніемъ, что сущность каждаго предмета можетъ быть постигнута только всестороннимъ разсмотрѣніемъ его; 2) употребленіе въ богословскихъ наукахъ метода средневѣковой схоластической философіи; примѣръ того можно видѣть въ богословіи іезуита Перонне. Итакъ, не просвѣщеніе, а обскурантизмъ распространяютъ паписты. Обскурантизмъ этотъ тѣмъ болѣе опасенъ, что проповѣдуется во имя Бога.

По мѣрѣ просвѣщенія совершенствуется и цивилизація, благоустройство обществъ съ расширеніемъ свободы народовъ. На сколько теократическая система папъ противна понятіямъ о цивилизаціи, выработаннымъ наукою, показываетъ непрестанное противоборство папъ этимъ понятіямъ и нынѣшнія враждебныя отношенія папъ къ Италіи. Понятія, съ возрастаніемъ наукъ, очищаются и уясняются, слѣдовательно измѣняются; измѣняется и практическая жизнь согласно съ новыми воззрѣніями. Таковъ естественный ходъ прогресса. Значитъ, прогрессъ задерживается, если и предметы, подлежащіе измѣненіямъ, подводимы будутъ подъ неизмѣнную доктрину папства. Ложные принципы, или ошибочное примѣненіе истинныхъ принциповъ гражданскихъ не столь вредны, сколько подобныя заблужденія теократа, о которомъ думаютъ, что онъ непогрѣшимъ. Го-

сударь—преемникъ исправить ошибки своего предшественника, но этого не могутъ сдѣлать папы, не отказавшись отъ своей непогрѣшимости, своего главенства, своей свѣтской власти, составляющихъ главные принципы папства. Следовательно, застой цивилизаціи составляетъ характеръ папства.

Ультрамонтаны говорятъ, что непогрѣшимость папъ относится только къ предметамъ религіознымъ, но по теоріи они все подводятъ подъ религію. Богъ далъ, говорятъ они, духовную власть одному папѣ надъ всеѣмъ свѣтомъ, а власть свѣтскую многимъ государямъ надъ частями свѣта. Духовную власть сравниваютъ они съ душою, а свѣтскую съ тѣломъ человѣческимъ; а какъ духъ управляетъ тѣломъ, говорятъ далѣе, такъ папы должны управлять государями. Не угодно ли теперь опредѣлить границу между свѣтскою и духовною властію папы, для осуществленія этой теоріи, при каждомъ удобномъ случаѣ, протягивающаго руку за властью все дальше и дальше, если видить, что некому ударить по этой рукѣ?

Но, скажутъ: неужели все 200,000,000 латинянъ заблуждаются? Отвѣчаю: большинство не имѣетъ никакого значенія въ дѣлѣ религіи и даже заблужденія. Я поставлю возраженіе латинянъ нѣсколько иначе: ужели 600,000,000 язычниковъ заблуждаются и ужели истина не на ихъ сторонѣ? Когда толпа іудеевъ вопила предъ Пилатомъ: возьми, возьми, распни Его,—ужели истина была на сторонѣ большинства? Далѣе, какое имѣетъ значеніе эта огромная цифра? Правда, въ варварскіе вѣка папы приобрѣли огромное число своихъ послѣдователей среди варваровъ, обращенныхъ въ христіанство (какими способами, сказано выше), но западные народы, только наполовину отрезвились отъ грубаго невѣжества, немедленно протестовали противъ ученія и практики, выродившихся въ варварскіе вѣка, несогласныхъ съ ученіемъ и практикою чистаго христіанства. Протестъ этотъ, не считая частныхъ лицъ, весьма явственно обнаружился на двухъ соборахъ, признаваемыхъ римскими католиками—не ультрамонтанами, вселенскими, т. е. на соборахъ констанцкомъ и базельскомъ. На нихъ опредѣлено, что и папы подвластны вселенскимъ соборамъ и должны исполнять ихъ узаконенія, постановлено также, что нужно, по духу чистаго христіанства, сдѣлать реформу въ западной церкви, начиная отъ главы ея. Папы въ то время еще не привыкли къ такой оппозиціи, не предвидѣли ея и не обдумали средствъ къ реакціи, хотя бы несвойственныхъ христіанству, какія они употребили позже, и защищались только тѣмъ, что убѣгали изъ этихъ соборовъ и не возвращались, несмотря на неоднократныя приглашенія. Но реформѣ сопротивлялись всеѣми силами, хотя на ней сильно настаивало общественное мнѣніе и требовало, чтобы для этой цѣли, въ самое короткое время, созванъ былъ соборъ. Папы этотъ соборъ оттягивали далѣе и далѣе. Большинство хотѣло достигнуть реформы мирно, безъ потрясенія, въ надеждѣ, что къ общему желанію склонятся и папы; но другая половина европейскихъ папистовъ, понявъ, что ожиданіе это напрасно, сама начала преобразование, отказавшись отъ послушанія папѣ. Въ эту борьбу вмѣшалась политика. Одни изъ государей, вслѣдствіе политическихъ видовъ, нашли полезнымъ поддерживать одну, а другіе другую партію, что породило, какъ извѣстно, кровавыя войны. Папы не уступили ни шагу власти своей, даже для предупрежденія кровопролитій. Не могли однако не согласиться на созваніе давно ожидаемаго собора. Созвали соборъ, но напередъ надежно вооружились

всѣми средствами для принужденія членовъ его на свою сторону, и тридентскій соборъ освятилъ своимъ авторитетомъ почти всѣ наросты, появившіеся на чистомъ христіанствѣ въ варварскіе вѣка и укоренившіеся отъ упорства и властолюбія римскихъ епископовъ.

Оставшіеся въ послушаніи папѣ, видя упорство реакціонеровъ, прекратили дальнѣйшія движенія для возбужденія реформы, опасаясь такихъ же бѣдствій, какими терзала человѣчество война по случаю протестантской реформы. Затѣмъ наступилъ на западѣ религіозный индифферентизмъ; о преобразовательномъ соборѣ никто не думалъ. Незараженные индифферентизмомъ сильнѣе прежняго были фанатизированы въ папскомъ духѣ разными привилегированными монашескими орденами, а особенно иезуитами. Списокъ запрещенныхъ книгъ постоянно увеличивался, и такимъ образомъ укоренялся ультрамонтанизмъ въ народѣ, отъ котораго закрывали истину. Во многихъ мѣстахъ государи поддерживаютъ такой ультрамонтанизмъ для собственныхъ цѣлей. Короче: папизмъ держится и будетъ держаться, пока не расплывется подъ лучами свѣта науки.

Устойчивости его есть еще одна причина очень нераціональная и противная духу христіанства. Это способъ избранія кардиналовъ и самого папы. Только папы имѣютъ право избранія кардиналовъ и, разумѣется, избираютъ самыхъ завзятыхъ папистовъ. Папы никто не можетъ избирать, кромѣ кардиналовъ; папою никто не можетъ быть, кромѣ кардинала. Нельзя даже избирать кардиналовъ — не итальянцевъ, въ которыхъ, какъ живущихъ внѣ Рима, постороннія вліянія могутъ измѣнить и поколебать идею папства. Такимъ образомъ, папа никогда не бываетъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія западныхъ католиковъ, а только капризомъ малой касты, искусственно поддерживаемой въ одностороннемъ пониманіи религіи. На этой то кастѣ держится двухсотъ миллионное христіанство, — кастѣ, состоящей изъ нѣскольکو десятковъ кардиналовъ, пропитанныхъ средневѣковыми понятіями и предрасудками. Какая нелѣпость!

Черезъ восемьсотъ лѣтъ послѣ паденія западной римской имперіи, пала и восточная часть ея, потомъ наступило невѣжество. Русь, хотя приняла христіанство еще задолго до упадка просвѣщенія въ Царьградѣ, но, при неблагоприятныхъ историческихъ обстоятельствахъ, оставалась въ темнотѣ. Впрочемъ, эти обстоятельства не породили ни въ одной восточной церкви ни честолюбія, — самовластнаго господствованія надъ всею церковію, ни мнѣнія о своей непогрѣшимости. Еслибъ эти церкви, оставаясь въ невѣжествѣ, основывались на своей воображаемой непогрѣшимости и выводы своихъ софизмовъ возвели въ догматы, то, можетъ быть, онѣ еще болѣе сбились бы съ толку и болѣе надѣлали бы несообразностей, нежели папы. Но этого, благодаря Провидѣнію, не случилось. Восточныя церкви буквально держались и держатся ученія Христова и Его учениковъ, ученія вселенской церкви первыхъ вѣковъ христіанства, и теперь о христіанствѣ и объ устройствѣ его эти церкви имѣютъ тѣ самыя понятія, какія современная европейская наука открыла, при помощи изслѣдованій археологическихъ, филологическихъ и исторической критики, объ ученіи первоначальной церкви. Это и составляетъ критеріумъ правоты восточныхъ церквей. Если во времена невѣжества появились въ восточной церкви какія нибудь частныя мнѣнія, несогласныя съ чистымъ христіанствомъ, то эти мнѣнія, какъ недогматизованныя, исчезаютъ при свѣтѣ возрастающей науки и не держатся упорно.

Оканчивая свое письмо, не могу не присовокупить еще одного замѣчанія. Если въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ ультрамонтанизмъ сросся съ жизнью народовъ и заправляетъ политикой и гражданственностью, то у насъ, въ западныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ огромное большинство исповѣдуетъ восточный обрядъ, онъ не только бесполезенъ для общественной жизни, но совершенно вреденъ, какъ это доказалъ послѣдній бунтъ поляковъ. Если у поляковъ обратилась въ привычку тенденція къ распространенію ультрамонтанизма по всей Россіи, даже до Урала, и къ захвату всего этого огромнаго пространства подъ свое управленіе, которое неизвѣстно какъ было бы импровизовано, то мнѣ кажется, теперь они должны покинуть эту надежду и нашимъ папистамъ нѣтъ уже нужды ходить на пристяжкѣ у поляковъ, но стараться какъ можно тѣснѣе соединиться съ Россією и трудиться заодно съ русскими, безъ всякой задней мысли, надъ поднятіемъ цивилизаціи всего государства, проясняя дальнѣйшее развитіе благихъ реформъ, уже дарованныхъ и еще обѣщанныхъ нашимъ Монархомъ. Самое первое къ этому средство — отречься ультрамонтанизма, какъ источника ненависти ко всему русскому (говоря о массѣ, а не о частныхъ исключеніяхъ) и тѣсно соединиться съ восточнымъ православіемъ, въ правотѣ котораго, въ отношеніи религіозномъ, легко убѣдиться всякому желающему. Какъ приступить къ столь важному дѣлу и развивать эту совокупную дѣятельность, обсужденіе этого вопроса принадлежитъ самимъ римско-католикамъ, болѣе другихъ отличающимся знаніемъ людей, здравымъ умомъ и искренно желающимъ добра нашему краю.

Я совѣтывалъ бы для узнанія истины читать сочиненіе француза Росселя: «*L'ultramontanisme dévoilé*». Сомнѣвающимся въ справедливости его цитать, пусть сдѣлаютъ такъ, какъ мы нѣкогда дѣлали въ Жировицахъ; пусть повѣрятъ ихъ съ сочиненіями св. отцевъ и вселенскихъ соборовъ, происходившихъ въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Разумѣется, въ спорѣ восточныхъ христіанъ съ западными не должны быть принимаемы въ доказательство соборы западные, происходившіе въ средніе, варварскіе вѣка, безъ участія христіанъ восточныхъ. Сочиненія св. отцевъ и вселенскихъ соборовъ, изданныя учеными римскими католиками, можно найти въ богатой библіотекѣ православной виленской семинаріи. Въ результатъ этой провѣрки обнаружится, что римскій католицизмъ разнится отъ православія только тѣми наростами на чистомъ христіанствѣ, какіе пристали къ нему на западѣ въ средніе варварскіе вѣка, когда западные христіане, при всеобщемъ невѣжествѣ, продолжавшемся около тысячи лѣтъ, не въ состояніи были, или не хотели сличить и повѣрить своихъ религіозныхъ мнѣній съ ученіемъ первыхъ вѣковъ христіанскихъ, въ которыхъ вполнѣ понятъ смыслъ и духъ Христова ученія, по близости времени и мѣста земной жизни Спасителя и по высокой степени образованія, которое процвѣтало на востокѣ въ эпоху знаменитыхъ греческихъ отцевъ, въ эпоху вселенскихъ соборовъ, и которое впоследствии потушено было на западѣ варварами.

1964

Бел. адзей
Аўтамат.

Бел. адзей
1994 г.

